

ЕПИСКОП НЕСТОР (ДОНЕНКО)

ЛЮБОВЬ

РОЖДАЕТСЯ В СВОБОДЕ

Н.Оріанда
видавництва

СИМФЕРОПОЛЬ
2020

УДК 82-5(477.75)
ББК 86.372(2Рос.Кры)
Д 67

*По благословению
Высокопреосвященнейшего Лазаря,
Митрополита Симферопольского и Крымского*

Д 67 Епископ Нестор (Доненко)
Любовь рождается в свободе. – Симферополь: Н.Оріанда, 2020. – 408 с., ил.
ISBN 978-5-6043377-9-0

Епископ Нестор (Доненко), до монашеского пострига – протоиерей Николай Доненко, известен читателям как автор исследований о новомучениках и исповедниках Русской Православной Церкви XX столетия.

В этой книге впервые опубликованы избранные проповеди, расшифрованные с аудиозаписей, собраны интервью на актуальные темы из периодической печати, литературно-исторические статьи и выступления. Завершает книгу раздел, посвященный истории Крымской епархии. По архивным материалам восстанавливается картина событий первой половины XX века, образы исповедников веры, а также тех, кто шел на компромисс с властью ради земного благополучия.

УДК 82-5(477.75)
ББК 86.372(2Рос.Кры)

ISBN 978-5-6043377-9-0

© Епископ Нестор (Доненко),
2020
© «Н.Оріанда», макет,
оформление, 2020

Бог может все, кроме одного: Он не может спасти человека без его согласия. Сотворив человека свободным, Бог тем самым ограничил Свое всемогущество. Человек, полюбивший свою свободу как дар Божий, несомненно, с уважением отнесется к чужой свободе и примет ее в полной мере. Ведь только в свободе может родиться любовь. Она не появляется по принуждению. «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою», – говорит Господь (Ин. 13, 35). Семья, человеческие отношения, церковный приход, монастырь – везде, откуда не изгнана свобода, там возможна и любовь. И тогда все обретает новое, уже Богоподобное качество, это уже не православная религия, а Православная Церковь, Церковь как Тело и Кровь Самого Христа, Церковь как продолжение воплощения Самого Христа, вокруг Которого объединены люди тем лучшим и подлинным, что есть в их сердцах.

Епископ Ялтинский Нестор (Доненко), викарий Симферопольской и Крымской епархии Украинской Православной Церкви, – настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в поселке Нижняя Ореанда (Большая Ялта), преподаватель Таврической духовной семинарии, автор исследований о новомучениках и исповедниках Русской Православной Церкви, известный читателю по двухтомнику «Наследники Царства», по книгам «Новомученики Феодосии», «Священномученик Аркадий, епископ Бежецкий», «Ялта – город веселья и смерти», «Крымская епархия под началом святителя Луки» и многим другим. До монашеского пострига – протоиерей Николай Доненко, три десятилетия совершавший в Крыму свое церковное и священническое служение. 26 лет настоятельства, восстановления из руин архитектурной жемчужины Южного берега – Покровского храма, возрождение литургической и приходской жизни, архивные исследования, издательская деятельность, преподавание, научные и творческие контакты – это лишь немногие сухие факты биографии.

Погружение в историю эпохи гонений, соприкосновение с документами и живыми свидетелями подвига новомучеников, мысленное и сердечное проживание тех трудных и экстремальных обстоятельств, в которых святые оказывались победителями по благодати, стало основой духовного опыта епископа Нестора. А общение с живыми носителями Духа, подвижниками и старцами XX века помогало сохранить трезвенное отношение к себе, пастырскую чуткость и открытость к людям.

Эта книга родилась по многочисленным просьбам читателей из расшифровки аудиозаписей проповедей и бесед, подборки журнальных публикаций и докладов. Последний раздел посвящен истории Крымской епархии. На основании архивных материалов автор восстанавливает историю Крымской епархии первой половины XX века, образы исповедников веры, а также открытых гонителей, и тайных доносчиков, и тех, кто искал способа выживания в компромиссе с властью.

Слово Преосвященного Владыки Нестора, и произнесенное с амвона, и звучащее непосредственно в обычной беседе, каких бы тем оно ни касалось, в непрерывной цепи Священного Предания Церкви остается тем же, что проповедовали апостолы, что подтверждали своим подвигом преподобные, за что страдали святые мученики – свидетельством о воскресшем Христе Спасителе.

Монахиня Евстолия (Егорова)

ЛЮБОВЬ

РОЖДАЕТСЯ В СВОБОДЕ

ЧАСТЬ I

СВЯЩЕННАЯ ЦЕПЬ ПРЕДАНИЯ

БОГОСЛОВИЕ МУЧЕНИЧЕСТВА

Всем лучшим, что есть у нас, в нашем сердце, жизни, культуре и цивилизации, мы обязаны Православной Церкви, Христову свету, «просвещающему и освящающему всякого человека, грядущего в мир». Представления о жизни и смерти, небе и земле, истине и справедливости, верности, жертвенности и так далее выросли из опыта прочтения Нового Завета, вошли в нашу культуру, быт и повседневность, стали отличительной чертой восточно-христианской цивилизации.

Христианские идеалы, представление о возможном и должном делали все необходимое, чтобы в человеке выживало человеческое, чтобы скотское, низменное не могло стать приоритетным и альтернативным человеку как образу и подобию Творца. В идеале только человеческое в человеке может быть преображено Божественным Духом и наследовать Небесное Царство.

Русская жизнь, русский мир полны противоречий и взаимоисключающих движений. В нашей истории были удивительные взлеты и трагические провалы, трещины и разрывы, из которых поднимались инфернальные испарения... Но были и удивительные прозрения, Боже-

ственные посещения. Порой взаимоисключающее существовало, находилось рядом так близко, как только могло быть, образуя боль и трагедию для целого поколения. Но мы знаем, Господь наш Иисус Христос присутствует не над бурей, не над схваткой, не в стороне от трагических событий, но, напротив, в центре человеческой боли. И мы можем это разглядеть, подобно апостолам во время бури на Генисаретском озере, и, подобно апостолу Петру, пойти по волнам навстречу Спасителю. В своем роде это богословие, богословие действием, рождающееся в сердце, любящем Христа. И только при наличии такой решительности даруется чудо, и утихают внешние и внутренние бури, человек обретает мир, тишину и реальную встречу со Христом в своем умиротворенном сердце.

История Крыма, как и всей России, особенно в XX веке, была исполнена потрясением и болью, которая красной нитью прошла через судьбы лучших представителей нации, способных говорить «нет» лукавству, лжи и насилию, в каких бы облициях они ни представлялись. Подобные люди – свет и соль нашей земли, в первую очередь мученики, исповедники и подвижники благочестия. Если мы можем говорить с другими народами на равных, то это потому, что у нас есть такие же гениальные писатели, ученые, философы, как во Франции, Германии, Англии. И если их присутствие дает нам право вести диалог на другом уровне, то наличие великих святых дает нам особое дерзновение свидетельствовать об Истине, их глазами видеть самих себя и весь мир в свете евангельской правды и, соответственно, свидетельствовать об этой правде своими словами, поступками, всей своей жизнью. Собор новомучеников Российских – это не что иное, как смысловая и духовная скрепа, сохраняющая, вопреки всему, русский мир целостным. Для русской и восточно-христианской цивилизации вообще

это – несущая конструкция нашей жизни, некая Богом дарованная реальность, краеугольный камень, то, что помогает нам увидеть иное качество бытия, ощутить и осмыслить свое предназначение. За последние десятилетия мы пережили множество кризисов – экономический, политический, культурный, моральный, но самый страшный из них – это кризис нашей идентичности. Мы усомнились в своем первородстве, в своем особом предназначении, что повлекло за собой великие потрясения и общенациональную трагедию. Нам необходимо вернуться к незамутненным источникам нашего духовного и национального бытия, устремить свой ум и сердце ко Христу и Его Святой Церкви. И в этом отношении опыт XX века, начиная от Святейшего Патриарха Тихона до святителя Луки Крымского, есть не что иное, как источник нашего национального вдохновения. Это новые обстоятельства в истории русского мира, порождающие новые смыслы, которые, в свою очередь, приводят нас на Голгофу, к Животворящему Кресту. Именно оттуда истекает Божественная правда, которая облекается в плоть и кровь русской истории, являясь для нас непреходящей ценностью, особым смыслом, небесной радостью, которую мы должны вместить в свое сердце и поделиться ею с другими.

Феномен христианского мученичества не всегда доступен для людей, живущих вне Церкви. Как правило, для них невинно пострадавший человек – уже мученик. А между тем необходимо различать тех, кто пострадал за свои политические убеждения, социальное происхождение, культурные предпочтения или просто по недоразумению, в силу сложившихся обстоятельств. Не умаляя их человеческих страданий, мы должны указать на тех, кто сознательно принял страдания ради Христа и Его Церкви. Именно они и только они являются христианскими мучениками, которые осознанно приняли тра-

гические обстоятельства своей жизни и добровольно, по своей свободной, никем и ничем не принуждаемой воле, согласились страдать ради Христа.

Для нас важно, что мученик – это трезвый и адекватный человек, соглашающийся с ситуацией, в которую его поместил Господь, – такая эпоха, такие политические и идеологические обстоятельства, приведшие его в тюрьму или лагерь. И он говорит себе: «Я признаю, что это так», в отличие от тех, кто, подобно неблагодарному разбойнику, возмущается, шумит и пытается преодолеть обстоятельства своей жизни. Христианский же мученик не только соглашается с объективной реальностью, но и принимает ее как от Самого Христа. Тогда, когда он отдает свою свободную волю, сердце и ум, всего себя и свою надежду Христу, всё удивительным образом преображается, и он становится благоуханной жертвой Богу. И эта, уже новая, реальность, связующая земное с небесным, становится достоянием всего мира. Для безбожника страдания – черная дыра, пустое место, не имеющее смысла, которое невозможно проговорить словами. Но для христианина, верящего и доверяющего Богу Действительному и Действующему во всякий момент истории, даже в самый мрачный и непроницаемый ее период, страдания, в силу добровольного принятия, становятся не бессмысленным мучением, а претворяются в благодатный творческий акт отдачи себя Богу: «Вот я» (Ис. 6, 8). В падшем мире скорби и потрясения неизбежны, но отнестись к ним можно по-христиански, сделав шаг им навстречу в духе любви. Страдания и боль становятся созидательными, когда христианский мученик принимает их по своей воле, как и напротив, они могут быть разрушительными для тех, кто злобой и ропотом пытается их отогнать. Жертвы насилия, каких было много, лишены голоса, но не молитвы.

Все главные события XX века, на мой взгляд, происходили в России или так или иначе имели к ней отношение. Те, кто еще совсем недавно представлялся большинству главным в истории ушедшего столетия, – деятели и творцы новой коммунистической реальности, такие как Ленин, Бухарин, Троцкий, Рыков и прочие, – медленно, но верно растворяются в памяти нового поколения. И в то же время на историческом горизонте появляются блистательные имена, такие как преподобномученица княгиня Елизавета и инокиня Варвара, священномученик Владимир Киевский, Святейший Патриарх Тихон, священномученики Петр Крутицкий, Иларион Верейский, Фаддей Тверской и, конечно же, крымские святые – сошршители практического богословия.

Наиболее почитаемый из них – священноисповедник чудотворец Лука Крымский, который с поразительным блеском соединил в себе православное богословие, целостность научной картины мира, исповеднический подвиг и огромный труд врача-хирурга и теоретика. Его жизнь была подобна восхождению человека вверх по лестнице: каждый шаг дается с трудом, но в то же время поднимает его на новый уровень. Удивительным образом камни преткновения, о которые спотыкались его современники, для него становились ступенями, ведущими к вершинам духовного совершенства. У святителя Луки была редкая способность в любых, самых сложных жизненных ситуациях умом и сердцем разворачиваться в нужном направлении, безошибочно чувствовать, что задумал о нем Господь, что Он хочет от него в конкретный момент. И эта глубинная религиозная интуиция, абсолютная жажда вечности устремляла его ум и великую силу духа к Горнему Отечеству.

Жизненный путь святителя Луки был исключительно трудным. Но если малые страдания выводят нас из себя, то великие возвращают нас к себе и в конце концов при-

водят ко Христу. Несомненно, важнее, как человек принимает свою судьбу, нежели какова она на самом деле. И святитель Лука принимал обстоятельства своей жизни как дар свыше, с легкостью, которая рождается только в смиренном сердце. Все, чем он занимался в своей многотрудной жизни, он делал серьезно, с максимальной ответственностью и пониманием важности происходящего. Со всеми, кто приходил к нему, – а это были очень разные люди, – он обращался со вниманием и отеческой заботой, которая всегда с любовью ищет возможности помочь тому, кто оказался рядом. «Не великие дела угодны Богу, – говорит святитель Василий Великий, – а великая любовь, с которой они делаются. Нет ничего великого, когда любят мало, и нет ничего малого, когда любят много». Слова Василия Великого с особой ясностью помогают нам понять, каким был в своей земной жизни архиепископ Лука, что было для него главным, неотменяемо важным. Он всегда радовался, когда к нему приходили страждущие как к врачу, но неизменно подчеркивал, что если те же люди придут к нему как к архиерею, то он будет радоваться еще больше. Главным в своей жизни он считал архиерейское служение, свидетельство истины Христовой, за что претерпел огромные страдания, гонения, тюремные заключения. Перед любой смертельной опасностью он без колебаний исповедовал свою веру. Подобным образом поступали и другие новомученики и исповедники Крыма.

Нельзя не сказать о замечательном архиерее священномученике Никодиме (Кроткове, 29.11.1868–21.08.1938). Его жизненный путь был особенным. Потеряв жену в 22 года, он вскоре принял монашество и всю свою жизненную энергию отдал служению Православной Церкви. Был ректором духовных семинарий в Пскове и Ардоне, служил епископом в Кишиневе и Киеве, побывал в плену у поляков вместе с митрополитами Антонием (Храпо-

вицким) и Евлогием (Георгиевским). По благословению Святейшего Патриарха Тихона в 1920 году с риском для жизни пересек фронт и возглавил Крымскую епархию. Когда под давлением Красной Армии большинство архиереев решили покинуть Отечество вместе с Добровольческой армией, он, вопреки смертельной опасности, принял решение остаться со своей паствой. Когда началась трагическая кампания по изъятию церковных ценностей, сопровождавшаяся кощунством и насилием, он встал на защиту христианских святынь. В союзе с НКВД бесчинствовала так называемая обновленческая церковь, ее представители отнимали приходы у православных, подстрекали власти на более радикальные гонения и, захватив епархиальное управление, объявили себя реальной церковной властью. Архиепископу Никодиму предложили отказаться от управления епархией и покинуть Крым, что он решительным образом отверг. Его позиция была выверена умело продуманным сочетанием церковных канонов и советских законов. Но власти нужна была безоговорочная капитуляция священнослужителей перед ложными обвинениями и полное признание своей вины. Перед лицом неизбежного ареста он совместно с архиепископом Дмитрием (Абашидзе) принял решение втайне от всех, в первую очередь от властей, рукоположить во епископа вдового протоиерея Александра Зверева (24.02.1870–20.11.1937), который служил в Петро-Павловском соборе в Симферополе и преподавал в Таврической семинарии. 28 августа 1922 года поздно вечером на подворье Космо-Дамиановского монастыря в Симферополе для пострига и архиерейской хиротонии прибыл архиепископ Дмитрий (Абашидзе), который находился под домашним арестом в Топловском монастыре. На хиротонии присутствовал настоятель Александро-Невского собора священномученик Дмитрий Игнатенко и игумения Космо-Дамиа-

новского монастыря Вирсавия (Подозникова). В силу особых обстоятельств вместо обычной торжественно-продолжительной речи епископ Сергей ограничился лаконичным заявлением, в котором, признавая Советскую власть, говорил о своей решимости, если это потребуется, быть исповедником. Его попытка найти взаимопонимание с властью основывалась на готовности пострадать за Истину: «...Мы не можем не признавать гражданской власти и не повиноваться ей, мы приветствуем решение нашей республики о совершенном отделении Церкви от государства и школы от Церкви и нежелание ее вмешиваться во внутренние дела какой-нибудь религии. Со своей стороны мы идем навстречу всем добрым пожеланиям республики и не позволяем себе никакими нашими деяниями ставить какие-либо препятствия к осуществлению республики и ее власти. При этом мы надеемся, что гражданские власти нашей республики не станут вмешиваться в наши религиозные убеждения, не станут вынуждать нас идти за них только на мучения». После того как большевики одержали победу и из противоборствующей политической силы, каких было много во время революции и гражданской войны, стали властью, епископ Сергей, как и архиепископ Никодим и другие, признали ее как жестокую, богоборческую, но все же реальную власть. И, несмотря на весь трагизм такой перспективы, придерживались этого убеждения до конца.

На смену преподобническому подвигу пришли времена исповеднические, за каждый церковный поступок и даже слово правды неминуемо приходилось давать ответ.

В конце ноября 1922 года начался образцово-показательный суд над священномучеником Никодимом и группой священнослужителей епархии. Власти хотели обратить максимальное внимание общественности

на так называемые преступления Церкви. Свое право силы они пытались представить силой права. Архиепископ Никодим с достоинством православного архиерея опроверг нелепые обвинения и представил свою позицию как безупречную с точки зрения советского закона. Но поставленная политическая задача была выполнена. Он был осужден и отправлен в нижегородскую тюрьму с лишением права когда-либо проживать в Крыму и на Украине. Впоследствии его много раз арестовывали, и в конце концов он умер во время допросов в костромской тюрьме.

Недолго оставался на свободе и священномученик Сергий. В 1923 году его арестовали и выслали из Крыма. Дальнейшая его жизнь чередовалась сменой кафедр, арестами и заключением. В карагандинском лагере он снова обвинен с группой других священнослужителей и там же расстрелян.

Другим замечательным священнослужителем был епископ Порфирий (Гулевич, 26.02.1864 – 02.12.1937). 11 сентября 1931 года он был переведен на Крымскую кафедру. Он часто служил и проповедовал, разъясняя пастве все сложности и опасности, происходящие от безбожников и обновленцев. Многим он стал духовным отцом. Во время богослужения епископ Порфирий отстранялся от всего земного, суетного, преходящего. Его ум и сердце, все существо погружалось в Божественную Литургию и соединялось с ней так, что увлекало и направляло и молитвенно выстраивало всех сослужащих ему. И все это, по свидетельству очевидцев, происходило тихо и ненавязчиво и в то же время со властью и силой, какие Господь дает Своим верным. Святитель много раз подвергался арестам и гонениям, пребывание на Крымской кафедре было для него временем бескровного мученичества. 9 октября 1936 года владыка был арестован по обвинению в контрреволюционной

деятельности и после четырехмесячного пребывания в симферопольской тюрьме сослан в Казахстан, на станцию Уш-Тоб. 20 ноября 1937 года ему было предъявлено новое обвинение. Виновным он себя не признал. 1 декабря 1937 года епископ Порфирий был приговорен к расстрелу. 2 декабря приговор приведен в исполнение.

Вместе со священномучеником Порфирием были арестованы лучшие священнослужители Крымской епархии, его ближайшие сподвижники, такие как священномученик Димитрий Киранов, происходивший из древнего болгарского священнического рода, в котором были мученики и исповедники, пострадавшие от турок. С 1913 года священномученик Димитрий служил в ялтинском Иоанно-Златоустовском соборе. За мужественное исповедание веры он неоднократно подвергался гонениям, узам и ссылке. Как верный свидетель Истины, он был расстрелян 4 января 1938 года.

Его родной брат священномученик Виктор писал жене и дочери из лагеря: «Путь ко спасению проходит нормально, по указанию апостола Иакова – сперва страдания, затем терпение, а перенося их, приучаешься к смирению, которое, надеюсь, породит в будущем любовь и приведет ко спасению <...>. Страдаю я, как вам известно, совершенно невинно юридически и фактически, так как перед государством и перед властью ни в чем не повинен, весь город это может подтвердить <...>. Перед Богом же виноват за многие и многие грехи, за что и несу это ужасное наказание как заслуженное. Карцер – отсюда только и просить Бога, чтобы простил меня, а я Его лишь благодарю за милость исправления этим путем. Всех вас прошу: да будет мир между вами во спасение ваше, а мне в утешение».

С особой любовью в памяти православной Евпатории запечатлелся образ священномученика Елеазара Спиридонова, настоятеля греческой Ильинской церкви.

Смиренный, кроткий, он в то же время был духовным центром не только города, но всех греческих общин Крыма. Его мудрые советы, духовное руководство были небесным даром и спасительным утешением. В жестокие годы лихолетья он помогал осознать колеблющимся, ради чего должен жить христианин и за что умирать. Летом 1937 года его арестовали и сослали на Колыму, где он мученически скончался 6 декабря 1938 года.

Его родной брат мученик Димитрий Спиридонов – человек большого ума и незаурядной эрудиции. И в то же время он обладал удивительным смирением и кротостью, которые рождали поистине изумительную, лишенную всякой мнительности деликатность, которой многие современники искренно удивлялись. После окончания Санкт-Петербургской Духовной Академии 1913–1916 годы провел в Греции, занимаясь научной работой, и там сблизился со многими университетскими профессорами и архиереями. Опубликовал интересные исследования: «Древнехристианские мученики», «Новациан и его раскол», «К вопросу о мученичестве св. Климента, папы Римского, в Крыму», «Уроженцы Северного побережья Черного моря в истории древнегреческой мысли» и «О мариупольских греках», переводил святого Климента Римского и других древних авторов, вел обширную научную переписку. В 1938 году в Симферополе, как староста Троицкого храма, арестован. Отвергнув всякие обвинения, 29 ноября 1938 года принял мученическую кончину.

В это же время пострадали и другие новомученики Крымской епархии, прославленные на Юбилейном соборе 2000 года. Их великий подвиг помогает нам осознать, что скорби, переносимые верующим человеком, являются своеобразной прививкой к Лозе – Христу. И пока ее нет, плоды могут быть красивыми и изобильными, но для пищи непригодными. Но когда прививка страданием произошла, «плод мног сотворите» (Ин. 15, 8).

Богословие мученичества писалось на скрижалях крымской истории кровью и страданиями. А как мы знаем, на крови мучеников произрастает Церковь, в недрах которой мы спасаемся. Разумеется, в объеме данной статьи невозможно говорить подробно об особенностях жизненного пути многих священномучеников Крыма, но их присутствие в нашей истории было и остается лучом Божественного света, осаливающим и помогающим осмыслить нашу жизнь.

Новомученики Крыма наполняют нашу историческую память особым смыслом и являются духоносными творцами русской истории, а те, кто принимал полубожественную славу, чьими именами переименовывали города и улицы, уходят в забвение. Все, что соотносимо с Христом, Его Божественной правдой, имеет особый строй и особый статус и принадлежит не только земной истории.

Именно здесь, на окраине Русской империи, на ее священной границе, за которой начинается чуждый и враждебный мир, с особой остротой можно почувствовать отечественную историю, Божественный замысел о ней, к которому должен прикоснуться своим сердцем всякий русский человек, не желающий утратить свое первородство. Крым, Южный берег, царские места – это особое пространство для нашего исторического сознания, где был пережит большой террор, жестокость братоубийства и все исторические несправедливости, которые помогают нам осознать простую вещь – за свою душу нужно бороться. Если мы не будем думать о себе, о своем духовном и историческом предназначении, об этом будут думать другие... И то, что они придумают, скорее всего, нам не понравится хотя бы потому, что будет мало совместимо с нашей духовной и национальной жизнью. К сожалению, подобное происходило в нашей истории, и всякий раз, когда мы доверяли просвещенным европейцам думать и решать вместо себя, к нам

неизменно приходили бродившие по Европе призраки марксизма, либерализма, коммунизма и прочее облекались в русскую одежду, и, как следствие, проливалась невинная кровь.

Центром нашей цивилизации, национальной жизни и, конечно же, нашей личности является Господь Иисус Христос. В идеале мы от Него исходим и к Нему возвращаемся. Вне Христа, вне евангельской Истины ничего богоугодного совершить невозможно. Всем лучшим, как уже говорилось, что есть у нас и в нас, мы обязаны Церкви, святоотеческому прочтению Евангелия, которое хранится на Престоле православного храма и в недрах нашего сердца. В заамвонной молитве, когда заканчивается Божественная Литургия, есть слова: «Всяко даяние благо, и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов». И это несомненно так. Всякий подлинный дар нисходит свыше, потому что за всяким даром есть подлинная жертва – крестная жертва Самого Господа, через которую мы приобщаемся Христовой любви. И в первую очередь тогда, когда снимается ложная самозащита и Бог входит в человеческое сердце. А те, кто этого еще не сделал, должны помнить, что Христос, подобно нищему, смиренно стоит у порога нашего сердца и ждет подаяния любви. Мы должны помнить, что христианское мученичество, которое нам так блистательно было явлено в XX веке, напрямую связано с крестными страданиями Христа. И, являясь главным нервом русской истории, напрямую связано с литургическим сознанием, Божественной Евхаристией. В центре христианского мученичества всегда Крест Христов и Его Божественная любовь.

Как мне представляется, первейшая наша задача – усвоить, по преимуществу мученический, опыт XX века, сделать его своим. Раскрыть для себя и мира величие лучших сынов нашего Отечества, в первую очередь, да-

рованных нам Богом великих святых. Мало одержать победу, ее надо еще удержать, сделать ее своей для грядущих поколений. Наивно думать, что ее никто не захочет отнять или оклеветать. Бесы лжи и подмены в нашей информационной эпохе, как мы видим, доминируют, и наивные люди неизменно становятся их жертвой. Русскую историю неоднократно переписывали в зависимости от политических и идеологических установок. И если мы на это соглашаемся, то совершаем грех против духа, против национальной души и, в конце концов, против Самого Бога.

Мы должны набраться мужества – не только смелости и силы, которым может быть противопоставлена чужая, большая сила, а именно мужества, чтобы противостоять тому, что сильнее и больше тебя. Даже самое тихое «нет», которое сказано в этом мире, остается всегда священной реальностью, если оно сказано ради Христа, если его целью было отрицание лжи, лукавства и всякой подмены. Решимость сказать «нет» любым химерам, внешним соблазнам и даже своему страху есть особый опыт новомучеников XX века. Самый реальный и действенный способ отстаивать непреходящую Истину: «Иисус Христос вчера и сегодня и вовеки Тот же» (Евр. 13, 8). Уникальный опыт мученичества XX века органически вырос из Богообщения преподобных отцов, которых было так много в тысячелетней русской истории, рожденной выбором великого князя Владимира. В течение долгих столетий в совершенно разных обстоятельствах лучшие сыны нашего Отечества, великие князья, цари, мученики, преподобные молитвенным подвигом, подвижнической жизнью и даже собственной смертью свидетельствовали о духовном выборе князя Владимира, подтверждая ту цивилизационную, культурную, а главное, святоотеческую традицию, восходящую к святым Апостолам. Все главное в нашей вере, а стало быть,

в жизни, не менялось с апостольских времен, оставаясь краеугольным камнем русской истории. Святоотеческая традиция иногда расширялась, иногда сужалась, но никогда не прекращалась. И сейчас, перед лицом внешних вызовов и угроз, а также внутренних нестроений мы должны подтянуть свою историческую память и обратиться к незамутненным источникам национально-культурного бытия, органически выросшего из апостольской проповеди. В этом жизненно важном деле у нас есть помощники – Собор новомучеников XX века, дерзновенно молящийся у Престола Божия о своих собратях и о величии русской державы. Для нас это источник вдохновения, серьезный повод к духовной решимости осознать самих себя и свое предназначение и всей своей жизнью свидетельствовать об Истине, игнорируя пафос умных и сильных, технически доминирующих в этом мире. Вместе с Апостолом Павлом и новомучениками Российскими мы не хотим знать ничего, «кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1 Кор. 2, 2).

Мы прошли через великие страдания и потрясения и вправе ожидать многого от своей исторической памяти. Нестроения сегодняшнего дня могут быть преодолены соборным воспоминанием о том лучшем, что освящено Богом в нашей истории. Прославляя мучеников, исповедавших Христа Сыном Божиим, мы созерцаем Божественную любовь, не дающую нам окончательно погрузиться в греховную тьму.

*Сборник «Философская мысль в Крыму:
страницы истории».
Симферополь, 2018*

ВЕЛИКИЙ СТАРЕЦ ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ

Воспоминания об архимандрите Кирилле (Павлове)

– Отец Николай, когда я вошел в ваш храм и увидел на стене календарь с портретом архимандрита Кирилла (Павлова), вспомнил, как Батюшка, собираясь на отдых, говорил, что едет в Крым. Оказалось, он ездил именно к Вам. Хотелось бы, чтобы Вы поделились своими воспоминаниями, мыслями, связанными с отцом Кириллом, который дорог не только мне, его духовному чаду, но и большинству нашего православного народа.

– Встреча с отцом Кириллом – это особый опыт в жизни человека. Одно дело знать, что есть святые, и совершенно иное – соприкоснуться с ними в реальной жизни. Пусть это будет молитва во время богослужения, или совместная трапеза, или просто разговор, не касающийся высоких богословских тем, которые, как правило, отец Кирилл не поддерживал. Во всех случаях такая встреча провиденциальна и раскрывает таинственные грани бытия, затрагивает глубинные струны человеческой души, помогает раскрыться тому важному, сокровенному, что по какой-то причине находилось в глубине сердца и о существовании чего ты не вполне догадывался. Для меня, как и для многих гостей и прихожан Покровского храма в Нижней Ореанде, присутствие отца Кирилла на бого-

служении в течение нескольких месяцев в конце лета и осенью, продолжавшееся восемь лет, стало особой эпохой, незаурядным опытом соприкосновения с живой святоотеческой традицией. У многих на моих глазах такие встречи изменили жизнь, заставили посмотреть на старое и привычное как препятствие на пути ко Христу.

Святость – это самоценность и самоцель, и когда ты встречаешь святого человека, исполненного тишины и мира, соприкасаешься с ним, многие химеры и предрассудки, владевшие твоим сознанием, имевшие власть над твоим воображением, теряют свою силу. Впервые отец Кирилл пришел с архимандритом Агафодором, тогда наместником Донского монастыря, и тихонько встал в конце храма. На службе было не больше 5–7 человек. Совершая каждение на «Господи воззвах», я пригласил батюшку в алтарь. Я знал, что он отдыхает в соседнем санатории и к нему можно попасть, но вот он пришел сам, и показалось, что ты можешь приступить к нему с накопившимися вопросами на различные темы, что я при первой возможности осуществил. Он доброжелательно взял меня за руку и тихо сказал: «Ты молись, молись. Потом, после службы поговорим». Но чем дальше шло богослужение, тем меньше у меня оставалось вопросов. Отец Кирилл стоял в алтаре и смотрел в окно. У нас в алтарной абсиде есть крестообразное окно, через которое видно небо. Он смотрел совершенно особым взглядом, видящим нечто. И от него исходила удивительная тишина и спокойствие, которое как-то незаметно для меня стало упразднять мои вопросы, совсем недавно казавшиеся очень важными. К концу богослужения они потеряли свою силу, и задавать их мне показалось уже чем-то праздным и ненужным.

Самое интересное, что он сам вспомнил о моем желании что-то спросить: «Ну что, вопросы еще мучают?» Мне было стыдно удерживать старца только потому,

что хочется с ним еще побыть. Я говорю: «Да нет, вроде как все стало на место». И это было правдой. Все важное и все главное представлялось очевидным. «Ну и слава Богу! Молись, молись. Мы завтра придем». И, как ни странно, в этот момент я понял, что есть то, что касается спасения твоей души, и это главное, а есть бесконечное количество вопросов умственных, рациональных, которые, как бы разумно и актуально ни выглядели, к твоему спасению никакого отношения не имеют. Для меня это был совершенно удивительный урок, который отец Кирилл преподавал мне в первую встречу. Не словом, но живым примером – все, что касается спасения, твоих отношений с Богом, твоей бессмертной души, – это важно. Ради этого он готов был остаться и говорить. А если тебе хочется просто общения на абстрактные темы, то это уже праздность.

С каждым годом пребывания отца Кирилла в Нижней Ореанде на отдыхе появлялось все больше и больше новых людей, желающих встретиться и поговорить. Как правило, они заходили в алтарь после «Отче наш» и о чем-то спрашивали. Он брал человека за руку и внимательно смотрел вдаль, по всей видимости, молясь о нем. Меня тогда поразила его уникальная память – он восстанавливал ситуацию, о которой ему рассказывали много лет назад, как-то просто и органично, как будто видел ее целиком перед глазами прямо сейчас. Меня еще больше удивляло, что, уточняя те или иные обстоятельства, он непременно спрашивал: «А как ты сам думаешь? Как ты видишь разрешение?» Если речь шла о здоровье, он всегда интересовался, что говорят врачи, и только тогда с материнской любовью и кротостью давал совет, который органически вырастал из понимания и видения вопрошающего и направлял мысли и чувства того, кто нуждался в духовном совете, в церковное русло. Именно тогда я впервые обратил внимание, что Господь наш,

когда к Нему обращались, спрашивал о вере человека и *что* он хочет и только тогда даровал ему исцеление или помощь по его вере, тем самым не нарушая его свободную волю. Отец Кирилл по-святоотечески, руководимый Евангельской любовью, не выходил за пределы реального опыта человека и даже в очевидно добром не настаивал на своей точке зрения. В то время я был большой охотник поспорить, если встречался с ошибочным мнением, что порождало азарт и излишние эмоции. Как-то раз батюшка тихо сказал: «Не надо спорить. Если человек почему-то не понимает, лучше за него помолись, Господь управит». И с удивлением я признал в скором времени, что такой подход к решению противоречий, запутанных ситуаций куда результативнее любого столкновения. Благодаря отцу Кириллу я осознал, что с каждым, кто к тебе обращается, говорить надо на его языке, не выходя за пределы его понятий и представлений о жизни. И делать это надо всегда с любовью, по возможности смиряясь перед ним. Только тогда появляется надежда быть услышанным.

Отец Кирилл был человеком с сильным характером и волей и при этом обладал поистине божественной деликатностью, умел вмещать другого, каким бы тот ни был, в свое любящее сердце. В его характере было что-то очень русское, неохватное, величественное и в то же время глубоко смиренное, подобно русскому небу, под которым всем хорошо, уютно и мирно.

Благодаря встрече с отцом Кириллом я осознал, что Господь не только выше тебя, Он и ниже тебя, и не дает тебе соскользнуть на большую глубину греха. И всегда Господь видит в человеке все лучшее и ищет возможность оправдать его, поднять на ступеньку выше, показать путь покаяния и превосходнейший путь спасения. Отец Кирилл в этом смысле был как настоящий педагог, то есть вел душу, как маленького ребенка, к Царству Не-

бесному, где ее уже принимал Сам Господь. При всей видимой простоте отца Кирилла, его удивительном смирении в нем было внутреннее благородство, некий духовный аристократизм, который помогал всякому человеку осознать свое место в этой жизни, ощутить духовную иерархию, подобно небесным телам, которые движутся каждый по своей орбите, не унижая и не возвышая себя, но подчиняясь Божественному замыслу. Аристократизм – это всегда граница и всегда иерархия, а в случае с отцом Кириллом эта иерархия и границы были выстроены и очерчены его пастырской любовью. Только при таком отношении и такой Евангельской перспективе в человеке рождается человеческое. И кто бы ни соприкасался с батюшкой, в нем вызывалось к жизни все лучшее, подлинное. Даже убежденные старые атеисты, какими были некоторые врачи санатория, где он отдыхал, начинали разворачиваться в нужном направлении и о чем-то задумываться.

Это совершенно удивительная школа назидания, понимания, что никакая воля, никакая человеческая одаренность сама по себе не может другого человека выстроить и переменить. Только духовная деликатность и любовь Христова помогает человеку стать человеком, вырасти в полный рост.

У отца Кирилла был особый дар рассуждения, он одновременно видел в человеке и все лучшее, и его недостатки, и все противоречия, терзающие его душу, и умел все расставить по своим местам. Перепутавшиеся мысли, подобно завороту кишок, приводят к страданию, депрессии. Мысли могут быть правильными, как и кишки целыми, но если все перепуталось, – беда, все надо поставить на свое место. И батюшка делал это с удивительным мастерством, так что сам пострадавший, уходя от него с большим облегчением, не всегда понимал, как это произошло.

– Так у меня в жизни и произошло, на первой же встрече. Перед этой встречей были всякие искушения. Меня не пустили к нему, и я ушел в один из храмов и в итоге почему-то почувствовал, что мне нужно еще раз подойти на проходную. А там батюшка стоял и ждал меня уже 20 минут. И он меня повел не в приемную, а к себе в келью. И пока я поднимался по лестнице, начал ощущать, что те терзания и мысли, с которыми я приехал, начали у меня исчезать. Я пришел к нему, сел и увидел, что у меня само как-то все разрешилось: все мои сомнения, искания, путешествия в Индию, знакомства с Рерихом, чего только в моей жизни не было. Он мне сказал всего лишь несколько слов: «Сейчас, Андрей, пришло время защищать Русскую Православную Церковь и Святую Русь. Всё. А это ты всё свое отложи». И я отложил на всю жизнь. Чудным образом человек сказал всего несколько слов и изменил всю мою жизнь.

Каждый раз, когда я к нему приезжал, он начинал с вопроса: «Читаешь ли Евангелие?» Я долгое время не мог понять, почему Евангелие надо читать, почему он все время об этом спрашивает? Только совсем недавно начал осознавать, что это самое главное. Особенно в наш бурный и противоречивый век, когда ты читаешь Евангелие, с тобой уже Бог говорит, а не ты с Богом.

– Кстати, я тоже долгое время не понимал, что важно не столько чтение, сколько перечитывание, тем более, если это касается Нового Завета. Раньше казалось, ты уже читал, и все хорошо помнишь, и можешь ответить на возможные вопросы, как говорится, сдать экзамен по тексту. Но отец Кирилл неоднократно повторял, Евангелие нужно читать каждый день, в нем надо, так сказать, плавать. И благодаря его убедительным словам я понял, чтение Нового Завета должно быть постоянно действующим фактором в твоей жизни, подобно воздуху или

воде, подобно теплу или пище. И только тогда может наступить относительная ясность в твоём мировоззрении или мироощущении, только тогда в центре твоей жизни будет пребывать Христос. И все обстоятельства твоей жизни, как и то, что тебя окружает, ты сможешь увидеть в свете Евангельской правды. Ландшафт твоей души предстанет таким, какой он есть, как и мир, в котором ты живешь, ты сможешь увидеть и понять трезвенно и рассудительно, как подобает всякому христианину. Кстати, отец Кирилл Писание знал практически на память. Как-то раз, во время обеда, он сказал: «Вы ешьте, угощайтесь, а я вам почитаю из Евангелия». И по памяти прочитал главы из Апостола Павла, а потом главу от Матфея естественно и просто, как будто раскрытая книга была у него перед глазами.

Архимандрит Кирилл (Павлов) – совершенно особый человек в национальной истории, великий старец великой эпохи, благоуханный, Богом дарованный плод Русской Православной Церкви, скрепа и духовный ориентир нашего времени.

*Фрагмент беседы главного редактора православной
народной газеты «Русь Державная» Андрея Печерского
с настоятелем храма в Нижней Ореанде протоиереем
Николаем Доненко*

<http://www.stsl.ru/news/all/velikiy-starets-velikoy-epokhi>
2017.03.16

ЧЕЛОВЕК В ЦЕРКВИ

ВСЕ ВОПРОСЫ РАЗРЕШАЮТСЯ В СЕРДЦЕ

Христос воскрес! Воистину воскрес!

Христос воскрес. И все в этом удостоверились – и враги, и друзья, и последователи, и противники. Но все равно остаются сомневающиеся. Как верующие сомневаются в своей вере, так неверующие сомневаются в своей неверии. Всегда остаются те люди, которые недоумевают: «Как это может быть?» И у каждого – свой критерий и свой предел этого удостоверения. У апостола Фомы он был конкретен, предметен и совершенно ясен. И это был тот Фома, который сказал: «Пойдем и мы [в Иерусалим] и умрем [вместе] с Ним» (Ин. 11, 16). Решимость, любовь, верность, преданность у него были налицо. Но он усомнился и поставил условие: «Если мои персты не коснутся ран от гвоздей, и моя рука не прикоснется к язве в ребре Христовом, я не буду иметь веры». Всякий раз, когда мы рассматриваем человека, который искренне заблуждается или делает какую-то странную, на наш взгляд, ошибку, мы совершаем по отношению к этому человеку некий выбор. Мы сосредоточиваем свое внимание, свою оценку, свое определение этого чело-

века либо на заблуждении, либо же на искренности. Если мы видим только само заблуждение, несомненно, человек, хоть и искренний, подпадает под наше осуждение, неприятие, протест и несогласие. Но мы любим искренне сомневающих за их искренность, а не за их заблуждение. И если человек искренен, если в нем нет лукавства, если в нем нет двоемыслия, но есть какое-то недоумение, какие-то вопрошания, то это совершенно иное дело. Искренне заблуждающегося и искренне неверующего мы принимаем как человека, имеющего доброе намерение. А святитель Иоанн Златоуст говорит, что Господь «и намерение целует» («Слово на Святую Пасху»). И если наше намерение подлинно, если оно искренне, если оно происходит из недр нашего сердца, то Господь из него вырашивает и удостоверение, и веру, и упование, и надежду, и само спасение, и, более того, наследие Царства Небесного.

Мы имеем в той или иной степени разные сомнения, недоумения и вопросы, которые не можем разрешить. И порой мы подобны расслабленному при купели Силоамской, который не имел человека, кто был бы рядом и смог погрузить его, лежащего возле источника исцеления тридцать восемь лет. Но если мы верим в Воскресшего Христа, если мы верим в то, что Бог есть Любовь, если мы верим, что Бог действителен и действует во всякий отрезок мировой истории, и даже сейчас, когда мы с вами находимся в этом храме, то мы, уповая на Его милосердие и человеколюбие, отцовское попечение и заботу, можем задавать вопросы. «Господи, открой нам то, чего мы не знаем! Разъясни, покажи то, что мы не понимаем и не можем уразуметь без Твоей помощи, без Твоей благодати! Господи, открой нам то, что нам ко спасению, то, что мы должны понимать, но еще, как малые неразумные дети, понять не смогли!» Господь милует и спасает всякого человека, который к Нему обращается,

и открывает ему тайны премудрости не в зависимости от его интеллектуального уровня, не в зависимости от его философского или культурного понятийного аппарата, а в зависимости от его веры, от его желания, от его устремления к Небу и к Самому Христу. Если эта устремленность есть, и человек вопрошает, то Господь отвечает на его недоумения, на его вопрошания. Его жизнь начинает выстраиваться так, что ему становится понятно, почему случилось то или иное. Встречаются те люди или книги, те мысли или слова, которые помогают ему сделать нужные акценты на тех смыслах, на тех реалиях, которые снимают противоречия, и недоумения, и вопрошания. Все вопросы рождаются в нашем сердце. И все вопросы и недоумения разрешаются в нашем сердце. А Господь как Сердцеведец, Который знает больше, чем мы, о нашей глубине, о нашем тайном и сокровенном, о том, что еще появится в нас через десять, пятнадцать или двадцать лет, ведет с нами особые, таинственные, наполненные любовью отношения, чтобы ни одна душа не ушла в преисподнюю, не потеряла веру, но обрела смысл церковных таинств, подлинное сознание – и небесное, и земное, трезвенность и представление о том, что Бог уготовал всем любящим Его здесь на земле и в пакибытии.

Так что сейчас, следуя апостолу Фоме, мы можем задавать те вопросы, высказывать те недоуменные чувства, которые созрели в нашем сердце. Если мы хотим жить по Христу, со Христом и во Христе, то, стало быть, Христос и милует, и указывает, и направляет нас на каждом повороте нашей жизни и на каждом изгибе нашего чувства, и воображения, и представления.

Да поможет нам Воскресший Христос уразуметь то, что мы еще не разумеем, вместить то, что мы еще не вмещаем, понять то, что мы еще не понимаем, чтобы сделаться подлинными орудиями в руках Божиих, сде-

латься подлинными воинами, прозрачными свету Христову, который и согревает, и просвещает, и освящает, и преображает, и обновляет, и наставляет на всякую истину всякого человека, соприкасающегося с этим Божественным светом и этой Божественной любовью. Аминь.

*Антипасха. Неделя 2-я по Пасхе,
апостола Фомы
(Ин. 20, 19–31)
2018.04.15
Нижняя Ореанда*

О СЛЕДОВАНИИ ЗА ХРИСТОМ

Христос воскрес! Воистину воскрес!

Жены-мироносицы и праведные мужи Иосиф и Никодим еще не знали, что Христос воскрес. Поистине всегда удивительна любовь живых к живым. Но еще более удивительно, когда любовь сохраняется и к умершему человеку, который не может ни поблагодарить, ни сказать слова одобрения, ни оценить твой поступок. Именно Никодим и Иосиф, которые своей жизнью не определились во время земного служения Христа, в наиболее страшный момент катастрофы, когда Христа истязают, бьют, распинают и погребают, эти люди говорят и являют всем, что они есть ученики сего Назарянина. И это – мужество, это – прорыв, это – новое качество. Потому что все те ученики, которые были рядом, разбежались в разные стороны, прятались, как говорит Священное Писание, «страха ради иудейского». На Голгофе у Креста остались Жены-мироносицы, те, которые служили Ему своим имуществом, служили своей любовью и преданностью. Ветхий Завет говорит, что любовь крепка, как смерть (Песн. 8, 6). А в Евангелии мы видим, что любовь поистине сильнее смерти, и побеждает страх смерти, и господствует, и властвует, и царствует над страхом смерти.

Мы сегодня почитаем тех людей, которые остались со Христом в наиболее страшные, наиболее темные, наиболее жуткие моменты человеческой истории. Они оказались рядом своей верой и своей преданностью. Мы все называемся христианами и считаем про себя, что

идем за Христом. Но мы мало думаем о том, что значит быть христианином и что такое идти за Христом. Если ребенка мать ведет с собой за руку, то это не значит, что ребенок идет за матерью. И если птица, окружив своих цыплят крылами, ведет их туда, куда ей надо, это не значит, что цыплята идут за своей матерью. Только тогда, когда нет матери, нет отца, тогда сын или дочь начинают нащупывать те стопы, по которым ходила их мать или ходил их отец, и начинают на своей шкуре, своим сердцем, своим опытом испытывать и чувствовать, что значит ходить теми путями, которыми ходили родители. Одно дело – когда благодать Божия коснулась нашего сердца, преобразила ум и наполнила нашу жизнь, и Господь взял нас на Свои руки, понес по жизни. И совершенно иное – когда мы читаем Евангелие, когда мы воистину видим свои грехи и страсти, свои падения, преткновения, когда мы неочарованным взором начинаем охватывать весь ужас, весь ландшафт собственной души и жизни. Тогда мы начинаем понимать, как трудно идти за Христом и как внимательно, как трезво, как вдумчиво нам предстоит отыскивать Его следы в этой жизни, и как точно мы должны определять, что есть Христова заповедь, и как именно ее надо выполнить, чтобы идти за Христом, Который ожидает всякого любящего Его, верующего Ему и стремящегося к Нему. Это – подвиг жизни. Это – устремление сердца. Это то, что достойно награды и утешения от Самого Бога. Сейчас мы видим блистательный пример праведных мужей Никодима и Иосифа Аримафейского, мы видим удивительный пример Жен-мироносиц. И это удивление должно рождать в нашем сердце тот восторг и ту решимость, без которой нет подлинного христианина. Аминь.

*Неделя Жен-мироносиц
2012.04.29
Нижняя Ореанда*

ХРИСТОС – В ЦЕНТРЕ БУРИ И СКОРБИ

Вы слышали сегодня евангельское чтение, смысл которого сводится к простой вещи. Быть христианином – это в первую очередь искусство идти за Христом. Как бы ни было важно исполнять каноны, сохранять традиции, беречь церковно-славянский язык, но быть христианином – это последовать за Христом всем своим существом. И по тому, как человек идет за Христом, настолько он и определяется как христианин. Это усилие ума, это усилие сердца, воли, это усилие каждой фибры человеческой души.

Идти за Христом – это не то же самое, что идти со Христом, когда Он в какой-то момент берет тебя за руку и ведет рядом с Собою, когда благодать Божия отрывает тебя от земли и возносит горé, когда милость Божия покрывает тебя от самого себя, от собственных страстей и от падений внешних врагов. Последовать за Христом – это тогда, когда ты уже не видишь спину Идущего, но знаешь след и направление, по которым ты должен идти. Это – предельная собранность, верность, устремленность и жажда быть с Богом.

Хождение за Христом подобно тому, как апостол Петр ходил по водам. Не может человек идти по воде. Но если Бог сказал, он идет. Не может человек устоять среди сильной бури. Но если он смотрит на Христа, его устойчивость бесконечно велика, он архитектурен и устой-

чив. Если же человек отвлекается от Христа, не смотрит на Лик своего Божественного Спасителя, его начинают поглощать и волны, и ветер, и погружает пучина. Но и тогда, когда погружает пучина, Христос протягивает руку и говорит снова и снова каждому из нас: «Маловерный, зачем ты усомнился?»

Мы призываемся сейчас к верности, к хождению по водам, к хождению за Христом каждый день и каждый час, во всякий отрезок нашей жизни. Чтобы мы возрастали в духе, возрастали в вере и помнили о том, что Господь не только в благодати, не только в тишине, не только в мире, не только в благополучии, но Господь по преимуществу в буре. Это подтверждает пророк Давид Псалмопевец, говоря: Господи, «аще възыду на небо – Ты тамо еси, аще сниду во ад – [и Ты] тамо еси» (Пс. 138, 8). Он не над бурей, и не над войной, и не над противостоянием. Он – в центре всякой беды, всякой болезни и всякого противостояния, там, где человеческие страдания достигают своего предела. Господь может быть и в тюрьме, и в лагере, и в смертной опасности, где человек находится на пределе своих сил или даже за пределом своих сил. Он – в центре и той бури, о которой мы слышали в Священном Писании, и той бури, которая происходит иногда в нашей душе. Господь вездесущ. Он – в настоящем, прошлом и будущем. Он – с человеком и в человеке, и рядом с ним, и, более того, Господь под человеком, когда тот соскальзывает в ад. Господь, как искусный охотник, улавливает человека на всех его жизненных путях, и особенно тогда, когда случается провал бытия, и человек не в силах ожидать и принимать помощь от ближних.

Для того чтобы умиротвориться, чтобы буря утихла, мы должны сделать прыжок не вовне, а внутрь себя и заглянуть в бездну своего сердца, где только и возможно обрести мир, встретив Христа, Который ожидал нас все это время, пока мы в своем поражении и падении

не видели ничего, кроме поражения и падения. Как бы мучительно долго свинцовые тучи ни угнетали нашу надежду, за ними всегда светит солнце. Так и за пределами нашего отчаяния и беспомощности Милость Божия всегда обращена к нам.

Господь может быть не только на стороне победителей, но и побежденных, опрокинутых и униженных. И в этом их особая сила и несомненная победа. Там, где Христос, нет кризиса, поражения и тем более ада. Там всегда Его Божественное Царство. Аминь.

Неделя 9-я по Пятидесятнице

(Мф. 14, 22–34)

2016.08.21

Нижняя Ореанда

О БОЖЕСТВЕННОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Всех вас поздравляю с воскресным днем!

О чем было сегодняшнее Евангелие? Если коротко – о Божественной несправедливости. Для обывательского ума, для периферийного сознания тех, кто не ходит в Церковь и не молится Богу, не знает Священного Писания, призыв к справедливости является основным и краеугольным. И если что-то получается в их жизни или в жизни близких людей несправедливо, они возмущаются, бунтуют и ищут справедливости. Но если мы задумаемся и услышим слова, которые сегодня были прочитаны во время Божественной Литургии, мы увидим, что Бог по преимуществу несправедлив. Он дает благо и добрым, и злым, Он проливает дождь и дарует солнце и жизнь и тем, кто праведен, и тем, кто неправеден. Бог есть любовь. И Бог неизменен. И Бог не может перестать быть любовью даже по отношению к самому злему, самому жестокому и самому несправедливому человеку. В прежние времена богословы задавали вопрос: «Кого больше любит Бог – Пресвятую Богородицу либо же дьявола?» И ответ был однозначен: «Бог любит всех одинаково. Бог неизменен. Бог есть любовь».

И вот это понимание, это представление, это откровение о Боге очень трудно помещается в наше сознание, в наше сердце. Особенно когда дело касается наших страстей, наших немощей, нашей падшей природы. Мы

хотим, чтобы все было по справедливости, чтобы все было пропорционально, чтобы все было в зеркальном отражении. Но если мы присмотримся даже к собственному лицу, – оно глубоко асимметрично, и это можно проверить с помощью несложных действий. Все тело человека асимметрично. И вся жизнь, как духовно-нравственная, интеллектуальная, так и бытовая, социальная, – тоже асимметрична.

К какой же асимметрии призывает нас Священное Писание? Что нам говорит Христос? – Чтобы наша неправда и наша асимметрия по отношению к справедливости была направлена в сторону Божественной любви. Чтобы любые наши действия были всегда устремлены к Богу. И тогда в Божественной перспективе все преображается. И сам человек, и его окружение, и все, что он делает, становится качественно иным – обновленным, преображенным, напитанным Христовой любовью. Эту мысль мы должны усваивать как можно глубже, повторять как можно чаще и делать ее своею внутренней, принадлежащей собственному сердцу, уму и, главное, своим поступкам.

Так мы должны поступать по отношению к тем, кто к нам несправедлив. Мы можем прибегнуть к высшей Божественной справедливости, господствуя над всякой неправдой, поступать всегда и везде, во что бы то ни стало, по любви Христовой. Превосходить чужую ложь, лукавство, превосходить чужую несправедливость, жестокость, обиды и оскорбления, понимая, что как бы нам ни было больно от тех или иных действий наших окружающих, за их пределом стоит что-то еще. За их пределом стоит Божественное милосердие, любовь Христова, которая обращена и к добрым, и к злым – и к тому, кого обидели, и к тому, кто обидел. Бог в равной степени хочет спасения каждому, хочет, чтобы обновился этот человек, преобразился, воспринял Божественную любовь

и вошел в Царство Небесное. Мы не должны забывать о том, что Господь продолжает любить даже тех, кто абсолютно неправ и перед Богом, и перед человеком, и перед своей совестью. Если мы будем двигаться в сторону Божественной любви, мы сможем легче понять, а стало быть, принять, а принимая, рассмотреть, а рассматривая, полюбить того человека, который неправ в ожесточении своем, в своих страстях и грехах. Как бы ни был человек грешен, насколько бы ни было замутнено его сознание, сколь бы ни было сердце покрыто различными страстями, в глубине его всегда есть образ Божий, в который Христос всматривается и ищет Свои черты. Всматривается Господь в душу каждого человека и ищет Свое отображение. И мы должны помочь этому человеку, своей любовью соучаствуя в Божественной любви, восстать, стряхнуть всякую ложь, всякую нечистоту, как осенение листья, и обновиться для весны божественного преображения.

Постараемся же любить возлюбившего нас Бога. Постараемся же любить и образ Божий – своего ближнего, и совершить невозможную возможность, принимая ближнего в свое сердце, что возможно только в Церкви, только в пространстве Божественной Литургии, которая есть кусочек Неба на земле. Аминь.

Неделя 19-я по Пятидесятнице

(Лк. 6, 31–36)

2017.10.15

Нижняя Ореанда

МОЛЯСЬ, ПРЕВРАТИТЬСЯ В МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ

Евангельское чтение сегодня было о двух слепых, которые имели дерзновение, шли за Христом и, более того, вошли в Его дом. И когда просили: «Сыне Давидов, исцели нас!» – Он спросил: «Веруете ли, что Я могу это сделать?» Они сказали: «Ей, Господи! Веруем!»

В этом мы видим что-то для нас интересное и невероятно важное. Всякий раз, когда мы, люди гордые и самонадеянные, пытаемся решить ту или иную проблему своими силами, своими талантами, своими возможностями, своей энергией, теми ресурсами, которые дал нам Бог, – Господь отступает в Свою неприступность и разрешает нам заниматься нашим примитивным самообнаружением. Мы действуем так или иначе, пытаемся достигнуть своей цели. И всякий раз что-то не получается, и мы обращаемся: «Господи! Мы практически все сделали. Нам не хватает чего-то малого. Помоги! Подсоби!» Но в том-то и дело, что Бог может дать больше, чем ты просишь, больше, чем ты представляешь. А подсобить, помочь, быть у тебя техническим работником, как ты представляешь в своем воображении, – это невозможно. И всякий раз, когда человек оказывается беспомощным, когда заканчивается его человеческий ресурс, и, более того, он осознает, что ресурс закончился, его нет, и беспомощность абсолютна, он начинает глазами своего сердца, глазами ума взирать на небо и искать Христа.

«Господи! Исцели! Господи, помилуй! Господи, соверши то, что я абсолютно точно сделать не могу!» И эта беспомощность становится творческой беспомощностью, благодатной, в которую Бог входит беспрепятственно, потому что ложной самозащиты уже нет. И человек, отчаянно нуждающийся в помощи Христа, призывает Его и сердцем, и умом, и всей глубиной и силой своего существа. И когда Господь входит в человеческое сердце, входит внутрь человеческой жизни, она меняется, она преображается, становится качественно иной. Это – не воздействие магическое, это не воздействие силовое, когда усилием чуждой могучей воли ломается воля слабого человека и как-то перестраивается, и он начинает исцеляться от той болезни, подсаживаясь на что-то более глубокое и страшное. Это преображение, это новая тварь, это возвращение к тем незамутненным источникам человеческой природы, которые были утрачены и о которых сам человек забыл.

И вот, каждый раз, когда мы молимся Богу, обращаемся к Нему за помощью, мы должны превратиться в маленьких детей, мы должны осознать, что мы можем и чего не можем. Так и тогда, когда мы пытаемся помочь своим близким – родственникам, знакомым или даже собственным детям, – мы должны понять, в первую очередь, смогли бы мы это сделать по отношению к самому близкому человеку, т. е. к самому себе. Если я сам себе не могу сделать то, что пытаюсь сделать для своего ближнего, едва ли это получится. Это тоже – скрытая гордыня, самонадеянность и некое лукавое устройство ума, уход от решения собственных проблем под прикрытием помощи другим.

Мы должны понять, что Господь предваряет каждый наш шаг, каждую нашу мысль и каждое движение нашего сердца. Он ищет нас на всех изгибах нашей земной жизни, как опытный охотник, чтобы уловить для

Царства Небесного, для того, чтобы мы приняли благодать Святого Духа, и для того, чтобы здесь и сейчас уже вкусили радость Царства Небесного. Он ищет, чтобы Его Божественный образ отобразился в нашем сердце и тот удивительный небесный иероглиф запечатлелся однажды и навсегда в нашей еще земной жизни. И тогда наша слепота, наша глухота и немота, бесы глухонемые и слепые отойдут от нас. Мы сможем увидеть ландшафт собственной души и собственной жизни и все, что нас окружает, трезво, четко, адекватно, осознавая, кто мы, зачем и для чего призваны в этот мир. Сможем вопить к Богу и благодарить Его за всякое благодеяние, за всякую милость, за всякую любовь, которую Господь к нам обращает на каждое время, на каждый час, по отношению к каждому человеку, грядущему в этот мир.

*Неделя 7-я по Пятидесятнице
(Мф. 9, 27–35)*

2018.07.15

Нижняя Ореанда

КТО МОЙ БЛИЖНИЙ?

Сегодня вы слышали евангельское чтение о милосердном самарянине, о милости и милостыне.

Христос пришел в этот мир, чтобы изменить наше представление о той мере, в какой возможно рассматривать всякого человека, всякое обстоятельство, всякое жизненное явление. Прежде человек измерял природу через саму природу. Прежде человек измерял душу через человеческое тело. И человек был мерой всех вещей. Прежде человек измерял Бога через человеческое, и потому Божественное становилось зависимым от человека. Прежде человек понимал прогресс как некое соревнование и выход из животного мира. Но этот прогресс, основанный на сравнении с животным миром, презрело небо, а животный мир его не заметил. Христос пришел, чтобы изменить всякую меру и всякое соотношение. Центром нашей восточно-христианской цивилизации, центром нашего мировосприятия, Главою нашей Церкви стоит Христос – совершенный Бог и совершенный Человек.

В притче говорится о том, что ко Христу подошел некий законоучитель и спросил: «Какая наибольшая заповедь? Что мне делать, чтобы спастись?» На это Господь предложил ему сказать, как он читает Закон. И тот, на удивление, соединил два не самых ярких, не самых заметных в то время момента в Священном Писании – о любви к Богу и о любви к ближнему. И Господь его похвалил. Но чтобы оправдаться, законник спросил: «Кто мой ближний?» Этот вечный вопрос неизменно трево-

жит и нас. «Кто он, который называется ближним? Кому я должен помогать, жертвовать, делать что-то доброе, не ожидая ничего взамен?» И Господь отвечает притчей, которую вы все хорошо знаете.

Человек, идущий из Иерусалима в Иерихон, из горного места, где живет Бог, в дольное место, где живут люди, где совершаются грехи и падения, – этот человек попал в руки разбойников и лежал беспомощный. Проходит мимо него левит, проходит священник. И каждый по какой-то своей возвышенной и действительно очень значимой причине проходит мимо того, кто изранен, унижен, оскорблен, ограблен. И только самарянин, инородный и иноверный, подходит и делает все необходимое, чтобы этот человек ожил, выздоровел и встал на ноги. Он начинает действовать. Первое, он решается потратить свое время. Второе, он отвозит в гостиницу и платит своим серебром, дает две серебряные монеты и говорит: «Если этого будет мало, когда вернусь, дам еще». Третье, он тратит свое здоровье и свой сон и в течение ночи ухаживает за больным, возливая масло и вино на его раны. И более того, он собирается по возвращении проверить, что с этим человеком.

Собственно говоря, ближний – не тот, кто приближает тебя, а тот, кого ты приближаешь к себе своей любовью. Друг – это тот, кого ты рождаешь своей дружбой и любовью, вызываешь из небытия серой повседневности неразличаемых лиц. Ближнего мы сами выбираем и определяем как ближнего по своему сердечному христианскому устроению. Либо же выбираем по своей гордыне, по своим страстям, по своим деструктивным комплексам. И важно уметь различать первое и второе.

Если хочешь возненавидеть человека, сделай ему что-то плохое. И тогда ты сразу перестаешь его любить, уклоняешься от общения, тебе с ним некомфортно и неудобно. Если же хочешь возлюбить человека, тебе нуж-

но выйти за пределы своего эгоизма, гордыни, самости и совершить ничем не мотивированный добрый поступок, который не был бы ни прагматичным, ни коммерчески выгодным, ни удовлетворяющим твои страсти.

Господь говорит о том, что ближним является всякий, кто нуждается в твоей помощи. С другой стороны, ближним является всякий, кому ты уже оказал помощь. Ближний – этот тот, кто приближается через оптику нашего восприятия. И закрыться от него мы можем только изнутри, затворяя дверь своего понимания и своей совести. Ближним является всякий, кто находится рядом, вне зависимости от его статуса, происхождения и мировоззрения. Он нуждается – стало быть, он становится ближним по мере того, как ты видишь, что можешь здесь и сейчас сделать все необходимое, чтобы этому человеку стало легче. Совершая подобное действие, ты совершаешь его по любви Христовой, и Христос уже – между вами. Ты делаешь это из любви к Богу и, стало быть, уже из совершенной, чистой, не страстной любви к человеку. И значит, любовь Христова уже пребывает в твоём сердце. Надо научиться видеть в евангельской перспективе, евангельским способом все, что происходит вокруг нас. Потому что те пропорции, которые предлагает языческий мир или безбожный мир, совершенно непригодны ни к спасению, ни к устройству жизни, ни к устройству собственной души и отношений к самому себе, к Богу и ближнему. Будем же внимательно читать Евангелие, и всякий эпизод, всякую притчу, всякое слово Евангельское делать частью своей жизни. И тогда это будет не только знание текста, но и подлинное, бытийное, дарующее жизнь прочтение Писания. Аминь.

*Неделя 25-я по Пятидесятнице
(Лк. 10, 25–37)
2012.11.25
Нижняя Ореанда*

ВОЙНА НЕБЕСНАЯ И ЗЕМНАЯ

Всех вас поздравляю с Престольным праздником этого храма! Желаю всем многих лет, подчеркивая ту простую мысль, которая есть в сердце каждого христианина, – мы принадлежим вечности. В бытовом и преходящем смысле смерть неизбежна, но, если мы смотрим христианскими глазами, мы понимаем, что смерть недостижима.

Празднуя память Архистратига Михаила и всех Небесных Сил бесплотных, мы всматриваемся не в прошлое или будущее, но по преимуществу в вечность. История сотворенного мира начинается с тайны выбора. Каждый из сотворенных духов выбирает либо Бога, либо самого себя; либо славу Божию, либо личную гордыню. И происходит небесное сражение за славу Божию и за поклонение Богу. Архистратиг Михаил и небесное воинство низвергли в преисподнюю Сатанаила, который восстал на Бога.

И эта небесная брань продолжается уже в нашей земной жизни, уже в нашем человеческом измерении. Война в этом мире никогда не прекращается. Зло и духи злобы поднебесной всегда на чеку и, как говорит апостол Петр, дьявол, как злобный и голодный лев, рыкает, ища, кого поглотить (см. 1 Петр. 5, 8), ища пожрать всякого христианина, который рожден от воды и Духа для жизни вечной. И нам с вами заповедано быть добрыми воинами, о чем пишет Божественный Павел (2 Тим. 2, 3), и сопротивляться врагам истины, имея слово Божие, как острое по-

бедоносное оружие. Нам заповедано бороться за свою душу, и это есть не что иное, как духовная война. Мы должны сопротивляться внешним и внутренним искушениям, лжи и подмене, всему и всем, кто хочет отнять у нас наше первородство, нашу веру и благодать, оторвать нас от Церкви, которую даровал нам Христос. Молитвенно обращаясь к Архистратигу Михаилу и всему небесному воинству, мы только входим в их священную войну, учимся говорить «нет» внутренним и внешним врагам.

Быть православным – всегда усилие ума и сердца, всегда борьба с внешними сумерками. Непримируемая борьба, изгоняющая все низменное из человеческой жизни, определяющая священные границы, за пределами которых человек перестает быть таким, каким его сотворил Бог. Мы не должны уподобляться пыли, которая, отрываясь от земли, никогда не воспаряет в небо. Мы граждане небесного Иерусалима, и абсолютная Родина христианина – Царство Небесное. Но только через Поместную Церковь мы можем войти в то Царство. Как и в вечность можем войти только через историю, нашу Русскую историю, в которой мы родились, в которую нас изначально поместил Господь и в которой мы должны пройти свое житейское поприще.

Желаю всем вам мужества, твердости, веры, духовных побед и той радости, которую дает Господь всякому побеждающему по духу, по благодати, творчески, побеждающему силой Божией и силой слова Божия!

Один горизонт – у человека с пораженческим сознанием, и совершенно иной горизонт – у человека, который вкусил победу, не только военную, экономическую, интеллектуальную или социальную, а прежде всего победу духовную. Воистину горизонт возможностей и представлений о мире, о себе и обо всем том, что Господь уготовал человеку, – этот горизонт расширяется до неохватности. Будем же учиться побеждать по правде

Христовой, побеждать всегда, на всякое время и на всякий час, чтобы войти в славу Божию и соприкоснуться с радостью о Христе в Его Божественном Царстве! Аминь.

*Память Архистратига Михаила
и всех Небесных Сил бесплотных*

2018.11.21

*Севастополь. Церковь Архистратига Михаила,
гарнизонный храм Черноморского флота*

ДУХОВНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

Поздравляю вас с праздником чудотворной иконы Казанской Матери Божией!

С этой иконой связаны цельбоносные моменты, моменты истины в истории нашего Отечества. Вы все хорошо помните, каким был 1612 год для России. Она вполне уже превращалась в Великую польскую равнину. Внешние враги объединились с внутренними, и в Москве в Кремле явились лжепатриарх Игнатий и претендент на престол Лжедмитрий, а также лжебояре и всякие лжечиновники, лжеименитые люди, которые властвовали в Москве и доминировали за ее пределами. И только патриарх Ермоген и Троице-Сергиева Лавра сопротивлялись этому бесконечному мраку, охватившему православное Отечество.

На каком-то этапе русские люди осознают, что дальше так нельзя, дальше – погибель, растворение и небытие. И те, кто разрушал государственность, возвращаются и начинают ее созидать.

Только тогда, когда человек осознает, что есть враг, он начинает что-то предпринимать для защиты. Только тогда, когда народ узнает, что у него есть смертельный враг, он начинает мобилизацию. И вот когда русский православный народ действительно осознал, что внешний враг пытается уничтожить не только тело, но и душу, люди стали производить некоторые умозаключения, расслышав призывающий голос патриарха Ермогена. Объединение возможно только тогда, когда есть центр, вокруг кого или

чего объединяться. Объединение всех сословий, всех этносов и групп того или иного государства возможно тогда, когда осознается внешний враг, который намного злее и способнее к разрушению, чем все те противоречия, которые мучают каждую семью, каждое сообщество, каждый этнос, и род, и целую державу. Если это осознание происходит, то люди соединяют свои мысли и чувства в решимости действовать совместно, понимая, что у них единая историческая судьба, которую нужно защитить, побороть всех, кто пытается ее разрушить. И вот этой центральной объединяющей фигурой становится Патриарх Ермоген. Этим объединяющим центром становится Троице-Сергиева Лавра. И тогда соединители русской мысли и русского чувства Косьма Минин и Дмитрий Пожарский начинают призывать народ постоять за Отечество Православное, за свою веру и за свое будущее, не только земное, но и небесное. И тогда, раскаявшись, все те, кто безобразничал в это смутное время, стали кричать: «Мы зложим своих жен и детей, но отстоим Отечество!» Для слуха современного человека это крайне недемократично и нелиберально. Как можно закладывать жен и детей?! Ради чего, если твое тело – это первая и последняя собственность, вне которой ничего не существует? Но сознание наших предков было иным. И этот радикализм был не отступничеством, не предательством, а священной жертвой, которую Бог принял. И они отстояли не только самих себя, но и своих жен, и детей, и своих предков, и последующие поколения.

Подобная решимость необходима и в наши дни. И если человек или народ не видит и не понимает, что у него есть враги, это огромная метафизическая ущербность, мировоззренческий изъян. Враг всегда есть. Мы не сомневаемся в том, что есть дьявол и есть его служители. Мы не сомневаемся, что есть и среди людей их последователи, которые ищут гибели всякому православному чело-

веку, всякому православному народу, всякой доброй мысли и доброму намерению. Мы знаем, о чем говорил апостол Петр: «Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити» (1 Петр. 5, 8). Ничто из этих слов не отменилось. И по сегодняшний день дьявол, аки лев, рыкает и ищет, кого можно уловить для вечной гибели. Сейчас, именно сейчас, мы должны проявить усилия ума и сердца, объединиться вокруг Церкви, вокруг святых, которые есть несомненные и подлинные молитвенники о нашем спасении и спасении нашего Отечества. Мы должны понять, что у нас есть внешние и внутренние враги. Мы должны понять, что есть страсти, похоти и бесы, духи злобы поднебесной, которые присутствуют в нашей жизни как постоянно действующий всепроникающий фактор. Мы должны научиться быть воинами, умеющими сражаться за свою душу, за свое бытие, за свою веру, за своих близких, за свое Отечество и свою цивилизацию. Именно эта священная война помогает человеку выстроиться во весь человеческий рост, во весь Божественный замысел, который Господь вложил в каждого из нас. Мы знаем, что отдельный человек, как и отдельный народ, есть не данность, а некая заданность, которой нам нужно достичь. И это задание, можно сказать «домашнее задание», нам предстоит исполнять и на домашнем уровне, борясь со своими грехами, и на внешнем уровне, борясь за свою культуру, за свое пространство, и на цивилизационном уровне. И тогда мы будем осуществлять замысел Божий о великом предназначении нашего народа, его ответственности, его свидетельстве о правде, и истине, и величии Божиим. Аминь.

*Празднование Казанской иконы
Пресвятой Богородицы
2015.11.04
Нижняя Ореанда*

СОВРЕМЕННЫЕ ГАДАРИНЦЫ

Нам хорошо знакомо евангельское чтение о том, как Господь изгнал множество бесов из гадаринского бесноватого, которого не могли укротить ни люди, ни цепи и оковы, никакие препятствия. Бесы, которых в нем был легион, гнали его по пустыне и не давали покоя, что и нам, людям XXI века, знакомо не понаслышке. И когда явился Спаситель, а это всегда особое присутствие, Он повелел им идти в свиное стадо. И, как это случается со всем, к чему прикасаются злые духи, двухтысячное стадо ринулось с обрыва и утонуло в море. Пораженные пастухи позвали хозяев. Те пришли со всеми жителями страны Гадаринской и ужаснулись от происшедшего еще невиданного события, неожиданного, меняющего представление о порядке вещей. Некогда одержимый бесами мирно и кротко сидел у ног Христа. Его вид был совершенно вменяемым и пугающе разумным – он слушал и слышал слова Христовы. С другой стороны, жителям гадаринским была очевидна чрезвычайная материальная утрата, которая впечатлила их сердца больше, чем исцеленный единоплеменник. И они продемонстрировали удивительное единодушие в оценке происшедшего. Ужас и недоумение, несогласие и нежелание соприкоснуться с величием уже случившегося чуда подвигли их просить Христа не входить в их город, уйти из их мест, чтобы чудо Божественного присутствия не повлекло за собой новых нежелательных перемен в их устоявшейся жизни. И Господь, Которого не осмели-

лись послушаться бесы, смирился перед волей здоровых, нормальных, не одержимых бесами людей. В этом случае мы вправе говорить о Божественной деликатности и Христовом смирении. Исцеленный человек попросил позволения следовать за Ним. Но Господь оставил его как живое свидетельство Своей любви, как неисчерпаемую и неудобомыслимую возможность чуда, всегда превосходящего человеческое воображение.

Гадаринцы удивительно напоминают современных людей. Очевидность материальных благ и радость их потребления заслоняют собой все чудесное и даже живое, реальное присутствие Самого Христа. Странна для сердца, любящего Бога, непонятна убежденность в приоритете всего земного, осязаемого, связанного с личным комфортом. Исцеление больного, его спасение от злых духов ни в коем случае не перевешивало в их глазах потерю свиного стада. Из Евангелия мы не усматриваем, чтобы гадаринцы были склонны к особым грехам. Скорее они были рачительными хозяевами, обладающими так называемым здравым смыслом. И действительно, если перевести в современный денежный эквивалент стоимость двухтысячного стада, мы сможем лучше оценить нравственную борьбу гадаринцев.

Присутствие Христа – это всегда Царствие Божие, тишина и неотмирная радость. Это – снятие любых неснимаемых противоречий, это всегда – чудо преображения и обновления, которое одновременно может нарушать и чин естества. И это всегда – риск, расторжение брака со всем земным, со всем греховным, страстным, несправедливым, которое для нас нередко кажется до боли родным, естественным местом нашего обитания, с которым мы не хотим расстаться.

Гадаринцы воспринимаются удивительно современными людьми, уже знакомыми с европейской конституцией и новыми европейскими ценностями, где нет хри-

стианства, откуда Христос изгнан, и упоминание о Нем не рекомендовано. Пожалуй, многие европейцы убедились в «справедливости» гадаринского выбора и по праву могут называться почетными гадаринцами.

Мы должны определиться, кто мы и с кем мы. Идем ли за Христом вместе с Его учениками, чтобы научиться быть Христовыми, либо нет... И очарование болотных огоньков захватило в плен наше сознание и покорило наше сердце, и мы поверили, что материальное благополучие может гарантировать нерушимый, окончательный комфорт нашей земной жизни.

Вероятно, в каждом из нас есть та одержимость, которую мы хотим преодолеть, и что-то человеческое, вопреки всем страстям и грехам, остается в нашем сердце. И тогда, видя Христа, мы, хотя бы и слабым, хотя бы и незвучным голосом, произносим: «Господи, вопреки всему, спаси, обнови и избави мя от смущения, избави мя от лукавых духов и злого очарования, от собственных страстей и самооправдания!» Либо же мы в согласии с гадаринскими жителями одиночужденно и единогласно предлагаем Христу уйти из нашей жизни. Перед таким выбором мы стоим каждый день, каждый час и каждую минуту и отчаянно нуждаемся, чтобы Господь вошел в наше сердце и сотворил там обитель, вошел в нашу жизнь и преобразил ее, и претворил ее в вечность Царства Небесного. Аминь.

Неделя 26-я по Пятидесятнице

(Лк. 8, 26–38)

2010.11.14

Нижняя Ореанда

БЫЛ ЛИ ТЫ ЧЕЛОВЕКОМ?

Вы слышали сегодня притчу о конце времен и о Страшном Суде. Господь говорит четко и ясно для всех, обращаясь однажды и на все века, как именно человек будет судиться на Страшном Суде. По правую сторону пойдут те, кто был человеком по отношению к человеку, кто сотворил милость, кто проявил любовь по отношению к больным, заключенным в тюрьму, несчастным, нищим, голодным. И всё, что мы сделали ближнему, Господь это вменяет как то, что мы сделали Ему Самому. Эти люди удивляются: «Господи! Почему же так? Мы Тебя не видели, не знали, а делали это, исходя из любви своего сердца».

И другие, которые становятся с левой стороны и причитаются к козлищам, они отказались участвовать в каких-то человеческих делах любви: не посетили больных, не проведали заключенных, не подали милостыни нуждающимся, оказались бесчувственными, жестокими и черствыми. И то, что Господь вменяет это по отношению к Себе, – предмет удивления как для одних, так и для других.

Еще задолго до Нового Завета Гераклит говорил, что глаза и уши – плохие свидетели для тех, у кого грубое сердце. Христос любит людей, у которых тонкое сердце, способное чувствовать и видеть, которое является плотным сердцем, а не каменным, ожесточенным и бесчувственным. И когда мы чувствуем тонкое дыхание любви, мы начинаем понимать то, что не понимают другие, без-

божные люди, начинаем и видеть, и слышать, и чувствовать. В Церкви осуществляется небесная поразительная возможность – в своем ближнем увидеть образ Божий, увидеть брата и сестру, потому что Отец, Которого ты называешь Богом, также и его, и ее Отец. Это есть тайна Божественной любви, которая проникает от сердца к сердцу и делает человека человеком. Древнегреческий поэт Менандр говорил: «О, как прекрасно звучит: Человек! Конечно, если только он – человек». Мало родиться человеком. Надо, чтобы в человеке родилось человеческое. Вот это и есть та христианская святоотеческая аскеза, которая посвящена борьбе в человеке за его человеческое, чтобы в нем не преобладало скотское, свинское, низменное, в конце концов, демоническое. Чтобы человеческое состоялось и заняло свою иерархическую ступень. И вот, когда в человеке рождается внутренний человек, тогда этого человека Господь может спасти и может принимать в Царство Небесное. Но если человек остается человеком только по названию, а не по существу, если он только номинальный человек, только возможность человеческого, – этого слишком мало.

И вот здесь и сейчас мы должны подумать, что же надо сделать, что мы можем сделать, что мы хотим сделать, чтобы быть людьми, чтобы Божественная любовь коснулась нашего сердца и чтобы мы по-человечески относились к тем людям, которые находятся рядом с нами.

И еще важный аспект в этой притче. Господь не упрекает никого за мировоззрения, за философскую базу, за политические ориентиры, за культурный контекст, в котором они жили. Он говорит только о человеческом, о способности быть человеком в полном смысле этого слова по отношению к подобному тебе страждущему человеку. Способны ли вы были любить или вы оказались уплощенными, одномерными существами? И вот это

достаточно важно для нас с вами. Потому что на этом уровне может понимать все и очень образованный, и очень необразованный, и очень умный, и человек со средними способностями. Если ты любишь ближнего, ты любишь Бога. Если ты любишь Бога, ты любишь ближнего. И если эта любовь связана с усилием твоего ума и сердца, с внутренним усилием как постоянно действующим фактором твоей жизни, то ты на правильном пути, и получишь воздаяние от Бога, и будешь восходить от меры в меру, поднимаясь по лестнице Иакова в Царство Небесное.

Мы сейчас вступаем в особое время. Следующая неделя сплошная, в среду и пятницу пост не соблюдается, но с понедельника уже не вкушают мяса. Это неделя, когда мы окончательно приводим свои мысли, свои чувства, свои переживания в надлежащее состояние. Бог любит тишину. И мы должны становиться тихими, смиренными, кроткими, способными вместить Божественное благовестие. И через неделю мы уже вступим в Великую Четыредесятницу – особое время, в котором, как правило, рождается все лучшее в нас. Будем же сосредоточены. Будем молиться и прощать, принимать и вмещать друг друга такими, какие мы есть.

Неделя о Страшном Суде

(Мф. 25, 31–46)

2017.02.19

Нижняя Ореанда

ПРЕОДОЛЕНИЕ ХАОСА

Всех вас поздравляю с воскресным днем и памятью великого святителя Григория Паламы! По его имени мы определяем целую эпоху, ее смысл, ее содержание, ее внутреннюю логику и дальнейшее развитие православного богословия, происходящего от опыта богообщения.

Преподобный Иоанн Дамаскин говорит, что худшим из грехов после безбожия является варварство, то есть смешение, путаница, неразбериха в нашей голове и в нашем сердце. Та путаница и то смешение, которое сейчас называется постмодерном. Это происходит, когда правое становится левым, высшее становится низшим, а низшее возносится вверх, когда вещи теряют свое оседлое бытие и начинают смешиваться не только по форме, но и по содержанию, и по смыслу. И вот это есть худший из грехов, что может совершить человек, после безбожия. Бог есть Бог порядка, а не беспорядка. Если мы обращаемся ко Христу, обращаемся к Церкви, то наш ум, наше сердце, наш внутренний и внешний мир начинают упорядочиваться, мы начинаем различать, где добро, где зло, где право, где лево, где горнее, а где дольнее, где божественное, где человеческое и где подчеловеческое. И это уже структурированное пространство, определенное в своем смысле, преодолевает хаос, преодолевает внешние сумерки и помогает человеку выжить, чтобы выжило в нем подлинно человеческое.

Это и есть аскетика, начальная аскетика христианской жизни, борьба за собственную душу, чтобы в человеке

не торжествовало низменное, пошлое, бездарное, тянущее его в преисподнюю, но чтобы выжило в человеке человеческое. Если в человеке рождается человек, тогда он может быть освящен, и преображен, и обновлен благодатью Святого Духа. Но это рождение – всегда некое усилие, это не что иное, как борьба за свою душу, борьба за смыслы, борьба за свою веру, борьба с ложью и неправдой, которые всегда предлагал дьявол в виде тех или иных ересей. Это кровавая и жестокая борьба, о которой говорили святые отцы: «Дай кровь и прими Дух». Другой логики и других соотношений не бывает. Если ты хочешь быть человеком, тем более – человеком Христовым, – научись бороться, научись драться. Пойми, что есть границы, за которые ты не можешь переходить. Есть и те границы, через которые нельзя пропускать никого и ничто, потому что эти границы охраняют чистоту нашего сердца, чистоту нашей мысли, чистоту нашего вероучения и дают нам надежду на спасение.

Мы живем в особое время, время особенной путаницы, смешения, недоразумений. И только воцерковляясь, только вчитываясь в Священное Писание и наследие святых отцов, мы каким-то образом пытаемся и можем навести порядок в собственной душе, в своем уме и своей жизни. Для этого требуется постоянное усилие. Для этого требуется вхождение в великий и блаженный опыт святых отцов, подобных святителю Григорию Паламе. Мы чтим святых – Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Григория Паламу и многих других. Но их книг, их трудов не читаем. А ведь если мы читаем того или иного автора, как утверждают психологи, философы и просто наблюдательные люди, мы входим в прямой и живой диалог с этим человеком. Если читаем мы Пушкина, то Пушкин говорит с нами. Если читаем Лермонтова или Достоевского, то Лермонтов и Достоевский говорят с нами, и это живое, подлинное, непосред-

ственное общение. Если мы читаем Священное Писание, с нами говорит Сам Господь. Если читаем труды святителя Григория Паламы, Василия Великого, других святых отцов, мы входим в прямое и живое общение, воспринимаем живой импульс этих великих подвижников, которые сейчас у престола Божия дерзновенно молятся, чтобы мы услышали их проповедь, увидели их пример и последовали за ними в наших сложных и противоречивых обстоятельствах.

Будем же православными христианами на всякое время и на всякий час! Будем стоять в Истине и бороться с многообразными искушениями, прикрытыми искусительными масками! Будем же читать святых отцов и Священное Писание и каждый день голубиными шагами продвигаться к Царствию Небесному! И тогда Господь подойдет к нам, и войдет в наше сердце и нашу душу, и преобразит, и обновит, и дарует нам благодать Всесвятого Духа. И тогда мы узнаем, *что* есть Божественные энергии, *что* есть преображение, *что* есть радость о Духе Святом, которая паче всякой радости и смысл паче всякого смысла, и спасение, которое может дать только спасающий Бог. Аминь.

*Неделя 2-я Великого поста
свт. Григория Паламы
2018.03.04
Нижняя Ореанда*

ЧИТАТЬ, ПЕРЕЧИТЫВАТЬ, ПОНИМАТЬ, ПРОЖИВАТЬ

Всех вас поздравляю с воскресным днем! И с памятью преподобного Иоанна Лествичника!

Важно не столько чтение, сколько перечитывание. Об этом говорили великие философы и великие писатели. Не важно, сколько прочитал человек, а важно, как он прочитал, качество прочтения. Оттого искусство медленно-го чтения и искусство перечитывания уже прочтенного есть основополагающее качество и достоинство в том числе и православного христианина. Не обязательно прочитывать бесконечно много газет, журналов, книг. Но важно прочитывать максимально сосредоточено те книги, которые являются основой нашей цивилизации, нашей традиции, нашей культуры и нашего понимания этого мира, те книги, которые являются культуротворческими и духотворческими, которые структурируют наше сознание и помогают нам хаос претворить в космос. Такой книгой является и «Лествица» преподобного Иоанна Лествичника.

И здесь важно понять еще одно. Конечно же, можно прочитать книгу от начала до конца. Но если она будет записана только на каких-то электронных носителях или на скрижалях нашей памяти или будет лежать на полке, – этого очень и очень мало. Лишь то, что записано железной иглой на скрижалях нашего сердца, то, что кровоточит болью и любовью, является подлинным

и неотторжимым, совершенно реальным нашим достоянием. И к такому качеству прочтения и святых отцов, и Священного Писания мы должны стремиться. Всякая книжка, если мы читаем всерьез, с серьезной мотивацией, должна оставить след в нашем сознании и в нашей душе. И по прочтении мы должны посмотреть, что же осталось от наших усилий. Что мы запомнили, что мы поняли и что мы смогли воспроизвести в своей жизни. И вот последнее оказывается самым малым и незначительным. А ведь только действие характеризует христианина как реального христианина, а не номинального. Только поступок, только исполнение заповеди, только совершенно конкретное деяние определяет его как личность, как человека, способного к действию. Есть замечательные люди, обладающие блистательной памятью. По прочтении книг они могут воспроизвести любой текст и любую информацию. Но их жизнь находится очень далеко от того, что они прочли. У нас иная задача. Мы должны идти за Христом, идти по Его следу. Мы должны руководствоваться святыми отцами. Мы должны понимать, что каждый день и каждый час этой земной жизни очень серьезен, предельно наполнен смыслом и содержанием. И более того, благодать Божия, любовь Христова каждый час, каждую минуту, каждую секунду пытается прорваться к нашему сознанию, к нашей душе, к нашему сердцу, чтобы нас оживотворить, обновить, даровать нам то, что Господь дарует по избытку Своей любви и человеколюбия. Но с нами не все в порядке. Всему лучшему наше сердце закрыто. Те каналы, по которым приходит благодать Божия, – наше восприятие, наше сознание, наше понимание, – перекрыты лжеинформацией, перекрыты какими-то иными образами и представлениями. И вот здесь требуется некая диета и некое очищение – пост и молитва. И когда пост и молитва бывают реальными, тогда отходит тот

демон, который блокирует нашу душу и наше сознание и не дает нам быть самими собой, быть людьми, быть в достаточной степени людьми, чтобы встретить Христа, чтобы принять Христову любовь и последовать за Ним.

Все это очень важные вещи, которые мы должны осознать и которым должны последовать. Нужно предельно серьезно отнестись и к самому себе, и к своей жизни, своей душе, своим мыслям, к своим поступкам и отсутствию своих поступков. И все это совершить в свете евангельской правды, в свете святоотеческого Предания, в свете опыта и мучеников, и исповедников, и великих отцов, оставивших великие и глубокие труды аскетического характера, которые помогают нам быть самими собою.

У нас огромное количество проблем и огромное количество задач. Но мы имеем оружие. Мы имеем некий инструментарий, который по своей природе исключительно неотмирнен, он произошел, сформировался не в этом мире, не в посюсторонней реальности. И оттого мы можем, если захотим, используя его, с легкостью и радостью с помощью Божией преодолеть те, казалось бы, непреодолимые трудности, которые кажутся неотменяемыми для человека неверующего, для человека хоть и талантливой, но находящегося вне Церкви. Аминь.

*Неделя 4-я Великого поста
преп. Иоанна Лествичника*

2018.03.18

Нижняя Ореанда

О ДОЛГЕ И ПРОЩЕНИИ

Евангельское чтение, которое мы слышали сегодня, было о долгах и прощении. Кто должен? И насколько должен? И почему должен? И как он обязан вернуть свой долг? И надо ли его возвращать? Этот вопрос кажется, с одной стороны, очень простым. Но с другой стороны, когда мы начинаем к нему приближаться, он мало-помалу усложняется и становится труднодоступным.

На Афоне есть практика: если ты не простили обиду своему брату, опусти в молитве «Отче наш» слова «...и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Опускай эти слова до тех пор, пока не оставишь долг, не простишь обиду тому, кто тебя обидел.

Часто бывает так, что мы живем своими обидами, вдохновляемся ими, переживаем их еще и еще раз по-новому, собираем энергию этой обиды, и, более того, вдохновляясь, начинаем действовать, поступать, думать и оценивать окружающую реальность, исходя из тех обид, которые были в детстве, в отрочестве, юности или в зрелые годы. И эти обиды разрастаются до вселенских размеров, закрывают весь горизонт мироздания, более того, закрывают все милосердие Божие. Эта обида переживается как единственно важная, что должно быть удовлетворено и решено.

Обид и претензий очень много не только между отдельными людьми, но и между разными народами. Если разбираться, кто кому что должен, это будет очень долгая тяжба. Должен ли больше великий народ, великий этнос малому

этносу? Должна ли великая культура малой культуре? Или, напротив, люди малого народа должны больше тем великим народам и тем великим цивилизациям, которые определяли основные векторы мировой истории? Кто должен больше? Нищий ли богатому, или богатый нищему? По какой шкале измерять этот долг? Мы видим в Евангелии, как богач не считал, что он должен нищему Лазарю, лежащему у ворот его дома, больному и несчастному. И эта бесчестность привела его в очень нехорошее место. А отсутствие претензий со стороны Лазаря, что богач непременно ему что-то должен, определило Лазаря на лоне Авраамовом.

Если присмотреться внимательно духовными очами, мы поймем, что свои личные долги мы выбираем сами, а также и своих личных должников определяем своей волей и каким-то странным не всегда осознанным предпочтением. Мы выбираем сами, кому что простить и насколько простить, какую обиду вместить, а на какую отреагировать в полной мере, выставить полный счет. Так происходит и между народами, между странами, между культурами, между различными кланами и сообществами. Но этот выбор рождается в нашей свободной воле, свободном самосознании. Рождается либо в свете Евангелия, либо во тьме нашей гордыни, страсти, нашего желания властвовать и обладать.

И вот сейчас мы должны подумать, как мы можем простить долги тем, кто нас обидел. Как отпустить обиду? Как отпустить оскорбления, которые стали составной частью нашего сознания, нашей жизни, нашего самоопределения? Христос говорит: «Без Мене не можете творить ничесоже» (Ин. 15, 5). Поверьте, что и обиду ближнему – даже самую мелкую – без помощи Христа, без помощи Его Божественной любви и благодати очень трудно отпустить. Человек будет хранить ее, как некий жемчуг, как некий аргумент, как некий козырь, некое документальное основание, чтобы поступить так же с обидчиком, но не сейчас, позже, через какое-то время,

как это хорошо описано у Пушкина в повести «Выстрел»: я свой выстрел сохраняю до лучшего времени, когда ты будешь счастлив, когда у тебя будет все хорошо, когда ты будешь совершенно точно желать жизни. Тогда я приду и возьму свой долг. И это будет особенно больно, то есть долг – с процентами.

Но если мы хотим, чтобы наш бесконечно огромный долг перед Богом был прощен Самим Творцом, то мы должны научиться прощать и обиды, и оскорбления, и унижения, и все, что таится в подсознании нашей души, что таится в нашем сердце, что иногда неосознанно, вопреки нашему пониманию и осознанию, движет нами в тех или иных поступках. Мы должны открыть свое сердце любви Христовой. Мы должны понимать, что без Христа ничего творить положительного, подлинного, созидательного не можем. Нам нужно молиться о том, чтобы Сам Господь молился в нашем сердце, и Сам же принимал эту молитву, и Сам нас присоединял Святой Своей и Апостольской Церкви, и в этой Церкви, обновляя наше сознание, сердце, душу и всю нашу жизнь, примирял нас друг ко другу, чтобы мы, называясь братьями и сестрами, непогрешительно для совести называли Бога своим Отцом. И тогда благодать Всесвятого Духа, обновляющая и спасающая, будет постоянно действовать в нашей душе. Тогда мы сможем быть свидетелями не только у себя дома, не только для своих близких, но и для всего мира, для всей вселенной о том, что Иисус есть Христос, победивший смерть и даровавший нам жизнь вечную, которая начинается здесь и сейчас – в нашем сердце, в евхаристическом общении и в нашей соборности. Аминь.

*Неделя 11-я по Пятидесятнице
(Мф. 18, 23–35)
2017.08.20
Нижняя Ореанда*

О ДОЛГЕ И ЖЕРТВЕ

Слава Богу за всё!

Скажем еще раз о долгах. Когда мы должны что-то материальное, нам это чувство знакомо, понятно. Когда человек отдает свое, это для него чувствительно. Как говорил герой известного фильма Давид Маркович: «Больно, если семечки по пять рублей. По четыре рубля – уже не так больно». Страсть скупого давит – душа болит!

А когда человек отдает не только свое, но и самого себя, это уже совсем иное измерение. Отдать свое тело, отдать свое время, отдать свою душу, отдать свою жизнь – так поступали мученики. Преподобный Паисий говорит: «Если ты отдал свое сердце Богу, то Бог даст всё, что твое сердце любит». Всё конвертируется, умножается и преображается. Только надо, чтоб сердце было отдано Богу. А это так сложно! Иногда оно так хорошо вмонтировано в те страсти и предпочтения, которые так глубоко сидят в земной коре и даже глубже!

Я, кажется, уже рассказывал историю, связанную с отцом В., которого вы все знаете. Когда В. еще не родился, а его мать только вышла замуж за его отца и его совсем недавно рукоположили, то с первой зарплаты в 1960 году, в сложные времена, он купил китайский макинтош. Это было круто! Не надо улыбаться! Это очень круто! Такой основательный старорежимный китайский макинтош – подарок молодой любимой жене. Был ноябрь. Она шла по городу (не помню, то ли Запорожье, то ли Никополь). Вдруг видит человека в порванной одежде, в одной ру-

башке. Непонятно, что с ним случилось: не то из тюрьмы вышел, не то побили, не то ограбили. Сердце ей подсказало, что здесь ситуация неординарная, надо помочь. И по первому импульсу она достает три рубля, которые были в кармане, отдает, снимает этот макинтош недельной давности и надевает на него: «Возьми! Тебе нужнее!» Потом в ужасе идет домой: «Что скажет муж?! Ну как же! Сто двадцать рублей! – зарплата инженера! Отдала. Кому? Зачем? Типа: добрая сильно!» Идет со страхом, молится: «Господи, помоги! Первый месяц брака, так не хочется ссоры!» Муж встречает, вроде бы ничего: «Ну что, дорогая, отдала и отдала, ну ладно». Как-то все рассосалось. Ночью она видит удивительный сон. В нем нет ни одного слова. Она видит Христа... в этом плаще...

То есть жертва была принята. И Господь показал: «Вот, Я принял». Что это был за человек? Откуда? Что с ним случилось? – Все это осталось тайной. Но было удостоверение: «Ты не ошиблась! Ты искренне отдала самое дорогое, что было – первый подарок мужа, дорогую вещь, – неизвестному человеку».

Всякий раз, когда мы что-то отдаем, на самом деле мы эту вещь, эту любовь, это слово, эту жертву оставляем окончательно за собой. Она окончательно принадлежит нам. Это уже невозможно упразднить. Если хочешь, чтобы что-то стало твоим окончательно, – подари, отдай! Даже врагу (но с любовью, в идеале – ради Христа)! Отдал – значит это точно твое!

И напротив, если ты побил, или убил, или причинил зло другому, то знай, что этот человек и причиненное ему страдание будет с тобой до конца жизни, и на Страшном Суде, и в преисподней, где бы ты ни был, как alter ego, как постоянно действующий неупразднимый фактор.

Все устроено очень просто. Всякое благо – от Бога. «Всяко даяние благо и всяк дар совершен свыше есть» (Иак. 1, 17). Мы ничего благого не можем сделать без Христа. Более того, в молитве Первого Часа говорится: «Христе, Свете истинный, просвещай и освящай всякого человека,

грядущего в мир...» То есть человек еще не вошел в этот мир, еще не вылупился из утробы, еще пуповину не отрезали, еще он не крестился, не родился от воды и Духа, но уже он просвещается светом Христовым. Потому Христос любит тех, у кого тонкое сердце, внимательные глаза, чувствительные уши, наблюдательный ум, любит людей чутких, которые отзываются на Его Божественную любовь. А если человек грубый, туповатый, да, ему понятно: рай – хорошо, ад – плохо. И дальше понятия уже не развиваются. Хорошо сохранился, ум совсем детский. Это, конечно, усложняет дело спасения. А все святые были тонкими, очень чувствительными, необыкновенно восприимчивыми к тем изящным проявлениям Духа, которые непрестанно ищут, как бы уловить человека, усвоить его любви Божией.

Будем прислушиваться: «Господи! Вразуми меня, что же я могу сделать для тех, кто рядом со мной, и кто не рядом?» Когда ты становишься орудием в руках Божиих, тогда что-то происходит подлинное. Когда же начинаешь заниматься продюсерством или примитивным самообнаружением, вот здесь начинаются бесплодные усилия. Ну, потом, конечно, Бог по Своей милости останавливает. Иногда травматичным образом, иногда тихо по любви. И надо начинать все сначала.

Возлюбим Возлюбившего нас! И научимся давать, чтобы приобрести!

Вот, мы видим слова Иоанна Златоуста, написанные на иконе священноисповедника Романа, которые он любил повторять: «Откажемся от своего маленького, человеческого, и Бог нам даст Свое большое, Божественное!»

Но нужно разжать сердце и руку! А это порой так больно! И в то же время спасительно, радостно, как рождение нового человека в этот мир. Будем преодолевать боль и косность сердца!

*Слово после благодарственного молебна
2017.08.20
Нижняя Ореанда*

СТАТУС ЧЕЛОВЕКА ОПРЕДЕЛЯЕТ БОГ

Всех вас поздравляю с воскресным днем! Поздравляю с поправдством Сретения Господня!

То, чего так напряженно ожидал праведный Симеон Богоприимец, мы видим как свершившийся факт, от юности ставший неотъемлемой частью нашей жизни. Более того, мы видим и осязаем исполнение ветхозаветных пророчеств. И Воскресение Христово являет нам свет Божественной Славы. Мы видим очень многое, чего не видели древние мужи, но веровали и ожидали.

Культура ожидания присуща и нам, христианам XXI века. Удивительным образом своим ожидающим сердцем мы принимаем приближающиеся дни Великого поста, за которым и последует Христово Воскресение.

Неделей раньше мы слышали евангельское чтение о мытаре Закхее, который захотел видеть Христа и взобрался на дерево, пренебрегая своим статусом, своим положением. Желание видеть Христа было всепобеждающим. И Господь ответил на его желание.

Сегодня в притче евангельской, которую мы слышали во время богослужения, вспоминается другой мытарь. А мытарь – это человек, который сотрудничает с оккупационными властями и питается кровью сограждан. Нам, людям XXI века, эта модель хорошо знакома, что это за человек, каковы его свойства и каковы его функции. Как в древности во время земной жизни Христа, так и сейчас

подобные люди не пользуются большим успехом, популярностью и расположением своих сограждан. Перед нами фарисей и мытарь. О чем эта притча? Сюжет вы все хорошо знаете. Мытарь каялся, сокрушался, укорял себя, а фарисей перечислял все, что он исполнил. О чем шла речь? Каждый из них по-своему пытался найти сетку координат и место пребывания в этом мире. Кто он? Что он? Где он находится? В каких координатах космоса, смысла, ценностей он пребывает?

Фарисей перечислял свои достоинства. Но как профессионально благочестивый, изучивший Священное Писание, он понимал, что Бог и так все знает, – не только его дела, но и его помыслы и движения сердца. Собственно говоря, его молитва – это манифестация его добродетелей, которые обращены не столько к Богу, сколько к самому себе: я делаю то-то, и то-то, и то-то, стало быть, я нахожусь на том месте, которое мне подобает занимать в соответствии с моими делами.

Подход к самоидентификации мытаря был совершенно иной. Он понимал, что может перечислять только безобразия, насилия, поборы, коррупционные схемы и прочие мерзости, в сущности, не совсем то, о чем подобает говорить и чем стоит хвастаться, тем более пред Богом. И мытарь отказался от этой манифестации, от нахождения себя в координатах криминального, преступного и явно греховного мира. Он говорит одно: «Боже, милостив буди мне грешному!» Другими словами, он предложил Богу определить координаты его нахождения в этом мире и будущем, не только в мире человеческого, но и в Божественном мире. «Господи! Ты Владыка Неба и земли, Ты знаешь мое сердце и все мои грехи. Я их перечислять не буду, потому что – не место и не время. Но я отчаянно нуждаюсь в Твоей помощи, в Твоей Божественной любви и в Твоем утешении. Ведь сколько бы я ни сделал грехов и какие бы удовольствия от них ни по-

лучил, я все ж таки понимаю, что те раны, которые были нанесены моими грехами, они кровоточат, они болят. (И в каждом из нас есть подобный опыт.) Господи! Ты Сам определи мое место по Своей милости, и человеколюбию, и Божественному Промыслению!»

И вот, когда человек предлагает Богу сделать то, что может сделать только Господь, тогда Господь начинает действовать, и действие Божественной любви всегда превосходит всякое ожидание, всегда совершается нечто большее и лучшее, чем человек мог представить, хотя бы потому, что это – дар Божий. А когда некто пытается сделать все сам, усилием своей воли, игнорируя присутствие Божие, он может оказаться фарисеем, в числе профессионально благочестивых священнослужителей, монахов или мирян.

Всякий раз, когда мы обращаемся к Богу, мы должны помнить, что Бог есть любовь, постоянно действующая, неизменная, любовь, которая обращена ко всем однажды родившимся. И Бог нелицеприятен. Когда Бог смотрит на человека, Он пытается различить Свои черты в его душе, всматривается в то, что осталось в человеке человеческого, где может быть запечатлен Его образ, где возможно Его присутствие. Нам понятно то, что Господь всегда выше человека, как и то, что Господь и справа, и слева, и впереди, и позади. Но, более того, Господь и под нами, даже когда мы спускаемся в бездну. Пророк Давид говорит: Господи, «еще взыду на Небо, [Ты] тамо еси; еще сниду во ад, тамо еси» (Пс. 138, 8). Бог вседесущ. Он всегда не только выше, но и ниже человека, пусть даже самого грешного, – для того, чтобы удерживать его от нового падения, от нового срыва, от нового соскальзывания в бездну, у которой нет дна.

Вот и нам сейчас важно сделать вывод. Как мы определяем координаты своего нахождения в этом материальном поскюстороннем мире? Как мы определяем свои

координаты в церковном мире и, в конце концов, в небесном? Мы ли это делаем, или же это делает Господь, милующий и спасающий всякого человека, желающий привести его в Небесное Царство? При внимательном взгляде мы можем удостовериться, что подлинный статус человеку дает только Господь наш Иисус Христос. Ни президенты, ни политические партии, ни всемогущие банки, ни какие-то еще земные институты окончательного статуса тому или иному человеку не дают. Все может быть отменено и изменено. В конце XX и начале XXI века мы видели, что история может быть иной, чем мы ее представляем, как жизнь народов, так и отдельных людей. На наших глазах убивали и вешали законно избранных президентов, упразднялись суверенные страны, разрывалась и уничтожалась ткань жизни целых государств. И то, что казалось неразрушимым, разрушалось легко и просто, как картонный домик. Отсюда следует вывод: ничего окончательного, ничего постоянного в человеческом мире нет. Лишь то, что дает Бог, является неотторжимым, неотзывным, неупразднимым, неотменяемым, в том числе и статус того или иного человека, его положение, его иерархия в этой жизни и в будущей. То, что определяет и дает Господь, то происходит однажды и на все века. И никто не в силах, не в праве этого отнять.

Постараемся, вчитываясь в евангельские слова, подумать о себе: каково наше положение? Где мы находимся? За что боремся? Пытаемся ли сами утвердиться и осуществить свое бытие? Либо же раскрываем свою душу и сердце навстречу любящему Христу, Который действует через нас, и Сам в нас молится, и Сам принимает эти молитвы? И тогда мы становимся прозрачными свету Христову, становимся солью земли, становимся светом миру, становимся тем, к чему нас призвал Господь однажды и навсегда.

Слава милующему и спасающему Господу! Слава Богу, присутствующему там, где люди собираются в Церковь! Слава милосердному Христу, подающему благодать любящим Его! Если мы совершаем то или иное действие по любви, ради Христа, мы низводим благодать Божию на это место, и на этих людей, и на все, что происходит с нами! Здесь и сейчас творится Царство Небесное, потому что оно есть внутри нас. И если сердце преисполняется той благодатью, которая выходит за пределы нас, то Царство Божие продолжается и за пределами алтаря, и за пределами храма, и за его оградой, и во всем мире, как заповедал Господь апостолам быть свидетелями не только в Иерусалиме, но и до края земли. Аминь!

Неделя о мытаре и фарисее

(Лк. 18, 10–14)

2019.02.17

Симферополь. Храм Св. апостолов Петра и Павла

ЦЕРКОВЬ СВЯТЫХ

«СЕ, РАБА ГОСПОДНЯ!»

Всех вас поздравляю с великим праздником Благовещения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы!

Этот праздник имеет огромное значение для каждого из нас, для всего мира и всей вселенной. Сегодня – особенный день, когда явился тот человек, та Отроковица, Которая безропотно и без всякого смущения приняла слово Божие, Божественный замысел о Самой Себе и, как результат, обо всем человечестве. Она сказала Архангелу Гавриилу, нимало не сомневаясь и не смущаясь: «Се Раба Господня! Да будет Мне по слову твоему».

Мы знаем, что Бог благ. Мы знаем, что Бог человеколюбив. Мы знаем, что Бог есть любовь. И все, что Бог творит с нами, Он творит по Своей Божественной любви. Но это знание нам, странным образом, мало помогает. Потому что тогда, когда Господь хочет внедриться в наше сердце, в нашу душу, когда Господь нас хочет призвать к покаянию, к спасению, к новой жизни и новому качеству бытия, мы всякий раз говорим: «Господи! Ты благ, милосерд, человеколюбив, и имя Тебе – любви! Господи, но мы хотим еще пожить по своей человеческой воле, пусть дурной, но все же своей! Ведь мы так

дорожим своим личным самообнаружением и так боимся быть незамеченными этим миром». Речь не идет о каких-то brutальных страстях или злонамеренных выходках и фантазиях, а просто о человеческом эгоизме, о человеческой самости: «Господи, мы еще хотим побыть автономно от Тебя». И в этом проявляется не что иное, как лукавство нашей совести, как двойной стандарт, как то, что отделяет нас от Божественной любви. Но тогда, когда человек снимает этот двойной стандарт, когда он впускает в свое сердце Божественную любовь и Божественный Промысел, он освящается и становится святым. Святыми не рождаются, святыми становятся. И это становление есть подвиг отказа от ложных мыслей, лукавых стереотипов, экзальтированных фантазий о самих себе, которые плотной стеной гарантированно ограждают нас от Божественной любви, пытающейся прорваться к нашему сердцу.

Будем же в этот особенный день Благовещения Пресвятой Богородицы молиться, чтобы стяжать простоту сердца, ясность мысли и чистоту души, благодаря которым мы были бы способны без всяких предварительных условий принять в момент посещения Божественный замысел о нас и все то, что Господь уготовал нам по Своей неизреченной любви. Аминь.

На Благовещение Пресвятой Богородицы

(Лк. 1, 24–38)

2011.04.07

Нижняя Ореанда

«ВЕСЕЛИСЯ, ПУСТЫНЯ НЕРОЖДАЮЩАЯ!»

Поздравляю вас с праздником Рождества Иоанна Предтечи, Крестителя Господня, величайшего из рожденных женами. Многое мы уже знаем о нем, и чувствуем, и понимаем, какое большое пространство занимает в нашей жизни, в нашем сознании Пророк и Предтеча и Креститель Иоанн. Но то, что важно, мне кажется, имеет смысл акцентировать особенно.

Именно некогда бесплодные родители рожают величайшего из рожденных в этом мире. И он поселяется в том месте, которое тоже бесплодно, где люди не живут. Он – насельник пустыни и глас вопиющего в пустыне. Так что пустыня становится привлекательной, радостотворной и живоносной, настолько плодovitой, что и по сегодняшний день в нашем понимании пустыня – это не место отсутствия чего-то, но, напротив, место присутствия чего-то особенного, Божественного, возвышенного, аскетического, подвижнического, место, где рождается особое качество души, где человек встречается со своим Богом. Мы видим, что там, где невозможно человеку пройти или что-то совершить, совершает Сам Господь. И в этом совершении мы созерцаем в первую очередь образ Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна. Это величайшее чудо, в котором, если мы доверяемся, преображается наш ум, преображается наше сознание, преображается понимание жизни и дело нашего спасе-

ния. И тогда мы осознаем, что невозможное человеку возможно Богу.

На вопрос «что делать?» мы всегда получаем технологический ответ. Но если задаем вопрос: «Что мне делать?», здесь уже есть тот просвет, та расщелина, где может действовать живая человеческая душа, и, стало быть, молиться, и быть услышанной Богом. И, стало быть, Божественная благодать может прийти на этого человека, и пустыня, безысходность, бесконечный тупик, невозможность может разрешиться и благодатью, и радостью, и плодоношением, и всяким смыслом, который являет собой не только земное, но и небесное.

Святой Пророке, Предтече, Крестителю Иоанне, моли Бога о нас! И даруй нам решимость быть Христовыми и быть в той пустыне, где пребывает Господь, в той пустыне, где наши похоти, соблазны и житейские попечения нас оставляют и не терзают с той силой и страстью, как это бывает в течение многих лет в жизни каждого человека. Аминь.

На Рождество Предтечи Господня Иоанна

2018.07.07

Нижняя Ореанда

РАДОСТНЫЙ СВЕТ МИЛОСТИ

В Писании сказано: «Дивен Бог во святых Своих» (Пс. 67, 36). А мы от себя можем добавить, что наипаче Бог дивен во святом Своем святителе Николае, которого знает весь мир. И даже мусульманский мир и языческий мир почитают его.

В чем удивительность, неожиданность и неохватность личности святителя Николая? Мы знаем, что Бог милостив. Мы знаем, что Бог человеколюбив, премудр, всесилен. Но нам трудно дается мысль о том, что Бог есть любовь. Именно эта мысль странным образом постоянно соскальзывает с нашего сознания. Но между тем, если мы верим в Бога, если мы доверяем Богу, если мы уповаем и надеемся на Него, если свою жизнь и надежду мы отдаем Ему, то мы должны помнить, что Бог есть любовь. Бывает так, что небо затянуто тучами, свинцовыми, тяжелыми, как сейчас, и не видно, что за ними. И кажется, все сумрачно и уныло. Но в том-то и дело, что за этим облачным покровом сияет солнце. Оно продолжает светить и греть. Так бывает и в человеческой жизни, что затянуто все. И все кажется унылым и безысходным. Однако за этим пределом, за пределом твоей фантазии, твоего ожидания есть много неочевидного, но реального, в том числе и относящегося к тебе. Там есть милость Божия. Там есть непрекращающаяся любовь Божия. Там есть обращение Промысла Божия к тебе. И об этом мы не должны забывать.

Всякий раз, когда случается какое-то событие – война, или несчастье, или пожар, или человек заболел, – мы

должны понимать, что это было попущено по каким-то судьбам Божиим, по какой-то причине, по какой-то неизведанной для нас ситуации. Но быть на стороне насилия, быть на стороне неправды или же на стороне жестокой справедливости – это Богу не угодно. Богу угодно, если мы находимся на стороне милости. Если горит город, мы не вместе с поджигателями и грабителями пытаемся его разорить, но, напротив, пытаемся спасти. Если мы знаем, что человек лежит больной и тяжело страдает, в том числе и по своим грехам, что попустил Господь, то мы молимся о нем и просим милости Божией, мы просим и молим Бога о том, что Ему угодно подать и нам, и этому человеку.

Удивительная особенность святителя Николая в том, что главная черта его личности – это милость ко всем, всегда и повсюду. Это продолжается и по сегодняшний день. Нет иного святого, который бы так быстро, легко и радостно слышал молитвы совершенно разных людей – от самых праведных до самых грешных, от очень высоких по жизни до низких, от продвинутых и успешных до неудачников и несостоявшихся в этой жизни. Если человек обращается к святителю Николаю, то он милует той благодатью и любовью Христовой, которая пребывала в его сердце во время земной жизни и сполна пребывает сейчас. Святитель Николай еще при жизни исполнился света Христова и всякое дело творил по любви. Святитель Василий Великий говорил совершенно определенно: «Нет в этом мире воистину великого дела, если оно не наполнено любовью». Оно кажется великим, оно представляется великим для непосвященных и поверхностных людей, но таковым не является. И добавляет: «Нет ничего поистине малого, если это наполнено любовью». Оно может казаться малым человеческим глазам. Но пред глазами Божиими любовь, которой исполнено малое дело, всегда будет великим делом и великим со-

бытием. Так и в житии святителя Николая. Мы не знаем тех людей, которым он оказал милость. Мы не знаем событий и последствий, которые были в жизни тех людей, которым он оказал любовь. Но та любовь, которая оказана по вере в Бога, по любви к Христу, осталась в нашей памяти и умножается непрестанно. Если мы будем поступать подобным образом и разрешать любое противоречие, любую шероховатость, любую неправду, возникающую между нами и ближними, по любви Христовой, то и Христос будет пребывать с нами. И пример святителя Николая, этот великий и вдохновенный пример, может быть для нас руководством, указанием и живой благодатной действенной помощью. Аминь.

Память святителя Николая Мирликийского

2012.12.19

Нижняя Ореанда

ГИБЕЛЬ ИМПЕРИЙ. ВЗГЛЯД ИЗ ВЕЧНОСТИ

Всех вас поздравляю с памятью святого блаженно-го Августина, епископа Иппонийского, и многих других святых, которых мы сегодня молитвенно вспоминаем!

Блаженный Августин имеет особое измерение, особое положение в истории Церкви и в нашем сознании. Его «Исповедь», предельно откровенная, до боли ясная, стала золотой нитью, которая прошивает сердце всякого человека, ищущего Бога и жаждущего неба. Его признание в своих слабостях и своих грехах, такое откровенное и беспощадное, стало исповеданием его веры и его бесконечной любви к Богу. Его драматическая жизнь, исполненная противоречий и всяких сложностей, необыкновенно похожа на нашу жизнь, в частности, в том отношении, что он родился, когда Империя была еще цветущей, великой и сильной, и умирал, уходил, заканчивал свои земные дни, когда Империя разваливалась, разрушалась и прекращала свое историческое существование. Все это было для него настолько трагично и больно, что, пытаясь осмыслить, он написал четыре книги «О граде небесном и о граде земном».

Мы переживаем нечто подобное. Мы – люди греха, страсти, похоти, неправды и разных заблуждений XXI века, которые приумножились с тех пор, как жил блаженный Августин, усложнились, удесятирились и проникли в глубину нашего сердца. И падение царств, падение нашего мира, падение представлений о должном и нормальном, совершается еще более трагично, и более непости-

жимо, и более необратимо, чем то, что совершалось при жизни блаженного Августина. Но мы, призванные к небу и живущие на территории Божественной Литургии, причастники Тела и Крови Христовой, причастные страданиям, смерти и воскресению Христову, должны смотреть на все, что происходит с нами не из прошлого, не из будущего и не из настоящего, а из вечного. И взгляд вечности – единственный взгляд, который может успокоить наше сердце, умиротворить наше уныние и сделать нас устойчивыми, показать нам ту точку опоры, которая окажется для нас достаточной, чтобы не устраивались качели ни в нашем сознании, ни в наших эмоциях.

Вспоминая блаженного Августина, мы должны отчетливо видеть его подвиг молитвы, его предстояние и его служение Церкви. Вспоминая блаженного Августина, мы должны подражать всей его искренности и всей любви к Богу, о которой он говорил: «Люби Бога – и делай все, что тебе заблагорассудится!» В основе всего, как и апостол Иоанн, он указывает любовь, вне которой ничего не совершается, что по преимуществу может называться христианским совершением, христианским совершенством, христианской правдой и христианской жизнью.

Будем же подражать святителю Августину, епископу Иппонийскому, и прочитывать святое Евангелие в свете святоотеческого Предания, смотреть на ужасы, творящиеся за оградой церковной и вокруг нас, глазами веры, глазами любви, глазами упования, взглядом Всемогущего Господа нашего Иисуса Христа, Который творит новое каждый день и каждый час, обновляя в покаянии всякого человека. И даже сейчас может обновить и наше падение, и наше разрушение, и обрушение всех наших внешних институтов и внешних реалий, обновить всю нашу жизнь. Аминь.

Память святителя Августина Иппонийского
2018.06.28
Нижняя Ореанда

ОПРАВДАННЫЙ БОГОМ

Поздравляю вас с праздником иконы Божией Матери Скоропослушницы, которая находится в Дохиарском монастыре на Афоне! Поздравляю и с памятью святителя Нектария, митрополита Пентапольского, чудотворца Эгинского, одного из самых великих святых XX века, чья жизнь была непрерывным чудом и удивлением!

Святитель Нектарий происходил из бедной семьи каппадокийских греков, которые были насильственно высланы из Малой Азии в континентальную Грецию. Он оказался нищим, незащищенным, малоимущим человеком. В десять лет он уже работал на фабрике, сохраняя при этом удивительную чистоту и простодушие. Его мать очень нуждалась. И вот маленький мальчик решил написать письмо с просьбой о помощи. Это письмо было адресовано Богу. Его встречает старый грек и спрашивает: «Куда ты идешь?» – «Вот, иду на почту с письмом, потому что маме плохо, мне плохо. Только Господь может помочь. Вот я написал письмо, иду на почту его отправить, чтобы Господь помог». Этот грек оказался человеком рассудительным, любящим и говорит: «Слушай, я сейчас иду на почту свои письма отправлять. Давай, отправлю и твое». – «Ну, хорошо». Забирает письмо. Мальчик, ничего не понимая, отправляется по своим делам, на работу. Через несколько дней старый грек приносит ему какую-то сумму денег и все, что он просил в письме: новые ботинки, штаны, что-то еще необходимое и какую-то материальную помощь матери. И

вот – ключевая ситуация, когда определяется весь, так скажем, строй его жизни. Хозяин видит, что мальчик в новых ботинках, новых штанах, а из того, что он сам платит, мальчик купить этого не может, и тут же начинает его бить, обвиняя в воровстве. И бьет с жестокостью, присущей восточным людям, которая по отношению к слабым всегда чрезмерна. Это увидел тот самый старый грек, который работал на этой же фабрике. Он вмешался в ситуацию, объяснив хозяину, что воровства не было. Это, в общем-то, камертон, по которому выстраивалась вся жизнь великого святителя.

Дальше он поступает в семинарию, заканчивает Академию, становится монахом, становится епископом, более того, становится митрополитом Пентапольским. Это вторая по значимости кафедра после патриаршей Александрийской. Митрополит Пентапольский – самый вероятный претендент на патриаршество в Александрии, со всеми выходящими отсюда последствиями. Гениально мыслящий человек, глубоко чувствующий, имеющий особый дар благодати, кротости, смирения. Но зависть и ненависть врага рода человеческого поистине здесь сыграла колоссальную роль. Собратья, восточные люди египетские, задумали злую шутку, обвинили его перед Патриархом Макарием Александрийским и не дали ему возможности оправдаться. Был заявлен полный импичмент, так что он не мог оправдываться. Ему было предписано находиться в своей квартире в Каире, никуда не выезжать, никуда не выходить и ни с кем не общаться. Проходит год, два, три. Попытки объясниться и оправдаться остаются тщетными. Проходит еще какое-то время, около десяти лет, и в конце концов ему предлагают вообще выехать из Египта.

Он перебирается в континентальную Грецию. Статус митрополита Пентапольского достаточно высок в Восточной Церкви. А он не имеет кафедры и не имеет де-

факто никакого статуса. И всегда его записывают как «путешествующего митрополита». Эта формулировка остается за ним пожизненно: «путешествующий митрополит Нектарий». Ситуация доходит до того, что он ищет возможности быть хотя бы проповедником где-то в сельской церкви, чтобы получать хоть какие-то деньги, какие-то средства, чтобы можно было себя прокормить и как-то выжить.

После смерти Патриарха Макария он пытается объяснить с новым Патриархом Александрийским. Но так как новая власть не хочет, чтобы предыдущая теряла лицо, ему предлагают не объясняться. Он обращается ко Вселенскому Патриарху. И тот тоже считает, что не стоит ворошить старое: терпи, принимай, в конце концов, это дело прошлого, и все уже закончилось, а ты доживай, оставайся в том формате, какой есть.

Под старость лет, оставив многие книжные труды, он поселяется на маленьком острове Эгина. Это совсем недалеко от Афин, минут сорок плавания на корабле. На этом маленьком острове вокруг владыки Нектария собираются монахини, люди, близкие по духу и по уровню культуры. И он организует там монастырь. Но этим не кончилось. Хотя была видна уже его несомненная святость, начинаются новые гонения, обвинения в совершенно жутких грехах и преступлениях. И что характерно для Нектария, он никогда не оправдывался. Что бы ему ни говорили, в чем бы ни обвиняли, даже когда посадили в тюрьму, он не оправдывался, а всем простил: «Ну, помолитесь за меня! Если я такой грешный, то – прошу молитв!» В конце концов он умирает на этом острове в больнице. Врач с удивлением узнал, что у митрополита Пентапольского практически нет наличных денег, чтобы оплатить лекарства и лечение. Он умирает в общей палате. И, пожалуй, с этого момента начинаются уже непрестанные чудеса. Когда его переоблачали, сняли с

него подрясник и положили на соседнюю кровать, потому что в палате было очень тесно. Там лежал какой-то тяжело больной человек, простолюдин. Протерли тело, намастили его маслами, переодели в новое облачение. Пока всем этим занимались, больному, который был рядом, стало намного лучше, а спустя еще какое-то время он почувствовал себя так хорошо, что встал и пошел к врачу, который не нашел никаких признаков болезни: человек здоров и может быть выписан. После того как умер святитель Нектарий, чудеса совершаются в великом множестве. Исцеляются раковые больные, разрешаются житейские проблемы, совершается что-то невероятное.

Я был на этом острове и с удивлением увидел, что вокруг огромного храма, который строился в то время, находится бесконечное множество маленьких часовен. Было удивительно: почему их такое огромное количество? На это мне архимандрит Греческой Церкви объяснил, что каждая часовня построена тем, кто получил значительное исцеление или иную помощь от святителя Нектария. И часовни продолжают строиться. Каждый хочет отблагодарить святителя за то чудо, которое святой Нектарий с ним сотворил.

В течение сорока лет совершаются чудеса, и не только на острове Эгина, не только в Греции, но и по всему миру. В конце концов, в Александрийской Патриархии что-то начинает происходить, «включается голова», и они понимают, что тот, кого они обвинили, оклеветали, чудотворит, и чудеса не прекращаются. Наконец в 1961 году приезжают 120 представителей Александрийской Патриархии – епископы, архимандриты, монашествующие – с огромной хартией на арабском и на греческом языках, где просят прощения у митрополита Нектария за все обиды. И вот эта огромная хартия висит до сих пор в маленькой-маленькой его келье, где он спал, где жил,

где молился, где провел последние дни своей жизни, – как свидетельство покаяния архиереев перед тем, кто был лучшим за последние сто лет в Александрийской Церкви.

Здесь в нашем храме находятся святые мощи, привезенные с острова Эгина. Вы можете просить святителя Нектария обо всем. Он слышит быстро и смиренно исполняет любую просьбу.

Память святителя Нектария Эгинского

2012.11.22

Нижняя Ореанда

АМБИЦИИ ИЛИ АНГЕЛЬСКОЕ ЧУВСТВО?

Всех вас поздравляю с памятью святой великомученицы Екатерины!

Всякая жизнь и тем более житие имеют свой особый рисунок, особый иероглиф и особую Божественную правду, заключенную в чертах порой чрезвычайно не похожих друг на друга святых. Когда мы всматриваемся в житие того или иного святого, мы всегда предстоим некоей тайне Божией, до времени скрытой от современников, но неизменно раскрывающейся в истории.

Известная всему миру великомученица Екатерина была блистательной красавицей Александрии. Но ее образованность и мудрость поражали еще больше. И, конечно же, у такой незаурядной девушки были веские основания для серьезных амбиций. Желание быть больше, чем ты есть сейчас, – амбиция – схожа с ангельским устремлением к Богу. Как, собственно, и отказ быть больше, чем ты есть, – это уже начало соскальзывания в бездну. Человек в идеале – не то, что он есть, а то, чем должен стать. Замужество Екатерина понимала как женскую реализацию, но лишь с тем условием, чтобы жених превосходил ее умом, красотой и знатностью. Совершенная во многом, она представляла своим женихом лишь совершенного во всем, чтобы полностью быть созвучной ему, с радостью покоряясь и подчиняясь его великолепию, силе и славе. Господь открывает ей через Своего

священника великую тайну Своей Божественной любви. Вы все знаете житие святой великомученицы Екатерины, и подробности я пересказывать не буду. Обращу внимание лишь на то, что Христос, сказавший в Своем Евангелии: «Я вас избрал» (Ин. 15, 16), показывает и в житии Екатерины, как Он избирает ее для особого служения. Призывает, избирает и утверждает. И что самое удивительное: по благодати Божией она отвечает на это избранничество, на этот призыв, на это благословение и подтверждает это всем великолепием своей гениальной природы. Во время спора с пятьюдесятью философами она благодатью Божией одерживает победу. Во время диалога с главой города, с реальной властью, которая могла миловать, прощать и наказывать, она ведет себя как человек абсолютно свободный, принадлежащий уже к горнему миру, к Небесному Иерусалиму, она знает, что ее истинный Жених есть Господь Иисус Христос. Она претерпевает нечеловеческие мучения и тем самым подтверждает, что уже не она – простая смертная девушка из плоти и крови – страдает, но с ней страдает Сам Христос, неся ее крест, потому что она дала согласие и приняла это страдание как присутствие Христа в своем сердце, как присутствие Христа в своей жизни, как изображение в себе Того, Кто распялся за нас. И благодать Божия преисполняет ее тело, ее душу и сердце, так, что мощи остаются нетленны. И по сегодняшний день глава и правая рука почивают на Синайской горе, источая удивительное благоухание, которое не прекращается уже много столетий.

Мы тоже избраны и призваны Христом. И это избранничество мы должны также подтвердить своей жизнью, своими мыслями, своими поступками, ежедневным, ежечасным усилием ума и сердца. Подтвердить, что мы – Христовы, что мы приняли Божественную Любовь и что на нее мы отвечаем человеческой любовью, на призва-

ние неба мы отвечаем всеми нашими земными силами, тем, что в нашем распоряжении и что нам доступно. И тогда сочетается высшее с низшим, Божественное с человеческим. Тогда происходит чудо преображения, чудо обновления, чудо выстраивания нового человека здесь и сейчас.

Ежедневно мы себя роняем и разрушаем своими грехами, страстями, блудными похотями, гордостью, нечистотой, злобой и всякой неправдой. И удивительным образом Господь наш Иисус Христос восстанавливает нас, воздвигает на всякое время и на всякий час. В Апокалипсисе написано: «Се, творю все новое», – говорит Господь (Откр. 21, 5). И Он творит новый мир, новую вселенную и нового человека, новое существо в каждом из нас, так, чтобы мы, обновляемые, были не только новыми, но и преображенными. И не только преображенными, но и усвоенными благодати Божией однажды и навсегда, и сопричастными Царству Небесному, которое начинается в нашем сердце, но не заканчивается на этой земле, а продолжается в вечности.

Святая великомученица Екатерина, моли Бога о нас! И помоги нам подражать тебе в твоём великом дерзновении, в твоей премудрой ясности, в силе твоего характера и верности Божественной правде! Аминь.

Память святой великомученицы Екатерины

2017.12.07

Нижняя Ореанда

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ВЫБОРА

Всех вас поздравляю с всероссийским праздником – памятью нашего крестителя великого князя Владимира!

Всякий раз, когда человек совершает тот или иной выбор, когда его мысль и чувство начинают подлинное движение, на этого человека смотрит и небо, и преисподняя, потому что выбор определяет дальнейшее движение человека либо горé по лестнице Иакова, либо вниз, когда он начинает соскальзывать в преисподнюю. Чаще наш выбор остается только нашим частным делом. А иногда наш выбор перерастает в общественное дело, которое касается всех наших родственников, и всех близких, и всего нашего народа. Таким оказался и выбор князя Владимира. Он не остался его частным делом, не остался делом его близкого окружения. Он стал делом Киевской Руси. Он стал делом всей тысячелетней истории нашего Отечества. И в течение уже более тысячи лет лучшие из лучших, кто ощутил движение Духа, кто почувствовал любовь Христову, кто увидел превосходство неба над землей, последовали этому выбору. И всей своей жизнью, всеми своими талантами, всей своей одаренностью, трудами, энергией они подтверждали этот выбор. Это были прежде всего святые и преподобные, святители и мученики, и все праведники, а также воины, которые сражались за Святую Русь, и все люди доброй воли, которые укрепляли Отечество и подтверждали однажды совершенный выбор князя Владимира. И вот этот выбор и его продолжение, а главное – становление Русской

Православной Церкви – и определило границы великого государства, нашего великого Отечества. И мученики XX века – это тоже люди, которые подтверждали выбор князя Владимира, его верность Христу и Святой Церкви.

И мы сейчас живем во времена не преподобнические, а исповеднические. И сегодня от нашего выбора, от нашей решимости, от нашего мужества следовать за Христом, подражая великим святым прошлого и всем верным чадам Православной Церкви, зависит будущее и наших детей, и наших правнуков, и всех, кто будет жить на этой земле, и всех, кто принадлежит к Святой Руси отныне и до века.

Подтверждение этого выбора – и есть наше свидетельство всему миру, всей вселенной и иным народам. Мы ничего не утверждаем своего, а только свидетельствуем о той истине, которая нам открылась. Мы знаем, что имеем первородство, и знаем, что благодать Божия коснулась нас и преобразила наши умы и сердца. Мы знаем, что без помощи Божией ни наш народ, ни наша страна уже бы не существовали. Но непрестанно действующее Божественное чудо обновляло и утверждало новые и новые поколения и помогало всем нашим предкам в наиболее страшные минуты истории. И мы сейчас переживаем не менее страшные часы и моменты – и личные, и исторические, – когда заново перед лицом внешних угроз и вызовов, внешней агрессии мы должны подтвердить свою идентичность и свою принадлежность Церкви Христовой и Самому Христу, и не отложиться от великой восточно-христианской цивилизации – русской и византийской, – от вселенского сонма святых, которые и по сей день с князем Владимиром молятся у Престола Божия о нас и имеют абсолютно определенное отношение ко всем, стоящим в этом храме, и живущим в этом городе, и всем, кто исповедует Иисуса Господом и Христом.

Желаю вам верности! Желаю радости и духовных побед! Верность – это особое качество, по которому аристократы Древнего Рима отличали себя от варваров. Если мы отлагаемся от верности Христу, от верности Кресту Христову, от верности Церкви Христовой, то мы впадаем в варварство, впадаем в смешение и путаницу и, путаясь сами, запутываем окружающих, и, погибая сами, увлекаем в погибель тех, кто находится рядом. Будем же по молитвам князя Владимира и великого сонма русских святых стоять в правде и жить в правде, говорить и действовать в правде и быть верными свидетелями истины Христовой. Аминь.

*Память равноапостольного
великого князя Владимира
2018.07.28
Нижняя Ореанда*

ОКНА РУССКОГО МИРА

Всех вас поздравляю с памятью святого благоверного великого князя Александра Невского!

Всякий раз, когда мы всматриваемся в прошлое, психологически мы ищем аналогии с тем временем, в котором мы живем. Но если мы всматриваемся глазами веры, мы ищем не столько внешние исторические аналогии, сколько действия Промысла Божия, почему тот или иной святой действовал так или действовал совершенно по-другому.

Всматриваясь в величие и святость личности Александра Невского, мы с удивлением открываем нечто для нас неожиданное. Мы живем в империи, которая называется Россия. Сейчас она порвана, изломана, кровоточит, но это еще империя, и она еще жива. И живительными источниками для этой империи, для нашего народа, для восточно-христианской цивилизации были некие окна, некие отверстия, через которые дух и опыт цивилизаций, величие культур, жизненно важное знание проходили в сознание нашего народа.

Первое окно прорубил святой князь Владимир в Херсонесе, и живительные токи «из греков в варяги» хлынули в Киевскую Русь, Новгород, Москву и наполнили великим византийским опытом наш народ.

Следующим этапом была междоусобная вражда и разобщенность князей, и сокрушительное поражение от Орды, и татаро-монгольское иго, когда нужно было определяться, искать мира, согласия и единства в рус-

ском народе. Совершая выбор, на кого опереться, Александр Невский, мудрый и святой русский князь, без сомнений и однозначно предпочел воевать с латинским Западом, закрывая все окна и двери, чтобы веяния оттуда ни через сушу, ни через моря и озера, ни через какие-то другие пространства не проникли в нашу жизнь. В то же время он охотно и разумно развернулся на Восток и не считал для себя унижительным поклониться языческим правителям, ханам, чтобы сохранить русский мир и православную веру. Он прорубил еще одно окно в Великую степь, в великий опыт Золотой Орды, опыт построения континентальной империи. И этот опыт для нас сейчас становится актуальным и злободневным, востребованным для нашего религиозного сознания, для нашего геополитического сознания, для понимания того, что происходит в сегодняшнем дне.

Ну а когда уже при попустительстве Петра I его союзниками было прорублено третье окно – в Европу, а точнее из Европы в Россию, – оттуда с удивительной интенсивностью, как нечто превосходное и несомненно истинное, стали свободно входить всевозможные соблазны, искушения, одним словом, все то, что так успешно разрушало тело русской жизни, русского мира, традиционный уклад и православную веру. И в результате в XX веке увенчалось тремя революциями.

Обращаясь к великому князю Александру, мы должны обращаться в первую очередь к его опыту. Как мы знаем из писаний святых отцов, всякий человек будет судим и испытан не в том, что он сделал хорошего (а это мы хвалим и одобряем), и не за то он будет наказываться, что сделал плохого (что мы порицаем и не принимаем), а за то, *что* он есть, *каков* он по своей сути. Потому что человек – это всегда больше, чем его хорошее дело, человек – всегда больше, нежели его отрицательный и погрешительный поступок. Человек, как говорят святые

отцы, будет судиться за выбор – что он выбрал для своего сердца, что он выбрал для своей души, что он выбрал в своей жизни. Преходящее или вечное? Человеческое или Божественное? Праведное или греховное? Свой эгоизм, свою самость и самолюбие? Или же выбрал небесную лазурь и святость Божественной жизни? Александр Невский сделал свой выбор. Он выбрал Христа, выбрал свой народ, выбрал правильное геополитическое направление, которое спасло и сформировало из отдельных княжеств великую Русь. И она стала славой, великолепием и свидетельством того, что слово Божие услышано не только одним человеком и не только одним правителем, но и всем народом, что делает эту страну и этот народ, несомненно, великими, способными сказать нечто важное и самим себе, и своим соседям, и ближним, и всему миру. Наше свидетельство есть свидетельство евангельской правды. И это предлежит как долг и ответственность перед каждым из нас. «От ваших слов вы оправдаетесь, и от ваших слов вы осудитесь» (ср. Мф. 12, 37). Совершая память святого Александра Невского, будем учиться слышанию евангельского благовестия, постараемся сделать правильный выбор и, более того, облечь его в те слова правды, силы и власти, которые дает Господь, чтобы стать нам солью земли и светом миру, чтобы стать поистине православными христианами, не только по названию, но и по существу, каким был великий князь Александр, его же слава и память в род и род. Аминь.

Память благоверного князя

Александра Невского

2018.12.06

Симферополь

Александро-Невский кафедральный собор

УХВАТИТЬСЯ ЗА НЕБО

Всех вас поздравляю с памятью блаженной Ксении Петербургской, одной из великих подвижниц русской истории!

Блаженные, юродивые – особенные люди, люди которые ругаются миру, которые не соглашаются с его логикой, его силой, его властью, его доминантой. Это – люди, которые видят евангельскую правду отчетливо и ясно, настолько ясно, что не принимают образ мира сего как греховный, страстный, губящий, разрушающий человеческую душу. Они выходят из причинно-следственного ряда этой жизни, чтобы войти в блаженную свободу, дарованную Христом. И таковой была блаженная Ксения.

Мы знаем, что святыми люди не рождаются. Святыми люди становятся. Иногда под сильными ударами своей судьбы, под тяжкими обстоятельствами болезней или скорбей. Так было и с блаженной Ксенией. Она теряет мужа. Она теряет почву под ногами. Она теряет все, что ее связывает с землей. Но, в отличие от нас, она хватается за небо и держится не только руками, но и всем своим существом, не только умом, но и сердцем, и всей своей жизнью. Она выстраивает свою жизнь по образу Христову, по заповеди Божией. В холодные питерские ночи она носит кирпичи для строительства храма на Смоленском кладбище. Она делает что-то несообразное, не вписывающееся в ту логику и норму, которыми живут люди. Но в том-то и дело: всякий раз, когда мы пытаемся жить

по заповеди Божией, идти за Христом, мы нарушаем логику этого мира и утверждаем правду иного мира. Мы нарушаем человеческие сиюминутные представления о должном, но утверждаем то, что угодно Богу и что делает нас людьми, способными наследовать Царство Небесное. Всякий раз, когда мы отказываемся от своего маленького, человеческого, Бог нам дает Свое большое Божественное, что человека обновляет, очищает и делает новой тварью. И в этом смысле мы должны научиться тому безумию, которое делает нас Христовыми. Потому что дружба с миром есть вражда против Бога (см. Иак. 4, 4; Рим. 8, 7). Но дружба с Богом есть вражда против мира, против его страстей, его грехов, его удушающей лести, которая опрокидывает порой и достаточно искушенных, и умных, и успешных людей. Мы призваны к борьбе, к борьбе за свою душу, за возможность быть со Христом, за возможность наследовать Царство Небесное, за возможность здесь и сейчас призывать Имя Божие и низводить этим призыванием Божественную любовь и на себя, и на окружающих, и на то место, где мы спасаемся и живем.

Будем же подражать святым, их правде, их постоянному неотменяемому стремлению к Богу, Который действует и в нашем сердце, потому что иначе мы были бы успокоены и довольны собой. Но всякий раз, когда мы недовольны собой, мы ищем оправдания у Христа, Который предал Себя на Крест и страдания, на погребение и смерть и воскрес, чтобы воскресить нас для вечности, для того, к чему мы предназначены, что задумал Бог однажды и на все века о каждом рожденном человеке. И это доброе беспокойство помогает нам быть людьми, быть христианами, быть отчасти юродивыми, не соглашаясь с логикой этого мира. Будем же по мере сил юродствовать ради Христа, безумствовать ради Христа, сходить со светского повседневного и посястороннего

ума на ум церковный, на ум Божественный, на ум святоотеческий, чтобы просветлялось наше сердце и наша жизнь, которая по замыслу Божию должна стать житием.

Блаженная Ксения Петербургская, моли Бога о нас!

Память блаженной Ксении Петербургской

2016.02.06

Нижняя Ореанда

«РАДОСТЬ МОЯ, СТЯЖИ ДУХ МИРЕН»

Всех вас поздравляю с праздником, всероссийским и всеправославным, памятью преподобного Серафима Саровского!

Мы знаем: основной религиозный принцип – не иметь многое, а быть многим. Рациональный человек современности одномерен. Он стремится обладать. В обладании видит свой смысл жизни и свое утверждение. И чем большим обладает, тем лучше: должности, деньги, признание и прочее. Именно через это он определяет и повышает свой статус. И, лишаясь чего-то, теряет свой статус. Но в Православной Церкви для человека традиции *быть многим* куда предпочтительнее, чем *иметь многое*. Вот и преподобный Серафим Саровский был многим и многим остается по сегодняшний день в Русской Православной Церкви и для всех верных чад Церкви Христовой.

Он многое говорил, что полезно для нашей души. Но я хотел бы сделать только один акцент на то, что мне представляется наиболее важным на сегодняшний день. «Стяжи дух мирен, и тысячи спасутся вокруг тебя», – говорил преподобный Серафим. Поразительно! Если мы действительно мирны, если мы примирены с самими собой, примирены с Богом, примирены с ближним, то в нас начинает действовать благодать Божия, любовь Христова начинает пребывать в нашем сердце. И, удивительным образом, разные, совершенно разные люди начинают умиротворяться, начинают приходить в разум истины, начинают находить дорогу ко Христу и Его Церкви. Если мы возму-

щены, если мы возбуждены, если мы негодуем, ропщем, протестуем, и, предположим, наш протест совершенно правильный, формально обоснованный, – во всех случаях мы теряем. Мы теряем мир с самими собой, с Богом и с ближними. Если же сохраняем, по слову преподобного, мир внутри себя и проигрываем внешне те или иные вещи, бываем поругаемы, осуждаемы, не можем высказаться в полной мере, не можем сделать то, что мы хотим, но сохраняем мир, тишину и любовь Христову, то стратегически на большую дистанцию мы, несомненно, побеждаем. Потому что мы живем не в царстве количества, а в царстве качества. Христианство и Православие никогда не было сильно своим количеством, но только качеством. И когда мы хвалимся Православной Церковью, конечно же, мы хвалимся не своей жизнью, не своими поступками, не своими достоинствами, а теми великими святыми, такими, как преподобный Серафим, которые стали вместилищами Святого Духа, стали молитвенниками у престола Божия и живыми свидетелями пред всем миром и нашей совестью о том Царстве, к которому мы стремимся.

Постараемся сохранить тишину мысли, тишину сердца, тишину движений души и услышим, как на наши молитвы отвечает нам Всемогуший Господь. И если смущают нас помыслы и страсти, если мы постоянно находимся в неснимаемом противоречии, если гражданская война не кончается ни в нашем уме, ни в нашем сердце, мы никогда не услышим, что говорят нам святые и что нам говорит Сам Господь. Потому что наше сердце будет погружено во тьму. И рой мух, и стаи диких зверей будут разрывать наше сердце, не давая ему умиротвориться и успокоиться. А оно успокаивается лишь при любви Христовой, лишь тогда, когда Сам Господь Иисус Христос вмещается в наше сердце и отображается в нашей душе. Аминь.

*Память преподобного Серафима Саровского
2018.01.15
Нижняя Ореанда*

ПОДЛИННЫЕ ГЕРОИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Русская жизнь была и остается традиционно трудной жизнью, а порой и трагичной. И вряд ли она была иной за последнюю тысячу лет. И даже внешние успехи, казалось бы, счастливые отрывки времени скорее скрывали за собой что-то трудное и болезненное, нежели свидетельствовали о наступившем благоденствии.

Сегодня мы вспоминаем преподобного Сергия и преподобномученицы великой княгини Елизаветы, очень разных людей, принадлежавших различным эпохам. Я затрудняюсь сказать, какая из двух эпох была сложнее, проблемнее для проживания русского человека, – эпоха преподобного Сергия, собирателя русского мира, вдохновителя Куликовской битвы и покорителя строптивых князей, или та эпоха, которая началась с Первой мировой войны, с августа 1914 года, ознаменовавшаяся двумя революциями, Февральской и Октябрьской, и естественным образом перешедшая в Гражданскую войну, кровавую и беспощадную, которая обрушила русский мир, сложившиеся за последние 300 лет формы жизни.

Во всех случаях, если мы обернемся назад и посмотрим на тысячелетнюю историю Русской земли, ее многострадального народа, мы увидим, что никогда не было таких периодов, которые были бы удобными, сладкими, приятными и психологически приемлемыми для проживания. Как правило, это – фантазия, своя или при-

несенная со стороны, либо – плод агитации и злобной пропаганды, и всегда – соблазн, некое прельщение. Русская история всегда была трудной историей. И проживание в российском космосе всегда было трудным, всегда было героическим, всегда было аскетическим и, как следствие, – возвышенным. Как времена преподобного Сергия, так и эпоха Гражданской войны, революции и всех последующих событий XX века были неудобны для того, чтобы жить комфортно. Можно было становиться героем, мучеником, святым. А для бытовой успокоенности и эмоционально-психологического равновесия не оставалось места. И людей с таким устроением история ломала, опрокидывала, а порой превращала в лагерную пыль. Но тот, кто шел навстречу своим страхам, тот, кто шел за Христом не только по воде, но и через бурю, не имея никакой земной опоры и гарантий, становился святым, становился мучеником, становился подлинным героем русской истории. И это касается преподобномученицы великой княгини Елизаветы, которая из немки сумела стать русской, приняв русский мир в его лучшем проявлении, полюбила Православие и Самого Христа и в конце концов стала святой. В ней мы видим чудо преображения, неотвратимую жажду Неба, подлинную любовь ко Христу. Подвиг ее жизни стал преддверием эпохи мучеников и исповедников, великого, трагического и, можно сказать, очень русского XX века. Это эпоха, когда все, что было связано с нашим народом, как великое, так и низменное, как небесное, так и земное, как вечное, так и преходящее, все противоположное и взаимоисключающее актуализировалось до предела и вступило в непримиримое сражение. И мы, наследники мученического подвига русских святых, выразивших своей жизнью и смертью самую заветную глубинную интуицию русского человека – любовь ко Кресту, страданию Христову, должны осознать, ощутить, пережить и принять, что мы

являемся законнорожденными правопреемниками византийской цивилизации, опирающейся на апостолов и Самого Господа Иисуса Христа. Русское православное самосознание исходит из веры святых и их терпения и радуется о всякой скорби, переносимой ради Христа и ради Его Церкви. Если мы осознаем себя законнорожденными, принадлежащими к великой истории, от князя Владимира до святителя Луки, от великого сонма преподобных Антония, Феодосия, Сергия и других до великого сонма новомучеников XX века, которые, без сомнения, являются опорными стенами нашего национального и культурного бытия, несущими конструкциями нашей жизни и нашего мироустройства, тогда мы осознаем безальтернативность нашей истории и человеческого призвания – всегда и во что бы то ни стало быть Христовыми, быть солью земли и светом мира. Тогда нам откроется, что есть терпение Христово и какова любовь Креста Господня. Тогда мы узнаем, в чем рождалась радость и величие тех святых, которые поражают наше воображение своим терпением, своим смирением и, главное, любовью к своим врагам.

Когда начались гонения, многие переживали это очень болезненно, драматично, как неснимаемое противоречие, способное раздавить железным сапогом их жизни. Многие искренне не могли понять, как за то, что раньше требовала власть – быть на официальных торжественных молебнах и богослужениях, поминать в полном составе царскую семью, – сейчас другая, внезапно явившаяся власть, именно за это наказывает, гонит и убивает. Было трудно представить, что за веру во Христа можно оказаться в тюрьме, в лагере и даже возле расстрельной стены и что все это всерьез. Можно сказать, большевики отнеслись к Христу и Его Церкви серьезнее, чем духовные консистории. В подтверждение веры они требовали не метрические книги, не исповед-

ные ведомости, а твою личную свободу и жизнь. Новую реальность было трудно осознать и принять. Но история может быть иной, чем мы ее представляем. И 1917, и 1991 годы – тому пример. Настолько иной, что мы ее не можем вместить, предположить, какими именно будут следующая неделя или следующий месяц. Так вот, в 20-е годы наиболее опытные и просветленные духовники предлагали своим чадам молиться с усердием о своих гонителях, о тех, кто арестовывал их мужей, их близких и ссылал в лагеря или заключал в тюрьму. И в мемуарах, воспоминаниях мы читаем признания некоторых людей, как трудно, как больно, как невыносимо было молиться о тех, кто был явным врагом и гонителем, ненавистником твоих близких и разрушителем твоей жизни. Но когда после очередной попытки – третьей, пятой, седьмой – помолиться о гонителях молящиеся ощущали небесную радость любви Христовой и несомненную благодать Божию, это удивляло их самих настолько, что они готовы были прокричать всему миру: «Наши враги – это наши строгие друзья. Они указывают нам на наши недостатки». И правда, у Бога нет ничего невозможного. Мы – Божьи. И, стало быть, у нас нет иного пути после того, как Христос воплотился, после того, как Он распялся, был погребен и воскрес, у нас нет другого пути, как только идти за Ним. И это – крестный путь, путь страданий, путь терпения, путь благодарения и реального пребывания в евангельском пространстве и времени, реальное хождение за Христом. Подобное переживание становится благодатным, преображающим, подлинным рождением в Церкви, переменяющим ум и настроение сердца, которое делает всего человека качественно иным, рождает в нем дух победы – не по силе, не по хитрости, а по благодати и по любви Христовой. Такой была преподобномученица великая княгиня Елизавета, такой была инокиня Варвара, последовавшая за своей

духовной матерью. Такими были святые XX века, следовавшие за Христом.

Настоящее время такое же исповедническое, как и ушедшее столетие. Не преподобническое, а именно исповедническое. И молясь святым – преподобному Сергию, и преподобномученицам Елисавете и Варваре, и многим святым, – станем восприемниками и наследниками их величия, славы и мужества, а главное – верности Христу.

*Память преподобного Сергия,
преподобномучениц Великой княгини
Елисаветы и инокини Варвары
2018.07.18
Нижняя Ореанда*

НЕОТМИРНАЯ РАДОСТЬ

Ныне мы празднуем память священномученика Аркадия, епископа Бежецкого, одного из удивительных новомучеников Русской Православной Церкви.

Из 20 лет его жизни после революции 15 лет он провел в лагерях и тюрьмах. Но та легкость, ангельская радость, которая сопровождала его личность везде и всегда, поистине удивительна. Он побеждал всякую скорбь, всякую болезнь, всякую неправду. Если его ненавидели, он любил. Если его преследовали, он благословлял. Если его хвалили, он отвечал искренностью и свидетельствовал о любви Христовой.

Его милость, его жертвенность также достойны удивления. Он отдавал не только свое, но и самого себя. Он отдавал те вещи, которые были жизненно необходимы ему самому, видя чью-то нужду, превышающую его возможности в настоящий момент. Поражает отсутствие какого-то даже минимального быта, устроенности в течение всей его жизни. В относительно мирное время до революции он постоянно странствовал, будучи миссионером по призванию, неся свидетельство о Христе.

Блаженная Параскева Дивеевская пророчествовала ему о том, что он взойдет на кафедру и станет епископом. Но кафедра его будет скорее Голгофой, чем той почестью, которой всегда сопровождается епископское служение. Так и случилось. Став епископом Лубенским, он отслужил на своей кафедре только одну Литургию в пасхальный день, и то не до конца, потому что уже

пришли арестовывать его, и он ушел раньше времени. И больше не смог никогда в течение своей жизни вернуться на свою кафедру и право править слово истины.

Его свидетельство о Христе и о любви Божественной было полно удивительного смирения. Оно было лишено всякого героического начала, к которому мы, люди романтической эпохи, так привыкли. Это не был опыт смерти героя. Это было свидетельство о Христовой любви и о Самом Иисусе Христе даже до смерти, до полной самоотмены. Поистине эта великая любовь, эта великая радость и великое свидетельство должны стать нашим достоянием. Опыт новомучеников XX века – величайший опыт. И мы – законные наследники этого опыта, этой радости, этого великолепия. Мы становимся нищими лишь тогда, когда мы соглашаемся быть нищими. Мы становимся глупыми лишь тогда, когда мы соглашаемся быть глупыми. Мы становимся действительно сиротами, обездоленными и безродными тогда, когда мы соглашаемся быть таковыми. Но если мы снимаем пелену со своих глаз и со своего сердца и видим то великое наследие, ту радость и великолепие, тот неотмирный свет, который сияет за нашей спиной и утверждает наше бытие здесь и сейчас, мы поистине становимся законно рожденными, избранными и призванными Христом к вечной радости. Аминь.

Священномучениче Аркадие, моли Бога о нас!

*Память священномученика Аркадия
(Остальского), епископа Бежецкого
2012.12.29
Нижняя Ореанда*

ПОКАЯНИЕ СЛЕЗ И ПОКАЯНИЕ КРОВИ

25 января по старому стилю (7 февраля по новому стилю) – день памяти священномученика Владимира, митрополита Киевского, первого архиерея Русской Церкви, пострадавшего от большевиков, убитого в 1918 году под стенами Киево-Печерской Лавры. Вслед за ним пострадали многие и многие архиереи, священники, монахи и миряне на всем пространстве нашего Отечества. Отцы Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. установили день памяти всех пострадавших за веру в ближайшее воскресенье к 25 января (7 февраля). В этот день мы ныне совершаем торжество всех новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Святые Отцы говорят, что если не будет покаяния слез, то будет покаяние крови. И весь ушедший век свидетельствует о том, что не было покаяния слез в восемнадцатом, девятнадцатом веках, и вся накопленная энергия греха сконцентрировалась в веке двадцатом. Там было покаяние крови. Это касается не только отдельно взятого народа, но и отдельной человеческой личности. Если человек не кается, если человек не попускает свое сердце, все свое внутреннее существо к тому, чтобы быть Божиим, к тому, чтобы возненавидеть грех, и не только возненавидеть, но и порвать с ним, то этот человек рано или поздно травматически обретет

истину, через боль и страдание сможет увидеть те перспективы, к которым он Господом призван.

Весь двадцатый век стал веком покаяния крови, когда лучшие из лучших проливали свою кровь, проливали свои слезы, полагали свою жизнь на алтарь Отечества, чтобы вымолить и спасти тех, кто заблуждался. Сейчас пытаются нам представить ушедшее столетие как нечто, разделенное баррикадой: с одной стороны хорошие, с другой стороны плохие. Но это сооружение явно демоническое и явно не имеет никакого отношения к христианскому мировоззрению и мировосприятию. Баррикадное сознание присуще людям идеологии. Но мы – люди Церкви, люди Евангелия, люди Священного Писания. И у нас, соответственно, – другой взгляд на вещи. Для нас всякий человек есть человек. Даже сильно заблуждаясь, он продолжает быть человеком.

Прославленные в лике святых на Поместном Соборе 2000 года новомученики и исповедники призваны к новому служению уже в качестве небесных граждан. И это дает нам надежду, что земные противостояния будут преодолены, баррикады разрушены, неснимаемые противоречия упразднены. Объединение Московского Патриархата с Русской Зарубежной Церковью, непредставимое до канонизации святых, стало реальностью, и подвиг новомучеников XX века стал решающим аргументом. Святые не мстят за себя, не ищут земной справедливости, но любят Христовой любовью всех, в том числе и своих врагов, чья злоба оказалась временной, немощной и тленной.

Как говорил святитель Николай (Велимирович), наши враги – это наши строгие друзья, которые говорят нам то, чего мы о себе знать не хотим. Эти строгие друзья говорят нам о том, о чем молчат наши добрые друзья, чтобы не испортить отношений и чтобы мы не потеряли хорошее расположение духа. Строгие друзья бывают

очень строгими. Но именно они помогают нам обрести нашу идентичность, обрести понимание, кто мы, зачем мы, за что боремся, куда идем и с чем сражаемся. Вот это осмысление, это понимание, к сожалению, до сих пор является смутным, не выраженным и не обретенным нами. И оттого величайший в духовном отношении, в церковном отношении, в святоотеческом отношении опыт двадцатого века – остается невостребованным. А если великие уроки двадцатого столетия оказались не прочтенными, не осмысленными, то, видимо, урок может повториться. И мы уже ощущаем, что приближается новая эпоха, где сентименты, гламур перестройки, глянец добрых надежд начинают сменяться чем-то другим, суровым и неузнаваемым по своей новизне и жестокости. Но: «Не бойся, малое стадо, – говорит Христос, – Я победил мир» (Лк. 12, 32; Ин. 16, 33). Не будем забывать, что Христос уже победил мир, и побеждать мир снова Ему не нужно. Он ждет нас, чтобы мы вошли в Его победу. А та злоба и неправда, то восстание на христиан, на Православную Церковь, на Православную веру, которые мы видели в XX веке и которые уже видим в XXI веке, есть не что иное, как попущение Божие, как смирение Бога пред человеком ради того, чтобы человек раскрыл свою свободную волю в той полноте, которая предстанет на Страшном Суде. Аминь.

*Память новомучеников и исповедников
Церкви Русской
2011.02.13
Нижняя Ореанда*

ДЛЯ ЧЕГО БОГ СТАЛ ЧЕЛОВЕКОМ?

О ПРАВОСЛАВНОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ И БОЖЕСТВЕННОМ СМИРЕНИИ

Всех вас поздравляю с Рождеством Христовым!

Великое видно на расстоянии. Порой детскими глазами Рождество Христово лучше различимо, чем глазами взрослого человека. И порой глазами пожилого человека, стоящего уже на исходе этой жизни, Рождество Христово как дар Божий, как Его милость тоже лучше различимо. Но если мы не старики и не дети, то во всех случаях мы евангельским зрением можем увидеть всю ту правду, все те несущие конструкции, всю ту архитектуру жизни, которые представлены нам в Священном Писании.

Господь посылает Своего Единородного Сына, Божественный Логос, Который обретает человеческую плоть, вмещается в человеческое тело для того, чтобы оно обожилось, преобразилось, стало настолько качественно иным, чтобы усвоиться Божественной жизни. И в конце концов Христос возносится после распятия и воскресения с Елеонской горы и восседает одесную Бога Отца в

той плоти, распятой и поруганной, погребенной и воскресшей, о которой мы знаем достоверно из Евангелия и исторических свидетельств. И в этом смысле, несомненно, православное христианство – одна из самых материалистических религий. Материя, плоть человеческая, тело человеческое приобретает в христианстве свою предельную актуальность и важность.

Но что еще важно? Мы празднуем Рождество Христово, мы дарим друг другу подарки, мы говорим друг другу ободряющие, утешающие и обнадеживающие слова. Но мы забываем о том, что тут же, когда Христос рождается в вертепе, в яслях для скота, ибо другого места не нашлось, тут же начинается гонение. Ирод объявляет, что все младенцы, которые пришли на перепись вместе со своими родителями в Вифлеем, должны быть уничтожены, так как волхвы не сообщили ему достоверно, где есть Рождющийся в Вифлееме. И начинается великая бойня. Избиваются все младенцы. Кричат и плачут все матери и отцы. Ангел Господень удостоверяет Иосифа, чтобы он взял Деву Марию и Отрока и бежал в Египет. Казалось бы: что не во власти Божией? Чего Господь не может остановить и изменить? Гнев Ирода? Зверство воинов? Но удивительным образом Бог смиряется, сохраняя Вторую Ипостась Пресвятой Троицы, Божественного Сына Иисуса Христа втайне от тех врагов, которые хотят Его убить. И Он находится в бегстве, в изгнании до смерти Ирода. Это есть и Божественная деликатность, и Божественное смирение перед человеческой злобой, перед человеческой жестокостью, перед человеческим грехом. Бог смиряется до времени, чтобы человек раскрылся в своей полноте и завершился в своем выборе. И когда Ирод умирает, Господь возвращается, чтобы избрать место жизни в Назарете вместе со Своими Родителями.

Мы не должны забывать о том, что земная жизнь – это не курорт. Быть христианином, быть православным,

быть человеком Церкви – значит всегда уметь увидеть Промысел Божий в тех непростых, иногда очень агрессивных и жестоких обстоятельствах, и понять, что мы воистину воины Христовы. Но воины – не по хитрости, не по лукавству, не по злобе, не по жестокости, не по тем вооружениям, которые у нас могут быть, а по смирению, по любви. В своей творческой беспомощности мы можем побеждать все виды зла, хотя бы потому, что уже все побеждено распятым и воскресшим Христом. Господь уже победил зло и победил мир. Мы только должны войти в Его победу. Это есть радость Рождения Христа и Его Воскресения. Это радость нашей принадлежности к великой Божественной тайне спасения всякого верующего в Него как Сына Божия, как Спасителя мира. Здесь и сейчас мы должны воскресать, рождаться, становиться больше, становиться лучше. Потому что нет ни иной какой-либо территории, ни иного какого-то места, кроме Церкви, где мы можем стать самими собой, стать лучше и стать больше. Именно здесь мы можем родиться как люди. Мало родиться человеком. Надо, чтобы в человеке родилось человеческое. Но и этого мало. Надо, чтобы это человеческое преобразилось, освятилось Божественной благодатью, стало усвоено Царству Небесному, соединилось с Телом и Кровью Христовыми, принесло свои плоды. Это великое дело, это великое поприще и великий дар, который нам дает Богомладенец Христос.

Всех вас поздравляю с радостью! С радостью победы над всяким злом и над всякой неправдой! С радостью, которую Господь дает нам ни за что, авансом, с опережением, с приумножением, в той мере, в которой мы можем вместить, открывая нам все тайны этой жизни и тайны вечности. Так что могу пожелать, чтобы вы были радостны в этой жизни и в будущем веке! И это происходит здесь, во время Божественной Литургии, во время встречи со Христом в собственном сердце. Обратите

внимание! Что бы ни рождалось вне нас – континенты, новые государства, банки, великие культуры, художественные проекты, – нас это мало трогает и мало заботит. Лишь то, что рождается в нас, – страсть, похоть, злоба, немилость, нетерпимость, уныние, депрессия, – это касается нас лично. И если в нашем сердце рождается радость, милость, если в него входит благодать Божия, когда мы через некоторый труд и напряжение видим, что наше сердце становится ясным и в нем рождается Сам Христос, – это имеет отношение к нам лично. Если что-то вне нас происходит страшное и катастрофическое, к нам это не имеет никакого отношения. Нужно понять, что по отношению к собственной душе, собственной жизни все остальное является внешним. Как ни страшно это сказать, это касается и стран, и культур, и цивилизаций, и отдельных людей, и членов нашей семьи, и наших друзей, и наших врагов, и всяких событий, которые находятся вне нас. Как бы ни были они важны, они не важнее нашей бессмертной души. Об этом и говорит Христос: что ты дашь в выкуп за свою душу? (Мк. 8, 37). Собственно говоря, ничего! Вот это мы должны помнить. И помнить, что душа наша предназначена стать и вертепом, и яслями для рождающегося Христа. Мы должны сделать все возможное, чтобы Он там родился, а не только в Вифлееме, не только в Израиле, где-то вдалеке от нас, и чтобы мы, видя эти образы света и небесного торжества, радовались. Радость наша должна быть неотторжимой, неупразднимой и неотзывной, как рождающаяся из нашего сердца, исполненного достоверного узнавания, что мы – Христовы, и Христос нас назвал Своими во веки веков. Аминь.

*На Рождество Христово
2018.01.08
Нижняя Ореанда*

ВЕТХОЕ И НОВОЕ

Всех вас поздравляю с праздником Сретения Господня! Поздравляю с великой духовной радостью и великим смыслом!

Всякий раз, когда мы встречаемся со Христом, что-то старое, ветхое отходит от нас и умирает. Мы сегодня слышали сказанные однажды и на все века слова Богоприимца Симеона: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром». Так и мы, встречаясь со Христом, бываем отпускаемы в своих прежних представлениях, в своей ветхости, в своей немощи, в своем человеческом измерении и обретаем нечто новое, что утверждено Богом, обновлено Богом и преображено Богом.

Господь говорит: «Се, творю все новое» (Откр. 21, 5). И всякий раз, когда мы обращаемся к Нему, молимся, всякий раз, когда Господь прикасается к нашему сердцу, Он творит все новое, и в нас с вами в том числе. Мы лукаво разрушаем свою душу, свой ум, разрушаем свою жизнь, разрушаем человеческие отношения, нарушая заповедь Божию. Но Господь каждое утро, каждый день творит все новое, обновляя нас и спасая, выставляя нас в великой и новой Божественной, Небесной, неотзывной и неупразднимой правде, к которой мы призваны однажды и на все века.

Именно сейчас в преддверии Великого поста мы должны ощутить это с великой радостью, с великим трепетом, дерзновением и надеждой. Вспоминая пророчицу Анну,

которая служила постом и молитвой много десятилетий в храме, постараемся послужить и сами постом и молитвой Богу, насколько нам возможно, насколько мы решаемся это сделать, насколько у нас есть любовь и вера. Потому что закон молитвы есть закон веры. Насколько человек имеет веру, настолько же он и молится. Если человек не молится вообще, но знает, что есть Бог, сотворивший небо и землю, он может уподобиться бесам, которые знают, что есть Бог, трепещут и боятся Его, но ни в коем случае не обращаются, не молятся и не каются. Вот и мы, подражая пророчице Анне, должны постом и молитвой, непрестанной молитвой и воздержанием послужить своему Спасителю во спасение собственной души.

Много еще можно говорить о том, как встречается старое с новым. Много можно сказать о том, как мы, отказываясь от чего-то худшего, приобретаем что-то лучшее. Можно говорить о том, как мы возрастаем от меры в меру, о том, как мы меняем мелкие деньги на крупные купюры, как мы меняем мелкие мысли на мысли большие и великие, как мы меняем мелкие чувства на великое чувство любви к Богу, и к небу, и к Царству Небесному, и на любовь к ближнему. Но все это мы должны пройти сами, почувствовать в своем сердце. Это мы должны совершить своими действиями, в своих поступках, в своей решимости. И тогда все станет совсем иным. И наша встреча со Христом станет действительно обретением вечности, обретением Царства Небесного и расставанием со всем ветхим, преходящим, ускользающим.

Радости желаю вам, мудрости, покаяния, тишины ума и сердца, мира с самим собой и мира с ближними, торжества благодати Христовой в нашей земной жизни!

*На Сретение Господне
2018.02.15
Нижняя Ореанда*

КРЕСТ ХРИСТОВ И НАШЕ КРЕСТОНОШЕНИЕ

Поздравляю вас всех и с поклонением Кресту Господню, и с нашим крестоношением!

Центр вселенной есть Христос Господь наш, искупивший нас от проклятия и смерти. И Крест, на котором Он был распят, есть не что иное, как жертвенник, на котором Господь священнодействовал, искупая нас от проклятия и смерти. Оттого и наше крестоношение есть соучастие в страданиях Христа, а значит и соучастие в Его славе, и в Его воскресении, и в Его вознесении, соучастие и в Его Царствии.

Мы слышали сегодня Евангельское чтение о том, что, по слову Господнему, мы должны нести свой крест. И если мы отрекаемся от Христа ради рода человеческого, лукавого и прелюбодейного, то и Господь отрекается от нас в славе Своей пред Отцом Своим Небесным.

Мы должны понять простые вещи. То, чем мы хотим обладать по-человечески, всегда истлевает, всегда заканчивается, всегда упраздняется, бесконечно ускользает из нашего обладания. Лишь то, от чего мы отказываемся, и отказываемся не по глупости, не по наивности, а по вере в Бога, по вере в Христа, – если мы так от чего-либо отказываемся, то мы по-настоящему начинаем этим обладать. То, что мы предаем Богу, принадлежит Богу и, стало быть, вечности. Стало быть, в вечности находится и то, что мы любим, что нам дорого и что

мы отдаем Богу. Через это мы уже сопричастны Божественной вечности. И этот закон мы можем проверить на каждый день, каждый год, каждое десятилетие своей жизни. Всё, или все, или всякий человек, которым мы хотели обладать ревниво и независимо, желали подавить чью-то волю или иметь бесконечно эту вещь – каким-то образом она теряла для нас смысл, или ускользала, или отменялась, или что-то происходило так, что нам просто-напросто было не до этого. Но все то, что мы делали ради Христа или жертвовали ради Христа, принадлежит нам и по сегодняшний день. Все, что мы пожертвовали из милости к нищим ради Христа, принадлежит нам. А все, что мы утаили на банковских счетах различных стран для лучшей сохранности, оно упраздняется и исчезает. Это можно видеть во всех человеческих отношениях каждый час и каждую минуту нашей жизни. Сейчас, когда Крест Господень выносят на середину храма и нам предлагают поклониться ему, – нам предлагают полюбить страдания, которые соединяют нас с Христом, за пределами которых находится радость неотменяемая, неотзывная, неупразднимая и вечная, радость бытия с Богом.

Если мы пытаемся обладать даже нашим телом и нашей душой, то и здесь мы проигрываем, если не отдаем их Богу. И только тогда, когда мы отрекаемся от своей души ради Христа, воистину мы ее обретаем. А самая большая и главная ценность в этом мире – не банковские счета, не слава этого мира, не обладание землею, даже не власть и информация, и не приобретение любимых людей, а твоя собственная душа. Если ты ей вредишь, если ты ее разрушаешь, то чем бы ты ни обладал, оно не принесет тебе радости, не принесет смысла, не принесет оправдания. Одним словом, все, что является внешним по отношению к твоей душе, имеет очень мало смысла и содержания. Но современный человек устроен

таким образом, что его продолжает устраивать, когда все его силы сосредоточены на внешнем. Мы же, зная, что внимание ко внешнему растлевает, разрушает, что оно деструктивно для человека, должны сделать некий прыжок внутрь самого себя. Мы должны обратиться к своему сердцу, ощутить свое бытие, найти глубину своей души. Мы должны искать мира и тишины мысли. И это возможно в мире сем только тогда, когда сам Христос приходит в наше сердце и творит этот мир, и тишину, когда Царствие Небесное уже касается нас не только в слове, не только во внешнем образе, но во внутреннем удостоверении, абсолютно осязаемом, точном и неотменяемом.

Мы должны полюбить наши обстоятельства жизни, мы должны полюбить тех людей, которые находятся рядом с нами, мы должны полюбить и понять тот мир, в котором мы живем. Не грех этого мира, не срам этого мира, но ту реальность, которую сотворил Господь. И принимать за основу то, что мы должны спасать собственную душу, понимая, что она больше, чем внешний космос, и значительнее, и, более того, она непреходящая, в отличие от этого космоса. Этот мир, вся вселенная, пройдет. А наша душа и наши отношения с Богом не пройдут. И это – страшное откровение, которое дает нам христианство, это – страшное и трудное удостоверение. Мы не можем перестать быть. Для профанного сознания, для поверхностно мыслящего человека смерть, конечно же, неизбежна. Но если человек задумывается и углубляется внутрь самого себя и начинает понимать, как устроен мир, он начинает не только понимать, но и видеть глазами ума и сердца, что смерть для него недостижима. И христианство, Церковь, святые отцы, Священное Писание говорят о недостижимости смерти для нашей души и нашего тела. Мы не можем перестать быть. Но каково будет наше бытие, зависит от нас. Потому что Господь

Иисус Христос по Своей Божественной любви уже все сделал, чтобы нас спасти. Он даровал нам победу над смертью и над грехом. Он даровал нам прощение всех наших беззаконий. Он даровал нам благодать Святого Духа и радость о Царствии Небесном. От нас зависит, обратимся ли мы к этому или не обратимся, возлюбим мы Христа или не возлюбим, пойдём мы за Ним или пойдём иными путями, взирая на болотные огоньки и соблазны нашего мира. Все зависит от нас. Расслышим ли голос Христа: «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные» (Мф. 11, 28) или же мы будем слушать голос телевидения, газет и радио, различных пропагандистов, агитаторов и рекламных агентов.

И еще раз о Кресте. Мы привыкли слышать и думать, что крест нам дается по силам. Но на самом деле крест всегда выше наших сил. Мы должны употребить все свои возможности, чтобы взойти на него. В идеале христианин живет не в пределах возможностей, а за их пределами. И только тогда осуществляется подлинное крестоношение с явными признаками самоотвержения.

Господи, помоги нам быть трезвенными, избавь нас от злого очарования, помоги нам видеть обстоятельства и людей, которые нас окружают такими, каковы они есть, а главное – видеть Твою волю и Твой замысел о нас самих и следовать за Тобой во все дни жизни – от сегодняшнего момента до конца. Аминь.

Неделя Крестопоклонная

2018.03.11

Нижняя Ореанда

«ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО ВИДЕВШЕ»

Христос воскрес!

Воистину воскрес!

Всех поздравляю со Святой Пасхой, с Воскресением Христовым!

Хорошие вести из Иерусалима должны поселиться в нашем сердце, в нашем сознании, стать органической частью нашей жизни. И мы должны пережить, осознать и удостовериться – Христос воскресает и в нашем сердце. Не только в Иерусалиме, но и в нашем сердце, которое похоже на гроб, если там нет Христа. Но оно может быть и живоносным гробом, источником света и всякой правды, если в нашем сердце поселяется Христос, и Он воскресает, и совоскрешает нас с Собою, и делает нас сопричастниками Своего Небесного Царства. Эта неотмирная, неотменяемая радость касается всех христиан, уверовавших во Христа. Это – личный опыт, который невозможно насильственно оторвать от человеческого сердца. Это – удостоверение неба, которое невозможно украсть, отнять, подменить, которое делает человека новой тварью, делает его сопричастным небесной жизни.

Христос воскрес! И все силы ада, все ужасы злобы и ненависти, которые есть в этом мире, бессильны и не имеют власти над нашим сердцем, если мы верим в Воскресение Христа.

Бог есть любовь – любовь, возлюбившая нас, и вызвавшая нас из небытия к бытию, и даровавшая нам жизнь вечную, неотмирную радость, восторг и победительность над всякой похотью, над всякой неправдой, над всяким грехом и над всяким малодушием.

Христос воскрес!

Воистину воскрес!

Пасха Христова. Светлый Понедельник

2017.04.17

Нижняя Ореанда

«ДА БУДЕТЕ СЫНАМИ СВЕТА»

Всех вас поздравляю с праздником Преображения Господня!

Христос возвел учеников на гору Фаворскую, где явились предстоящие Ему пророки Моисей и Илия. И самое удивительное было, что Господь преобразился. Его одежды и весь облик стали светлыми, белыми, как снег. И с неба был слышен голос Отца Небесного: «Сей есть Сын Мой возлюбленный. Того послушайте».

По учению Православной Церкви, этот праздник помогает нам увидеть и понять, востребовать и воспринять тот дар Божественной любви, который Господь нам открыл и даровал с самого начала. Если апостолы видели свет Христов, – и это не только святость Христа, но и Само Его Божество, – то обожение возможно здесь и сейчас, возможно еще по сю сторону бытия, в этой земной жизни. Иными словами, еще будучи в теле, человек может преобразиться, обожиться и стать иной тварью. Это основополагающее учение Православной Церкви утвердилось благодаря великому святителю Григорию Паламе и стало достоянием всех православных христиан.

И вот сейчас в этот день святая Церковь призывает нас не только вспомнить великое и спасительное событие, происшедшее на Фаворской горе две тысячи лет назад, но и осознать то, к чему нас призывает Господь, к чему нас призывают святые отцы. То, что мы крещены во Имя Отца и Сына и Святого Духа, то, что мы рождены от воды и Духа, то, что мы призваны к спасению, исповедуемся, причащаемся, – все это мы имеем в Церкви как данность,

дарованную для спасения. Но подлинный христианин – тот, кто изменяется, кто преображается и становится новой тварью. Христианин – тот, кто мало-помалу, как по лестнице, восходит все выше и выше; каждая ступень дается с трудом, но отрывает его от гравитации земного, греховного, преходящего, изменчивого и тленного. И такое преображение должно происходить с каждым из нас. Святая Церковь всегда усматривает, насколько человек изменился. Он мог быть благочестивым, целомудренным, воздержанным с самого начала, но не испытать никакой борьбы и не иметь никакого достояния в победе. И если человек никак не меняется, исходя из того, что он был уже хорошим, то он не одерживает победы, он не совершает подвига, за который может быть увенчан. Каждый христианин, исходя из своей стартовой ситуации, должен продвигаться все дальше и дальше. И тот, кто борется за свою душу, кто борется за исполнение заповедей Христовых, получает от Господа великое утешение. Это и есть преображение. Это и есть обновление. Это и есть становление внутреннего человека, который призван к святости еще в этой жизни. Все начинается в здешнем измерении, в нынешней земной жизни. Но ничего в нынешней жизни не заканчивается. И если мы здесь и сейчас не востребуем, не восплачем, и не попросим Господа о даровании благодати Святого Духа на всякое наше начинание и на все наше существо, то потом может быть уже и поздно, и ненужно. Будем же следовать великим святым и помнить слова преподобного Серафима Саровского, преподобного Силуана Афонского, преподобного Симеона Нового Богослова о том, что главная цель христианской жизни есть стяжание благодати Святого Духа, Который преображает человека и делает его носителем света, человеком Церкви и другом Божиим. Аминь.

*На Преображение Господне
2012.08.19
Нижняя Ореанда*

ДИАЛОГИ: ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОСТИ

СПАСЕНИЕ – ЭТО ЖИВЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С ХРИСТОМ

Протоиерей Николай Доненко – в прошлом художник и скульптор, а сегодня пастырь и духовник. Он рассказывает об искусстве отсекаать от души страстное и приумножать таланты ради служения Богу.

Отец Николай служит в одном из красивейших храмов на Южном берегу Крыма – Покрова Пресвятой Богородицы в поселке Нижняя Ореанда (Большая Ялта). Осенью 1894 года здесь неоднократно служил святой праведный Иоанн Кронштадтский. В этом храме причащалась великомученица великая княгиня Елизавета Федоровна. Начиная с Александра III, сюда приходила молиться вся царская фамилия, все великие князья и княгини.

Храм построен в грузинско-византийском стиле по заказу великого князя Константина Николаевича Романова в 1885 году.

Об особенностях приходской жизни в курортном городке протоиерей Николай Доненко рассказывает с пастырской точки зрения.

– Отец Николай, ваш путь к священству необычен. Как вы, выпускник Харьковского художественно-промышленного института, скульптор, человек творческой профессии, избрали путь пастырского служения?

– Половина моей жизни была посвящена скульптуре, ею я занимался профессионально и до сих пор являюсь членом Союза художников России. Но работать в этом направлении приходится все меньше – не хватает времени и сил. Все посвящено жизни прихода, преподаванию в семинарии, исследовательской и издательской работе. Это тоже творчество, только более широкое и глубокое, бесконечно более ответственное пред Богом и людьми. В скульптуре ты общаешься с материалом – с глиной или бронзой, здесь же с живыми бессмертными человеческими душами.

С 16-летнего возраста я постоянно ходил в церковь, и мысль о священстве стала формироваться как очевидное, а спустя некоторое время как безальтернативное. Понимание особенной ответственности, с одной стороны, и суровая советская реальность – с другой, в течение долгих лет выстраивали мое сознание. С 1982 года я стал чтецом в Троицком кафедральном соборе Симферополя, где и был рукоположен в сан иерея в 1991 году, в день Рождества Иоанна Предтечи.

– Почему для творчества вы выбрали именно скульптуру?

– В занятии скульптурой мне всегда была интересна человеческая личность, преимущественно портрет, возможность проникнуть в тайну этой личности, ее неповторимый рисунок, таинственный иероглиф, который нужно расшифровать. Такой диалог с портретируемым всегда был взаимообогащающим. Через пластиче-

ские средства прикоснуться к тому, что таится в глубине человеческой души, к тому, что есть у каждого и что всегда ускользает от посторонних невнимательных глаз. В этом же направлении были интересны занятия памятными медалями, отображающими тех или иных исторических персоналий, таких как Иоганн Себастьян Бах, Антуан Ватто, Эжен Изай, Сергей Прокофьев и другие. Всякую эпоху мы узнаем по лицам великих людей, которые отразили в своей жизнедеятельности смысл происходящего и стали свидетелями эпохи. Изображение исторического лица – это всегда в какой-то мере прикосновение к истории, взгляд глазами современника на глубинные смыслы, которые определяли жизнь следующих поколений и события грядущих времен. Для меня это всегда была попытка войти в диалог с исторической личностью, ощутить ее как кровь, плоть и сгусток смысла.

– Что изменилось в вашем восприятии скульптуры после рукоположения?

– С принятием священного сана свои творческие задачи я стал осмыслять с новой глубиной. Если раньше главным было, как мне казалось, творческое самообнаружение, попытка сказать то, что накопилось в душе и сознании, то сейчас мотивация радикально поменялась: хочется всматриваться в жизнь, в тайны человеческой личности и, главное, сосредоточиться на том, чтобы вдохновение творчества находило тебя, а не наоборот. Художник должен быть исправным инструментом в Божественных руках, исполнять конкретную задачу, в данном случае в скульптуре. Подобное чувство меры и соразмерности помогло ощутить то, что раньше ускользало от моего внимания. Мне кажется, что этот опыт не оказался напрасным для моей пастырской деятельно-

сти. Он научил меня не столько подчинять, сколько подчиняться запросам души и чаяниям сердца приходящих за советом порой в непростых ситуациях. Подобная, я бы сказал творческая, беспомощность перед человеческой болью и реальной жизненной проблемой оказывается более продуктивной, чем горделивое упование на свои знания и чужую мудрость, усвоенную по книгам.

– Храм Покрова Пресвятой Богородицы расположен в курортном местечке, недалеко от Ялты. Как это скажется на приходской жизни? Есть ли особенности у вашей общины?

– Всякая община имеет свое лицо, а в идеале – лик. У каждой общины есть неповторимое своеобразие и свои специфические черты. У нас не столько приход, сколько «приезд». Так что гостей бывает на порядок больше, чем тех, кто живет в Ялте. На клиросе, как правило, византийское пение, после воскресных и праздничных богослужений трапеза для всех желающих. Пожалуй, это лучшая возможность для новых знакомств и поддержки живых отношений. В непринужденной обстановке каждый может высказать свои мысли и переживания, поделиться опытом. Такое общение обогащает, сближает и делает возможным увидеть то, что раньше не было очевидным.

Храм, расположенный в курортном месте, имеет свою специфику. Приезжают разные люди, порой сильно отличающиеся по культурному уровню, социальному положению и церковному опыту. Конечно же, они привозят с собой свои проблемы, свои точки зрения и недоумения по тем или иным вопросам. Такие встречи всегда интересны и во многом полезны. В разговорах после службы узнаешь много нового, погружаешься в чужой опыт, а иногда испытываешь боль безвыходности.

– Все эти «разные люди» – прихожане храмов России, Украины и других уголков мира. Они приходят к вам на исповедь или ищут беседы. Используя этот необычный приходской опыт, какие основные проблемы вы бы выделили у современного прихожанина? С чем важно приходиться на исповедь, на ваш взгляд?

– На мой взгляд, главная проблема в том, что люди слишком сосредотачиваются на себе и своих так называемых неснимаемых противоречиях. У них много ненужной саморефлексии. Порой человек погружается в космос христианской культуры, забывая о главном – живых отношениях с Христом! Все, что замутняет образ Господа и в центр внимания ставит человеческое, является проблемой.

Самое важное сегодня – миссионерство, проповедь и катехизация, воцерковление тех, кто уже ходит в церковь. Необходимо, чтобы они не только телом заходили в храм, но и душой и умом. Чтобы их внутренняя архитектура – духовная, интеллектуальная, мировоззренческая – стала православной. К сожалению, такой миссии сегодня очень мало. Это кропотливая, долгая и очень трудная работа. Как скрипачу непременно нужно поставить руку, а певцу голос, так и душу обратившегося к Богу нужно выстроить в евангельских пропорциях.

– Часто приходится слышать, что новоначальным христианам вне общины невозможно следовать Евангелию. Однако общины есть далеко не во всех храмах. Что же делать – менять храм? Искать ее?

– Прежде всего нужно искать Христа. Можно найти общину и культурно, психологически, эмоционально успокоиться. Образованные, воспитанные, приятные люди – в их окружении хорошо, есть общие интересы, ценности и представления о жизни. Мало-помалу, успокаивая

свою совесть, можно забыть о Христе и о том, что мы живем в мире, где нет гарантий, и декларация комфортной безопасности – не более, чем демагогия. Дьявол ищет нашей гибели, и наши страсти, нераскаянные грехи – лучший инструмент в его руках. Надо всегда искать Христа, Его милости, прощения и любви. Там, где Христос, там мир и спасение, там уже Царство Небесное и не может быть кризиса. Придет ли подобный опыт через общину, или отдельного человека, или другим путем – это тайна Промысла Божия. Конечно, община чрезвычайно важна. Правильно выстроенная церковная жизнь – это огромная сила, и в ней развиваться любому молодому человеку, пришедшему к Богу и Церкви, будет намного легче, удобнее и результативнее. Но община есть не везде, а Господь на всяком месте.

– Верно ли, что православному христианину нужно задуматься, что Господь ожидает от каждого из нас лично?

– Со всей очевидностью и удостоверением можно сказать: думать нужно всегда. В Церкви нет ничего механического, и дело спасения и покаяния, дело вхождения в Церковь – это не формальные вещи, а сугубо творческие и благодатные. Сколько у Бога людей, столько и путей спасения; каждый на этом пути преодолевает свои сложности, но непременно с помощью Христа. Царство Небесное берется усилием. Для меня самое важное, чтобы человек осознал, что быть православным, быть церковным, быть христианином – это всегда усилие ума и сердца. Не насилие, а усилие. Если бы было усилие одного ума, мы рано или поздно стали бы протестантами, если же будет напрягаться только сердце, мы станем мистиками и уйдем от святоотеческого Предания. Поэтому здесь должно быть все выстроено и продумано.

Духовный опыт передается из поколения в поколение. Он должен быть преемственным: опыт веры, покаяния, молитвы, богообщения. Опыт диалога с Христом предыдущих поколений не должен предаваться забвению. Мы должны подтягивать свою историческую, культурную и церковную память, осмысляя сегодняшний день, чтобы драгоценнейший опыт не был покрыт пылью забвения.

– Чужой опыт в духовной жизни может как помочь, так и навредить. Нужно ли искать в рамках святоотеческого опыта и Евангелия своего Христа или безопаснее подражать духовнику, верующим друзьям и духовным книгам?

– Как мы знаем, Христос всегда Тот же. А также знаем, что подобное рождает подобное. Любовь рождает любовь, дружба дружбу. Подозрение рождает подозрение. Если мы общаемся со святыми, то мы становимся святыми. Если общаемся с праведными, то уподобляемся праведным. И если мы общаемся со строптивыми, мы развращаемся, как говорит Священное Писание.

У кого мы учимся? Подражать – это нормально, естественно. Ребенок повторяет за родителями. Взрослые вторят своим учителям, великим предкам или святым, и это подражание похвально и достойно. Но всегда нужно смотреть на мотивацию: по какой причине человек делает то или иное и во имя чего? Если человек исходит из любви к Христу и цель его жизни – Христос, как это делали великие святые, то подражание им приводит к правильному результату. Если это просто рефлексия, вялые и невнятные движения ума и сердца, то и ожидать чего-то богоугодного и спасительного едва ли приходится.

– Современному человеку хочется быстро и безболезненно стать святым, еще при жизни начать «соответ-

ствовать» Царствию Небесному. Так сегодня думает множество успешных людей. Ощущение жизни как дара Божьего принять трудно, а нужды ближнего при таком восприятии цели отвлекают и раздражают.

– Земная жизнь – это не курорт и не санаторий. Дух времени подталкивает людей представлять все в гламурно-глянцевых тонах, в чарующе сладких образах, не соответствующих действительности.

Человек не вдруг и не сразу оказывается в аду, а постепенно соскальзывает в преисподнюю, порой не осознавая происходящего. Падение в бездну – это всегда скольжение по той страсти, по тому греху, к которому человек привязан в этой жизни. Нечто подобное предлагается медиаиндустрией сейчас – скольжение по псевдореальности, раскрашенной веселыми игривыми цветами, у которой соблазнительные формы, как в модном журнале с агрессивной рекламой: одним словом, все хорошо, мы уже спасены, и теперь можно расслабиться, отказавшись от борьбы за свою бессмертную душу.

Нужно помнить о святоотеческой традиции, о том, что борьба со страстями – это борьба с леопардами, и победа, как правило, оплачивается кровью. Человек со стороны может казаться симпатичным и благополучным, но за шторкой сердца живут разные чудовища: носороги, крокодилы и прочие зверушки, с которыми он непременно обречен встретиться. И эта встреча всегда драматична, насыщена страданиями и болью. Думать, что дело спасения комфортно и приятно, что это эйфорический сценарий успеха и благополучия, по меньшей мере недоразумение. Языческий культ успеха, посягающий на комфорт как цель и задача принципиально чужды духу Евангелия. Мы должны помнить слова Христа: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16, 33).

– Что происходит, если мы стремимся к «святости» как к самосовершенствованию, забывая Бога?

– Святыми не рождаются, святыми становятся. Святой свят только святостью Божией. Восточные культы и современные мистические практики сосредоточивают внимание на самосовершенствовании, и человек через различные «практики» становится более совершенным и как будто гармоничным, но это не имеет никакого отношения к христианской святости.

Спасаемся мы не своими силами или добрыми делами – спасает нас Христос. Более того, мы сами по себе не можем приблизиться к Христу путем неких упражнений, аскетических практик, молитвенных усилий или психофизических тренировок. Христос Сам приходит к человеку тогда, когда хочет, к кому Он хочет и так, как Он хочет. И в этом Его Божественная любовь и милосердие. Ни усилиями воли, никакими человеческими инструментами человек не достигает Христа.

Человек должен смириться, покаяться и, открыв свое сердце, сняв ложную самозащиту со своей души, обратиться к небу, вечности и Божественной любви, на любовь Христа ответить человеческой любовью. И тогда Сам Господь Иисус Христос входит в человеческое сердце.

– Бывает, что в разговорах священник часто упоминает некую страсть с резким осуждением, и это вместо поддержки вселяет в чадо страх потерять доверие и уважение батюшки, приходится на исповедь становится страшно и стыдно. Как быть, если духовник на своем человеческом уровне не приемлет и не понимает духовный недуг, которым мучается его чадо?

– Духовник не должен принимать чьих-то страстей, но непременно должен понимать, как они действуют

в человеке. Игумен Григорий из монастыря Дохиар на Святой Горе как-то заметил: успешное духовничество может состояться, когда есть эмоционально-психологическое и культурное созвучие и взаимопонимание. И если это отсутствует, то даже при желании отношения чада и духовного отца могут не выстроиться. Священник может оставаться хорошим духовником, чадо желать себе спасения, но в силу того, что культурно-психологические факторы слишком разные, их отношения могут быть проблемными и мало удобными для поставленной цели.

– Многие проходят через духовный кризис, когда будто бы достигаешь некоего рубежа в духовной жизни и не видишь, куда и как двигаться дальше. У человека нет грубых грехов, а только малые, кочующие от исповеди к исповеди. Он уже встроен в жизнь прихода или монастыря, во всем вроде бы порядок. Однако возникает пауза в духовном делании, и не хватает опыта, чтобы разобратся, и рядом нет достойного советчика... Что это за состояние и что делать?

– Если человек сосредоточен на себе и своих психологических переживаниях, то наступает предел, за которым уже ничего не видно. Но если человек живет в Боге и в его сердце изображается Христос, то со всей очевидностью надо сказать: для него нет ограничений, он видит иные грани жизни и ощущает иное качество бытия. «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Мф. 5, 48), – говорит Господь, призывая каждого человека к святости. И к святости абсолютной, которой нет предела. Но если человек живет мертвящей логикой и своими человеческими представлениями о должном, то по естественной причине его развитие в свое время останавливается, как всё в этом мире. Создается впечат-

ление, что человек чего-то достиг. На самом же деле это только психологическое равновесие, эмоциональная и душевная составляющая, которая близка к комфорту. Только там, где есть прорыв в трансцендентное, соединяющий земное с небесным, возможна вечная перспектива.

Не важно, сколько человек делает поклонов, как он постится, не важно, сколько он совершает бдений; когда мы приходим в семью, общину или монастырь, мы смотрим, есть ли любовь между братьями? Если живут в любви Христовой, то и благодать Святого Духа есть, значит, все подлинно. Когда мы начинаем подсчитывать количество Иисусовых молитв, поклонов, постов, то можем впасть в опасное духовное состояние, которое выхолодит нашу душу, рационализирует ум. И тогда ради нашего спасения Господь попускает обрести истину травматически – через боль и потрясения, которые, как правило, возвращают нас к самим себе.

Спасение – это не мертвящая скорлупа, а всегда живые, творческие отношения с Христом. Спасение не гарантировано исполнением правил морального поведения, которые важны. Разбойник благоразумный из бездны своих грехов и страданий, перед лицом вечности и неотвратимости смерти нашел силы обратиться к Христу и услышал: *Ныне же будешь со Мною в раю* (Лк. 23, 43). Есть множество исторически подтвержденных случаев, когда человек из падшего состояния обращался к Богу, и Господь мгновенно поднимал его на высоты прощения, примирения и спасения.

– Человек перестал ходить в храм, остыл. Как ему вернуться? Как преодолеть себя и свое охлаждение?

– Бывает и так. Христианин отошел от Церкви, общины и даже от самого себя. Я думаю, что в лучшем случае

человек может констатировать степень своего падения и свидетельствовать о том, что отошел от храма слишком далеко. Перехитрить себя можно на каком-то этапе, но все же лучше предать себя Христу, Который как Человеколюбец преодолееет все твои хитрости Своей Божественной любовью. Предать все свои проблемы, противоречия и недоумения, всю безысходность положить к ногам Христа и честно сказать: Господи, вот я весь пред Тобою, делай со мною, что Ты хочешь и что будет мне во спасение.

– Увлечение политикой или общественной деятельностью нередко превращается в страсть. Несправедливость, которой сегодня наполнена жизнь, а особенно если с ней внезапно сталкиваешься в Церкви, возмущает и опустошает. Игнорировать чужую боль, как и свою, невозможно. Как здесь найти для себя золотую середину и сохранять духовное равновесие?

– Возмущение, как и всякий грех, происходит от малодушия. Порой мы слишком малодушны, особенно когда видим чужие недостатки, а о своих деликатно забываем. Подлинный ум всегда в пропорциях. И золотая середина – это то, к чему мы должны стремиться. Вне политики, как замечал Аристотель, находятся только животные или боги. По разным причинам, но все они вне политики. Мы люди и, стало быть, всегда в политике. И политика наша должна быть христианской, церковной, боголюбивой, подлинной. Мы должны понимать, что происходит в человеческом мире, какой замысел Божий о нас, какова задача того или иного народа, государства, семьи и отдельного человека и каково наше отношение к этому. Нужно уметь различать контуры явлений, событий, уметь увидеть все в евангельской перспективе. Тогда мы будем подлинными политиками, сохраняя свою

церковность, трезвенность и ясность ума. Если же страсти живут в нашей душе, то неважно, занимаемся ли мы политикой или чем-то иным, – главной будет оставаться эта страсть, облеченная в различные слова и одежды.

– Порой можно услышать, что Русская Церковь наполнена скорбью. Почему на богослужении так все строги, серьезны, не часто встретишь радость на лицах, будто бы мало благодарности у прихожан...

– Вероятно, это от непонимания. Если скорбь, то она должна быть творческой, благодатной, непременно разрешающейся победоносной радостью, в противном случае она может быть удушающей и разрушающей душу.

Есть свои неповторимые особенности у различных народов, национальная доминанта. Трудно представить греческое веселье в Поморском крае, на Валааме или Соловках. И балканский задор в Сибири или Якутии маловероятен. Климат, ландшафт во многом определяют национальный характер. Если есть печаль как некая тенденция национального характера, она должна быть прозрачная любви Христовой, благодати Святого Духа. Тогда эта печаль будет по Богу, творческая, созидаящая.

*Беседовала Анна Ольшанская
Журнал Московской Патриархии
12/2013*

РАЗГОВОР В ДРУГОМ ИЗМЕРЕНИИ

Мужскому полу редко интересны излюбленные женские темы. Мода, шопинг, кулинария – что здесь привлекательного для думающего человека? Другое дело, если об этом рассуждает священник, философ... Самые избитые темы приобретают неожиданные измерения...

В гостях у редакции журнала «Отрок» – протоиерей Николай Доненко, настоятель Покровского храма в поселке Нижняя Ореанда (Большая Ялта), автор книг о судьбах новомучеников и исповедников XX века.

Беседа с отцом Николаем, начавшись с бытовых вопросов, плавно перетекла к предметам возвышенным.

«ГАСТРОНОМИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ЖИЗНИ»

– Отче, иногда складывается впечатление, что мы живем в обществе, где потребление товаров и услуг является самоцелью. Культивируется отношение к самой жизни как к некоему продукту питания. На этом фоне расцвели бесконечные кулинарные шоу и гастрономические журналы. А как Вы относитесь к моде на кулинарию?

– Если мы посмотрим на ландшафт политический или социальный, то увидим, что все партии, которые претендуют в наше время на власть, являются не политическими, а, скорее, бытоустроительными.

Сейчас многие стремятся соответствовать моде: быть красивыми, богатыми, жить в абсолютном комфорте и тем самым оседлать иллюзию ничем не подтвержденного благополучия, мечтательную сладость жизни. По сути, это вхождение в буржуазные ценности как некий противовес христианским, трансцендентным, Богом дарованным ценностям, которые по своей природе выходят за пределы этого мира. И, конечно же, человек с христианской интуицией не может впасть в бытоустроительство как самоцель. Хотя нельзя сказать, что у христианина быт не должен быть устроен. Но когда отсекается Божественное, неотмирное, когда ставни закрываются и свет пакибытия не входит в пространство человеческой души, начинается уже шизофрения с кулинарными запахами.

Сейчас в культуре, в социуме мы видим гастрономическое отношение к жизни – попробовать, «скуштувати». Этот момент невероятно остр и важен для общества потребления. Если в церковнославянском языке слово «потребить» означает «уничтожить», то современный человек получает имя «потребитель» как статусное наименование, в порядке награды. Например, Катя измеряется не своей образованностью, не интеллектом, не красотой или талантом, а тем, сколько она может потратить. Ты равен тому объему товаров, услуг – коммунальных, туристических, дизайнерских, – какие можешь потратить. В этом есть гастрономический момент. Если паломник освящается, уже сделав первый шаг навстречу священной цели, предположим, на пути ко Гробу Господню, то турист – не только сам не освящается, но и профанирует все, к чему прикасается, то есть потребляет время и пространство, потребляет святыни или художественные ценности. Отсюда же и тяга от всего «отломать кусочек», через фотографию уловить кусочек вечности. Гастрономический подтекст довольно уни-

версален. Само гурманство связано с желанием потреблять и обладать.

– Но готовят часто не ради того, чтобы съесть. Нравится сам процесс.

– И путешествуют не для того, чтобы понять смысл и способ жизни других народов, реально приобщиться к другим культурам. Тут и сублимативные вещи. Бывший курильщик стремится подкурить кому-то сигарету и поддержать зажигалку... Так и с едой. Будешь много есть, – будут щеки видны из-за ушей, а это обидно. Подобная страсть небезопасна и для здоровья.

«СОВРЕМЕННЫЙ МУЖЧИНА В СМОКИНГЕ ВЫГЛЯДИТ НЕ ДЖЕНТАЛЬМЕНОМ, А ОФИЦИАНТОМ»

– Тогда как определить свою меру? Где начинается излишество? Сколько, например, одежды прилично иметь человеку с «христианскими интуициями»?

– Преподобный Силуан Афонский рекомендовал есть столько, чтобы после трапезы хотелось молиться. Это правило можно отнести и к одежде – одеваться так, чтобы было удобно и легко ходить пред Богом. Душа жаждет смысла, наполненности, того, что согрело бы ее. Но будучи дезориентированной, она всю свою страсть выпускает совершенно не по адресу. Почему и не получает насыщения. Если от пищи нет удовлетворения, это нехорошая пища. Если кока-кола не утоляет жажду, то зачем ее пить?

Если у тебя есть жажда накопления, она внушена тебе Богом. Только ты употребил ее не совсем верно. Надо накапливать мысли, идеи, опыт. Опыт – это единственное, что ты можешь взять с собой в вечность, с чем ты

предстанешь пред лицом Божиим. Всё остальное – рефлексия на внешний мир.

Что касается одежды, важно различать, что значит просто надеть красивую вещь – и что значит уметь ее носить. Если современный мужчина наденет смокинг, вероятнее всего, он будет выглядеть не джентльменом, а официантом. По всей видимости, одеваться – не механический процесс. Надо еще уметь носить. А женщин, умеющих носить хорошую вещь, как и мужчин, крайне мало. Потому я ставлю вопрос по-другому. Неважно, сколько у тебя одежды и какая она вообще. Важно, кто ты и что ты хочешь сказать, надевая те или иные вещи.

В современном мире мужественность, как и женственность, мало востребованы. Современный мир сосредоточен на других, далеких от Православия реалиях. Поэтому, как мы видим, многие отроковицы знают «как», но долго не знают «зачем». А женщина становится женщиной лишь тогда, когда понимает «зачем». Понимает, что за представлением себя с помощью одежды, косметики стоит чадородие, материнство, которое, как утверждает апостол Павел, и оправдывает ее перед Богом. Если это все не замыкается в одну цепь, то появляется асимметрия с элементами порой явного уродства.

– Но красятся и женщины, вполне счастливые в браке... И они, кстати, не меньше пристрастны к шопингу.

– Совершенно верно, красятся! И тем самым подтверждают свою еще не утраченную женственность. Конечно, это не единственный и, возможно, не лучший способ, но и он имеет место, если к нему относиться без фанатизма.

Страсть к шопингу можно аттестовать как болезнь, невроз, к тому же она не связана с хорошим вкусом и искусством одеваться красиво. Станным образом наше время предлагает великолепные образчики высокой

моды. И в то же время практикуется дебильная упрощенность: потертые джинсы, спортивная обувь, несвежая футболка на обнаженном стареющем теле – смотрите, завидуйте, я – американская гражданка! В сущности, это тотальное обеднение, нигилизм, облаченный в бесстыдство.

– *Мода на мятые футболки тоже имеет свои корни?*

– Мода всегда политична, мода всегда философична. Она есть свидетельство о содержании эпохи. Всматриваясь в моду, мы судим о смысловых течениях того или иного времени.

Мода, одежда – это вещи, через которые транслируется иной способ жизни, образ мыслей, исповедание других ценностей. Если ты не заточен постоянно отслеживать, как бы тебя не облапошили, духовно не обокрали, не отняли ценных для тебя идей, подложив взамен что-то другое, – это действительно страшно. Это происходит не на уровне формальном, а на уровне художественном, образном. За счет чего Америка победила в холодной войне Советский Союз? За счет трансляции художественных ценностей и агрессивного навязывания своего образа жизни. Почему они настаивают на своем идиотском «Макдоналдсе»? Эту пищу даже собаки не едят... И экономически это неоправданно. А они распространяют его по всему миру. Стало быть, есть умысел. Кстати, небольшой пример. Когда японцев депортировали из Америки в концлагеря во время Второй мировой, как у нас татар или чеченцев, то одной из форм подавления национальной идентичности было лишение их японской пищи и японской одежды. И если молодые еще кое-как приспосабливались, то старики просто умирали, поскольку для них это было разрушением традиционного способа жизни, убийством смыслообразующего центра.

«ДАЖЕ ЕСЛИ ТЫ НЕ ПРАВ, ТЫ ДОЛЖЕН БЫТЬ В МИРЕ С САМИМ СОБОЙ»

– Допустим, с модой надо быть осторожным. Но почему среди православных «зачуханность» считается едва ли не добродетелью?

– Как правило, это вялотекущая депрессия, не имеющая отношения к Православию. Она вызывает острое неприятие, как ложь или подмена. Еще в советское время сложилось представление: вот есть раба Божия Екатерина. Она учится в аспирантуре, имеет хорошие женские данные, прекрасные человеческие качества. Есть все перспективы для яркой самореализации. И вот она уверовала – и тут же слышит: Кать, бросай учиться. Ты православная? Ходи в церковь, молись Богу, и всё. Ну, если уж так случится – выйдешь замуж, желательно за какого-нибудь сторожа, который бросил какую-нибудь академию и теперь при храме... То есть, по сути, идет исповедание шагреновой кожи – все должно сжаться, сужкожиться в одну точку, горизонт возможностей должен быть сужен до предела. Дары и таланты, данные Богом, должны быть отвергнуты. Если человек здоровый – вполне естественно, он начинает сопротивляться. А тут начинают цыкать экзальтированные тетки, необразованные священники, неправославные по существу, а не по названию... Чтобы быть православным, мало быть крещеным в Православной Церкви, рукоположенным в иерейский сан. Можно называться как угодно, но вот быть православным – это всегда усилие ума и усилие сердца. И вот этого-то усилия мы как раз и не видим. А когда оно проявляется – качественно, сильно, дерзновенно, – ой, тут что-то не то... И молодого человека с легкостью ставят на подозрение.

Когда ты уверовал на пятом курсе университета, – тут же ставь задачу: стать ректором этого учебного заведения. Зачем? Затем, чтобы реализовать сверхзадачу: быть свидетелем Господа Иисуса Христа для всех, всегда и повсюду. Для этого требуется инструментарий: определенное социальное положение, интеллектуальный, профессиональный, карьерный рост. А вместо этого предлагается интеллектуально сузиться, прикрыться грязной тряпочкой, не помыть голову пару недель – чтобы не быть привлекательной: не дай Бог, кто искувится, соблазнится, возжелает... Глупость! В христианстве, напротив, всё расширяется до естественного предела. Существует своего рода особый кристалл каждой человеческой личности, в котором преломляется с неким уникальным коэффициентом свет Христов, который светит всем тем, кто человека окружает. В идеале человек становится настолько прозрачным свету Христову, что даже то, как ты сидишь, как говоришь, как живешь, – является свидетельством.

У нас часто за смирение принимается неразвитость, подавленность и даже просто «задолбанность». Если человек малообразован, эмоционально уплощен, находится в стагнации, если у него баррикадное сознание, дискретное восприятие жизни, – говорят: какой смиренный молодой человек! А ведь это уже начинается медицина. Смирненным человек может быть и в статусе князя, и с мечом в руках, как это изображено на многих русских иконах. Борис и Глеб, как известно, были смиренными людьми. И Александр Невский. И многие, многие другие.

Я вполне разделяю мысль Новалиса: даже если ты не прав, ты должен быть в мире с самим собой. Святыми становятся цельные люди, а не те, у которых расщепленное сознание и не прекращается гражданская война на территории души, сердца и ума. Если немецкий романтик

для нас не авторитет, то вспомним блаженного Августина. Возможно, я немного переиначил, но смысл его слов таков: пока ты не скажешь себе «аминь», ты не можешь произнести Господу «аллилуйя». То есть – пока не признаешь, что ты есть ты, твоя молитва Богу будет несостоятельной. Это будет молитва без обратного адреса: тебя еще нет, ты не обрел лица, ты не признал в себе самого себя, не полюбил свою судьбу и себя принимаешь за того, кем не являешься. Соответственно, твоя молитва не может быть исполнена – нет обратного адреса. Это очень важный момент христианского мироощущения.

Маленький пример: сельская девочка, конопатая физиономия, курносый нос, толстые ноги... Понятно, что любая девушка из гламурных журналов нимало на нее не похожа. Но между тем – именно из этих журналов на стенке наклеены картинки со сказочными красавицами. По глазам ее видно, что она себя ассоциирует с этими антропологическими удачами, лучшими женскими образцами, имея в себе уже некоторое расщепление сознания по факту того, что она никогда, ни при каких обстоятельствах не сможет быть такой. Она преодолевает свою судьбу, свою антропологию, она преодолевает то, что сотворил Бог. И если она «побеждает» – это поражение: ее уже нет. Ее «победа» связана с абсолютным уничтожением самой себя. Это торжествующий нигилизм, взрыв ужаса, который отменяет человека изнутри.

– Очевидно, причины этого расслоения кроются скорее в психологии человека, чем в самой религии?

– Иногда бывает очень трудно разделить, где заканчивается религиозное и начинается медицинское. Недавно разговаривал с психиатром о людях, практикующих смертные грехи. Он утверждал, что очень трудно определить причину, подтолкнувшую человека к за-

предельному, – пресыщенность развратом или врожденная аномалия, латентная (скрытая) шизофрения. То и другое, как мне представляется, рождает трещины в душе, через которые inferнальные пары проникают в сознание и овладевают человеком. Возможно, нам об источнике греха и не нужно знать. Для нас грех должен оставаться грехом, а копаться в причинах – удел специалистов. Исследовать сатанинские глубины чрезвычайно опасно.

«ЦАРСТВО БОЖИЕ БЕРЕТСЯ УСИЛИЕМ, А НЕ НАСИЛИЕМ»

– Поговорим о более насущном предмете исследования. Когда мы читаем Евангелие, следует ли довольствоваться главным смыслом притчи или эпизода и его общедоступными толкованиями? Если какие-то второстепенные детали (скажем, характер старшего сына в притче о блудном сыне) вызывают пристальный интерес, – стоит ли искать ответ на свои вопросы или все-таки сосредоточиться на главном?

– Кто может вместить, да вместит. Евангелие уникально тем, что оно предлагает ответы в зависимости от твоего духовного уровня, интеллектуальной подготовки и способности вмещать. Любой человек и даже целый народ можно оценить по способности вмещать и различать. Один может вместить много, другой меньше, а третий – как блюдце, совсем плоский.

Всякий читающий Евангелие соприкасается с Божественным словом, которое так или иначе воздействует на его личность, на его сознание. Можно читать и механически, но мы знаем, что ничего механического в Церкви нет. В Церкви все благодатно и все требует твор-

ческого осмысления. Если мы читаем художественный текст внимательно, мы понимаем, что это сотворчество. Читая Пушкина, надо становиться чуть-чуть Пушкиным, входить в диалог с его замыслом, с его ритмом, с его поэтическим образом. И понятно, что прочтение Пушкина в XIX веке, в начале и в середине XX и в XXI веке – совершенно разное: в одну реку трудно войти дважды. Образы прочитываются иначе, добавляются некоторые смыслы, интерпретации, ты ощущаешь иное качество бытия – и тот же самый текст говорит тебе о другом. Евангелие в этом смысле совершенно неохватно. Там всегда есть присутствие Самого Христа и всегда есть соприкосновение с той жизнью, которая единственно может называться Жизнью, которой мы все живы и которой мы надеемся войти в Царство Небесное. Все зависит от способности твоей мысли, от способности твоего сердца, от дара рассуждения и открытости Христу. Тогда Евангелие начинает жить в человеческом сердце невероятным количеством смыслов.

Очевидно, что каждое поколение молодых людей должно быть воцерковлено, евангелизировано. Казалось бы, вот есть Евангелие, есть известные толкования – и достаточно. Но, оказывается, в каждом веке духовно сориентированные люди, имеющие благодатные дары, читают Евангелие и растолковывают другим, потому что вызовы времени – всегда разные. Вы младше меня и уже не помните, как в советское время сокрушительным аргументом были слова «наука доказала». Это – невероятная, неоправданно большая дань позитивизму. Но за его пределами, как правило, мало кто что видел. Во-первых, как известно, наука ничего не доказывает. Не доказывает потому, что каждые 10–15 лет она меняет свои основные взгляды на мир. По мере развития, в свете новых открытий предыдущая истина оказывается неполной, недостаточной либо вообще отменяется. Или

ее основной смысл преломляется так, что требуются новые слова. Но если говорить о современной науке, мы, собственно, застряли на уровне интерпретации, потому что если описывать, что знает современная наука совершенно точно, придется делать это в поэтических, образно-символических или религиозных терминах и понятиях, потому что это знание уже не помещается в простые, прагматичные, рациональные представления.

Если человек способен жить в полный рост, дышать полной грудью, поступать по воле Божией, – тогда образует особый шаг, особый интервал, особое движение личности, которая постоянно просветляется и преображается. Человек должен быть способен каждый камень преткновения превратить в ступеньку лестницы, ведущей к престолу Божию. Так и здесь. Есть вызовы внешнего мира, внешних сумерек, сил зла. И фазы ответа – твое новое прочтение Евангелия. Потому что Христос – Один и Тот же, всегда и вовеки. А мы, как представители восточно-христианской цивилизации, христоцентричны по определению. Мы идем ко Христу и исходим из Христа, что бы мы ни делали, куда бы ни шли и что бы ни предпринимали. Оттого текст Евангелия неисчерпаем по существу.

– Нет ли противоречия между природой человека и тем доверием, которое Христос человеку оказывает Своими словами? В одном месте – гора, которая ввергнется в море, если будет достаточно веры. В другом месте – просите, и дастся вам. Человек, руководствуясь первым принципом, бросается осуществить второй: просит, требует, разбивая лоб об пол годами, – и верит, что получит просимое. Но не получает. При этом не всегда ему хватает мудрости осознать, что просит он того, что ему на самом деле не нужно и не полезно. В то же время, ясно сказано: просите.

– Такой простой вопрос: может ли Бог сотворить камень, настолько большой и тяжёлый, что Сам не сможет его поднять? Бог же всемогущий – значит, может. Но Он же и всесильный – так как же Он не сможет поднять камень? Однако Бог еще и премудр, и этим снимается противоречие. Ты можешь разогнаться и удариться об стенку так сильно, что мозги расползутся – физической силы для этого хватит. Но у тебя же еще есть рассуждение, есть любовь к Богу, любовь к ближнему, любовь к самому себе, – а это все меняет.

Эрнст Юнгер, немецкий мыслитель, пишет: мы хотим немного – лишь того, чего хочет судьба. Мы же, православные фундаменталисты, хранящие в своих сердцах постановления семи Вселенских Соборов, должны формулировать свою цель более определенно: мы хотим того, чего хочет от нас Христос. И все остальное нас не интересует. Мы хотим одного – Царства Небесного, которое находится в нашем сердце. Оно сейчас уже находится, Христос говорит: «Царство Божие внутри вас», – и в то же время мы таинственным образом находимся на пути к этому Царству. Это парадокс. Еще Кант доказал, что человеческий ум антиномичен. Антиномия – это два равно доказуемых закона, которые друг друга отменяют. Священное Писание антиномично, и отец Павел Флоренский в книге «Столп и утверждение Истины» приводит параллели: вот здесь так, – а вот здесь иначе. Тут человек спасается делами – тут он спасается верой. Признаки психического расстройства, шизофрении – это абсолютная логичность. Чем человек гениальней, тем он парадоксальней. А когда утверждается только один тезис – всё, диссоциация и соскальзывание по фазе во мрак небытия умственного и душевного. Это не наше направление. Оттого и христианин – парадоксален, он вмещает в себя все противоречия в мире. Вмещает не за счет формального уничтожения этого многообразия,

а за счет того, что благодать Святого Духа, свет Христов, любовь Христова – возводит человека на другой уровень, где противоречий уже нет. Это – движение по вертикали.

Психологическая ловушка в словах «стучите, и откроют вам» заключается в том, что Царство Божие берется усилием, но не насилием. Современный человек часто думает, что цель оправдывает средства, и употребляет не усилие, а насилие, которое связано со страстью, в то время как усилие – с любовью, терпением и надеждой. Если парень влюблен, а девушка не отвечает взаимностью, – что делает подлинно любящий человек? Он уходит в сторону и продолжает любить, даже если она выходит замуж за другого. Он любит ее для нее самой.

– *Да разве такое возможно?*

– Возможно и единственно правильно. Это важный момент: есть страсть, есть любовь. Апостол Павел говорит: «Любовь не ищет своего». Страсть ищет только свое. Идеальное завершение нереализованной страсти – «так не доставайся же ты никому». А любовь – это когда «лишь бы ей было хорошо, лишь бы душа ее спаслась». И тогда возможно чудо нестандартного поступка.

– *Кажется, это «не наш уровень»...*

– Это евангельский, христианский уровень, тот уровень, к которому нас призывает Христос. А страсть всегда хочет обладать ради самой себя – в сущности, пожирать новое пространство, новую кровь. В этом нет ничего созидательного. Страсть всегда насилует, всегда разрушает. Любовь же – это всегда усилие сердца и ума. И приятие любви Божией тоже требует усилий. Когда человек отказывается, уклоняется или просто изгоня-

ет любовь Христову, Господь отступает, но благодать Божия не перестает призывать этого человека. Ты хочешь пожить по своей дурной воле, по своим страстям, хочешь побыть пакостником, – нет проблем. Благодать Божия отошла, но ты – Божий, и куда тебе деваться с подводной лодки? Любовь не может не любить, и на любое воздействие, в том числе и недружественное, она отвечает сообразно своей природе. Но любовь, опять-таки, – это не пассивное безразличие или мечтательное благопожелание. Это предельно активное состояние души. В Церкви человек – не то, что он есть, а то, чем он должен стать, это выход в новое пространство, это всегда прорыв и устремление к небесному, к иному качеству бытия.

*Беседовала Екатерина Ткачева
Журнал «Отрок», № 3 (45) / 2010*

СОВРЕМЕННЫЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ

– Батюшка, на Ваш взгляд, каков современный образ женщины?

– В настоящее время женский образ двоятся. С одной стороны – это феминистка, тайная или явная, проявленная или латентная, осознающая природу и характер этих, в сущности, антиженских идей, их разрушающую силу в своей душе или нет. А с другой стороны – в женщине всегда может родиться женственное. И такое рождение, и даже предчувствие его, чарует тихим светом неотмирной красоты всякого, кто еще не утратил вкус и дар прозрения.

Мы должны помнить, что в подлинно женском мире всегда есть место для мужчины. И, напротив, в подлинно мужском мире всегда есть место для женщины. Это целостный мир, не рассеченный по чьей-то злой воле на отдельные части, которые нам пытаются противопоставить, лукаво подчеркивая якобы их несовместимость.

Бог сотворил мир большим. Но те, кто восстают на Бога, закономерно ополчаются и на человека... И рассекают, и дробят когда-то единый, целостный, блистательный мир, созданный Творцом. Появляется сектантство в мыслях и чувствах. Не умея видеть и воспринимать великое и большое, человек сосредоточивается на частном, а со временем, абсолютизируя какой-то фрагмент, начинает его противопоставлять целому.

Разрывается человеческий мир, в частности, на сугубо женский и мужской. Одно противопоставляется другому и в конечном итоге сталкивается как нечто несовместимое. Естественно, появляются пострадавшие, дезориентированные и даже облученные инфернальными энергиями, в сущности, не понимающие смысл происходящего, но как высоко внушаемые, продавленные злой и лукавой волей принимают противоестественный строй мысли и ложный порядок чувств.

Феминизм зарождался как политическое явление. Первые феминистки боролись за политические права. Американская феминистка Смит в конце XIX века декларировала: «Если мы не принимаем участия в создании законов, то мы их не будем исполнять. Мы хотим быть полноценными членами общества». Идеи феминизма стали развиваться...

Нужно сказать, что феминизм бывает разным – экономическим (отстаивающим право женщины на труд), культурным, политическим, этническим, постколониальным и т. д.

Да, феминизм имеет много форм и проявлений, но, что характерно, – мужчина ни при каких обстоятельствах не может быть феминистом.

Мужчине разрешено поддерживать это явление, сочувствовать ему, публично соглашаться с данными идеями. Наконец финансировать это движение. Но ему нельзя по определению быть феминистом.

В реальном мире, сотворенном Богом, – женщина рождает и воспитывает мужчину. И все подлинно мужское закладывается уже с детства матерью. Женщины Спарты акцентировали в мальчиках мужское начало очень просто и ясно, обращаясь с ними, как с будущими воинами. Пока мужчина дома, женщины покорялись ему как отцу или мужу. Но когда опасность или война, провожая своих мужчин, женщины и матери единомысленно го-

ворили: «Возвращайся со щитом или на щите. В другом качестве мы тебя не примем. В другом качестве у тебя нет дома, матери и жены. Ты можешь быть либо победителем, либо погибшим – другого варианта у тебя нет». Я думаю, что трудно представить в таком обществе комитет солдатских матерей, определяющих собой совершенно иной вектор, иной порядок вещей.

Современная логика и философия воспитывают другой тип мужчины. В сегодняшней реальности не может произойти война – комитет солдатских матерей не позволит ей случиться. Феминизированные женщины не на стороне воинов, а на стороне пацифистов. И это задано рынком: лучший, стабильный потребитель – это женщина-феминистка или женоподобный мужчина.

Чтобы разрушить традиционное общество, надо подорвать женщину, ее взгляд на мир, ее Богом дарованное место в реальной жизни. И когда она соблазнится мерцанием болотных огоньков, начнет бунтовать в поисках чуждых ей прав и привилегий, это станет основой для дальнейшей деструктивной работы злонамеренных людей.

Раньше женщина была лишена права работать на железной дороге или у доменной печи. Но добившись этого «права», она лишилась слишком многого. И вернуть утраты не представляется возможным, обретенные права стали наказанием, разрушающим женственность как таковую.

Раньше муж содержал всю семью один, теперь же даже, если работают муж и жена, они с трудом могут воспитать и дать образование единственному ребенку.

Следующий шаг – это уже создание «огосударствленного», то есть сформированного обществом и государством ребенка. Ясли, детский сад, школа – женщина по очень многим причинам вынуждена отдавать туда своего ребенка. Это проще и дешевле, чем заниматься са-

мой. Женщина же вынуждена идти на работу. Простой расчет затрат и выгод убеждает, что ребенка надо сдать. А государство идет навстречу, и экономические рычаги в «борьбе за ребенка» формируются из средств тех же самых родителей – налогоплательщиков. Другими словами – государство «выкупает» детей у родителей на средства, которые собраны с тех же самых родителей в виде налогов. Образуется порочный круг, его результат – эмансипация женщины, разрушение семьи и «огосударствление» детей.

– На чем же выстраивается революционное настроение?

– Протестное настроение сосредоточивается, конечно, не на том, чтобы женщина раскрылась как женщина в своей полноте и полноценности, а на том, чтобы она получила права мужчины и тем самым утратила традиционное положение в обществе, стала менее защищенной. Такая подмена рождает диссонанс, горечь деструкции, разрушающие общество и семью. Очевидно, если женщина перестает быть такой, какой ее сотворил Бог, то в таком мире, возле такой женщины уже не находится места и для мужчины – героя, воина, философа или святого. Мир становится уплощенным и зауженным. В истинно женском мире, если он не претерпел насильственных изменений, есть место мужчине, мужскому началу, как, впрочем, и в реальном мужском мире не может не быть места для женщины во всех ее проявлениях.

– Существует ли идеальный женский образ?

– Конечно, существует. Но его трудно уловить, изобразить и описать. Подлинная красота и женственность, как все великое, – неприметны. Совсем недавно мы говорили

с вами о Чехове. У него есть рассказ «Душечка», где запечатлен замечательный женский образ, от которого был в восторге Л.Н.Толстой. Он часто читал этот рассказ своим гостям и добавлял: «Вот такая должна быть женщина».

Советское литературоведение аттестовало Душечку как мещанский образ, в сущности не позитивный. Но если мы присмотримся, то увидим ее несомненно женскую доминанту. Она по-женски привлекательна, количество мужей это подтверждает однозначно. А в том обществе и в то время было совсем не просто менять жен и мужей, препятствия были не только техническими. Все на ней женились, это не флирт, не случайная связь. Это позиция. Она с удивительной легкостью вбирала в себя различные модели мужского мира, вмещала просто и естественно, как бы не задумываясь: театрал, лесозаготовщик, ветеринар. Но в то же время она сохранила свою идентичность, осталась сама собой, не растворилась в чужом мире. Это ее несомненно сильная сторона. Что сильнее: камень или вода?

Очевидно, вода обволакивает камень своей победоносной, неотвратимой нежностью, своей неотменяемостью... И, в конце концов, как давно замечено, «вода камень точит». А вот что делает камень с водой – пословиц нет. Разве что круги на воде... Но и они быстро исчезают, как и память о них. Надо отметить и то, что Душечка пережила всех своих мужей. Она живительна, она наполнена жизнью, она пережила всех.

Примечательно, что в конце она воспитывает Сашеньку, который в ее обществе уже проявляет себя как маленький мужчина.

Душечка слабая или сильная? Мещански пошлая или такая, вблизи с которой муж, мужчина может быть самим собой, становиться не «вопреки», а «благодаря» тем, кем он должен быть? В ней есть специфически женская доминанта, обволакивающая и вбирающая в себя.

И более того, в идеале в ней есть то магическое зеркало, которое способно отразить и, стало быть, откорректировать внутренний мир мужчины, помочь ему осознать себя. Она способна показать в неотвратимости своей любви глубинные тайны мужского сердца, помочь их сформулировать. Без Душечки или таких, как она, мужской мир будет бедным и не состоятельным, он утратит, может, и неприметную, но жизненно важную составляющую часть своей специфически мужской жизни.

Если бы Чехов был осознанно церковным человеком, то сделал бы Душечку православной, и тогда в ней раскрылись бы бездонные глубины духа и специфически русская всеотзывчивость. Такие люди в идеале становятся миссионерами, служителями Слова, свидетелями Истины. Совершенная пластичность с осмысленной вертикалью и недвижимым центром внутри – всегда событие, чарующее своей красотой в человеческом мире.

Надо отметить, что Душечка не была соблазнительницей. Она не прельщала и не обольщала. В ней нет гламура или злого очарования. Она была подлинной, и это уже само по себе гармонизировало ее и делало привлекательной и уместной.

Если нет женщины (на ее месте партнер), значит, нет семьи, и, стало быть, новое поколение не может быть воспитано надлежащим образом. И если женщина утратила представления о Смысле, иерархии ценностей или у нее кто-то это украл, то она сама будет расстроена, как музыкальный инструмент, и неуместна, как фальшивая нота. Свои страсти и обиды на жизнь она непременно перенесет на своих детей, и порочный круг продлится в следующем поколении.

К сожалению, женственность и красота не востребованы современными людьми. Мерцательное сознание не способно увидеть великое и тем более устремиться к нему. Женственность, как и мужественность, сейчас

игнорируется как нечто маловажное. На их место пришли техника общения и партнерство по интересам.

– Что можно сделать?

– Произошел тектонический сдвиг. Традиционный мир, представления о норме сдвинуты со своего места.

Мужское начало развивается по своей логике: это муж, отец, герой, патриарх, святой и наконец – друг Божий.

У женского начала другая логика – жена, мать, святая, сохраняющая семью и род.

Можно сказать и так: женщина изначально сотворена из лучшего материала. Мужчина из глины, а женщина из его ребра. Надо уметь принять себя, свою судьбу и обстоятельства своей жизни. Принять, а не преодолевать. Порой это совсем не просто. Если ты в разладе с собой, в сердце идет гражданская война и все разделено, то и молитва к Богу у такого человека не доходчива. Блаженный Августин говорил, что если ты себе не можешь сказать «аминь», то и Богу не сможешь сказать «аллилуйя». Бог хочет слышать молитвы от реального человека – хорошего или плохого, праведного или нет, – но от того, кто он есть, а не растворенного в своей фантазии и заблудившегося в бесконечном лабиринте телевизионных клипов.

Молитва от виртуального человека не будет услышана. Бог может спасти реального грешника, а не мнимого праведника. Придуманных людей трудно любить, да и незачем.

– Где та грань, где заканчивается любовь к себе и начинается любовь к ближнему? Как научиться любить?

– Когда художник рисует портрет человека, он вызывает к жизни определенные черты его характера и утверждает их в своем изображении, а какие-то – игно-

рирует. Также происходит, когда мы общаемся: мы на чем-то акцентируем внимание. Если мы видим в человеке человека, то мы общаемся с человеком и утверждаем в нем человеческое. Но если мы видим в человеке не полного человека, а только какую-то функцию, административную или финансовую возможность, или объект сексуального интереса, то человеческое неизбежно устраняется и выносится за скобки, теряет актуальность.

Сейчас человек воспринимается зачастую как нечто связанное с его возможностями. Слова молодого человека, обращенные к девушке: «я от тебя тащусь» или «я от тебя балдею», скорее всего, означают, что она ему безразлична как человек. Но у нее есть такие женские качества – психологические, эмоциональные, эротические, – от которых ему «хорошо». Так хорошо, что он об этом говорит «тащусь».

Кто-то правильно заметил: развратник занимается развратом сам с собой, используя при этом разные тела. И «сила» развратника в том, что ему всё равно, с кем это будет. Лишь бы ему было удобно получить максимальное удовольствие. Если он выходит за пределы своей эгоистической любострастности и открывается, рискует быть самим собой с другим, то это уже новое качество. Это уже преддверие любви. А там, где любовь, – возможно всё. Я видел мужей и жен, которые, как ни странно, любили и недостатки друг друга, восполняя жертвенной любовью мнимые, как мне представлялось, изъяны.

Очевидно, разумный человек понимает, что есть кто-то лучше, умнее, красивее, образованнее, изящнее, обаятельнее, чем его жена. Но любимая женщина – это уже данность, это продолжение самого себя. Это неотменяемо, и никакой конвертации уже не подлежит.

*Журнал «Семья»
Киев, 2013*

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПУБЛИКАЦИИ

ЧАСТЬ II

СТАТЬИ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

ЗНАЧЕНИЕ МУЧЕНИЧЕСТВА В ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА

На смену относительно благополучному, но пропитанному рационализмом и неверием, усердно отодвигающему Бога на периферию своего сознания XIX веку пришло наше столетие, запутанное и противоречивое. Как ни странно, именно с нашим, а не прошлым веком должен ассоциироваться расцвет Православия. Духовный ренессанс, религиозный подъем не связан с внешним благополучием Церкви и общества. Не случайно так любим и понятен XX веку преподобный Серафим Саровский, имевший, в отличие от других святых прошлых веков, этот мучительный и очевидный для нас опыт. В некотором роде это пророчество о нашем времени, о метафизической пустоте, в которой жили миллионы и вырастали целые поколения.

Высказывая свое мнение о книге Н.Я.Данилевского «Россия и Европа», Владимир Соловьев в своем письме к Н.Н.Страхову срывается на интонации и характеристики, предвосхищающие ленинские, и допускает соображения, которые через некоторое время из интеллектуальных допущений станут реальными действиями. «Воз-

вращаясь к моему разбору "России и Европы", – пишет В.Соловьев, – я должен возразить на Ваши предварительные замечания. Национальность есть факт, который никем не игнорируется. Но в славянофильских историях мы имеем дело не с национальностью, а с национализмом. Это, пожалуй, тот же факт – на манер чумы или сифилиса. Смертоносность сего факта стала особенно чувствительна в настоящее время, и противодействие ему вполне своевременно и уместно». Прославление книги Н.Я.Данилевского Страховым В.Соловьев называет непомерным и намеренным преувеличением. «Но это, конечно, не причина для меня нападать на нее, и Вы, может быть, помните, что в прежнее время я из дружбы к Вам даже похваливал мимоходом эту книгу – разумеется, лишь в общих и неопределенных выражениях. Но вот эта невинная книга, составлявшая прежде лишь предмет непонятной слабости Николая Николаевича Страхова, а через то бывшая и мне до некоторой степени любезною, – вдруг становится специальным Кораном всех мерзавцев и глупцов, желающих погубить Россию и уготовить путь грядущему антихристу. Когда в каком-нибудь лесу засел неприятель, то вопрос не в том, хорош или дурен этот лес, а в том, как бы его получше поджечь. Вы можете удивиться ошибочности моего взгляда, но убедить меня в нем не можете уже потому, что сама точка зрения, с которой я в этом случае сужу, для Вас совершенно чужая. Вы смотрите на историю как китаец-буддист, и для Вас не имеет никакого смысла мой еврейско-христианский вопрос: полезно или вредно данное умственное явление для Богочеловеческого дела на земле в данную историческую минуту? А кстати, как объяснить по теории Данилевского, что наша с Вами общая чисто русская (ибо поповская) национальная культура не мешает Вам быть китайцем, а мне евреем? Если это объяснение и не удовлетворит Вас, то, надеюсь, Вы мне поверите на сло-

во, что поддерживать свою позицию в этом споре есть для меня обязанность».

Как-то неожиданно и странно слышать все это от человека, лучше других чувствовавшего приближение антихриста. После этого Н.Н.Страхов счел невозможным дальнейшее общение с В.С.Соловьевым.

Интересно проследить, как из русского интеллигентского либерализма вырастала нетерпимость и какими-то неведомыми путями медленно и верно переливалась в революцию, в тотальное неприятие русского, равно как и православного. Всматриваясь в умонастроение, подобное высказанному великим философом, «как бы лучше поджечь» то, что стоит на пути к сверхцели (неважно какой), начинаешь понимать природу первых революционных расстрелов. Тогда казнили не за совершенное преступление, и даже толком не предъявляя обвинения, а по факту предыдущей жизни и деятельности. Чем занимался, что писал – становилось главным аргументом обвинения. Так, в Вятке был расстрелян епископ Исидор (Колоколов) и священник Павел Дернов, казнены за свою церковную и общественную деятельность священники Иоанн Восторгов в Москве и Константин Голубев в Богородске, архиепископ Андроник (Никольский) в Перми, утоплен в Каме епископ Феофан (Ильменский)...

Но если В.Соловьева всерьез волновал антихрист, его приход и характер действий, то эстетам начала века были уже интересней его художественные характеристики и проявления. В 1906 году в редакции журнала «Золотое руно» было принято решение уловить художественным неводом вечно ускользающую личину врага рода человеческого. Объявили конкурс на лучшее живописное и литературное изображение сатаны. Из Пе-

тербурга в Москву прибыли избранные в жюри А.Блок, Вяч.Иванов и М.Добужинский, все по такому случаю в черных сюртуках. В течение трех дней работало жюри, отбирая, на их взгляд (или опыт?), наиболее правдоподобные портреты князя мира сего. Валерий Брюсов жаловался Зинаиде Гиппиус, что из 150 литературных и художественных работ почти ни одна не смогла хотя бы приблизительно изобразить сущность и обличие владыки тьмы. К тому же оказалось, что и сами члены жюри не имеют достаточно ясного представления о нем. Не найдя достойных художественных изображений, отметили премиями только литературные опыты: «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер» Михаила Кузмина, Алексея Ремизова за рассказ «Чертик» и Александра Кондратьева за сонет «Пусть Михаилом горд в веках Иегова...»

Заигрывание с нечистой силой, сознательное или нет, к хорошему не приводит. Во всех случаях человек проигрывает и теряет. Но пути Господни неисповедимы. И там, где теряют не в меру заигравшиеся интеллектуалы, приобретает Господь.

Практически все важное для мира в XX веке происходило в России или имело прямое отношение к русским судьбам. Крушение монархии, две мировые войны, революции, гражданская война и прочее. Революционный кризис, охвативший половину мира, имел центр в России, что и заставило ее ощутить духовный пульс своего бытия, заново определить свое отношение к Богу, вечности и призванию. Предельно ясно это выразилось в феномене христианского мученичества, что помогло осознать: в русском народе истинно лишь то, что принадлежит Христу. Второй раз в христианской истории повторились гонения, подобные древним, но только с разницей в масштабе, последовательной жестокости и непрерывности. По предварительным подсчетам, в

наше время за веру пострадало людей больше, чем за первые триста лет христианства. Но надо отметить, что от сталинских гонений неповторимый облик русского Православия не стерся и не утратился, но приобрел новые черты и грани, осознаваемые и переживаемые вполне только сейчас. В то время как полуязыческая теплохладная Европа уже ничего не ожидала от христианства, православная Россия воспротивилась богоборческому вызову, и миру явился неисчислимый сонм священномучеников и мучеников, по величию и духовной красоте подобный древним. Своим подвигом и христианским усилием побеждать зло они явили миру пример духовного развития.

Человек 30–40-х годов был насильственно оторван от традиционной и религиозной среды и поставлен перед идеологической пустотой. Резкие противоречия между душой, познавшей Христа, имеющей полноту бытия, и окружающей тьмой, пустотой, требовали усилия преодолеть разрыв, победить «мир», найти реальные, а не иллюзорные точки опоры. Испытания, гонения, террор и смерть рождали волю к вечному, желание обрести выход. Все это давало личный опыт. Гонение, породившее мученичество за Христа и Его Церковь, было своего рода необходимым толчком, «шоком», подтолкнувшим к переосмыслению ценностей, а если точнее – к возвращению и новому обретению Источника Жизни. Гонители в известном смысле учили христиан думать: до революции многие были, как лунатики, – ходили, говорили, что-то делали, но души их зачастую оставались в глубоком сне. В этом контексте лучше понимается евангельский призыв любить врагов и тех, кто тебя ненавидит. Чудовищные страдания заставили оставшихся в живых проснуться и прийти ко Христу уже не по букве, а по духу, поскольку пережитое превышает вместимость человека, и естественные объяснения не могут быть удовлетворительными.

Торжествующее зло с помощью ревностных служителей выходило из недр преисподней на поверхность российской жизни порой в ужасающих масштабах. Достаточно привести один характерный пример из недавнего, но еще не вполне осмысленного и до конца не пережитого прошлого.

В 1937 году органы НКВД для лучшей реализации задач, поставленных партией и правительством, устроили военный полигон в Бутове, недалеко от кольцевой дороги города Москвы. Чтобы местные крестьяне села Бутово привыкли к выстрелам, первые две недели действительно устраивали стрельбища. Но после, не огорачивая полюбившееся поле колючей проволокой, чтобы, видимо, не смущать неокрепшие души строителей коммунизма, стали привозить «расстрельный материал» – от ста пятидесяти до двухсот человек ежедневно. Сказочным образом на краю этого поля с четырех сторон росли четыре могучих дуба. И не менее сказочным образом ответственные работники, для удобства вбив в них железные скобы, взбирались на верхушку и смотрели, не проходят ли мимо местные жители. Если незадачливый селянин шел мимо, то они сообщали друг другу о незваном госте свистом, как соловьи-разбойники, конечно же, пострашнее былинных. Расстрельная бригада трудилась не покладая рук. Каждое утро, по свидетельству дожившего до нашего времени одного из участников, привозили достаточное количество водки и одеколона. Водку разрешалось, в отличие от других трудовых коллективов, принимать с утра, то есть перед началом трудового дня. А одеколон требовался, так сказать, по психологическим причинам. Расстрельщикам постоянно казалось, что от них пахнет порохом и человеческим обгоревшим мясом, так как расстреливали по преимуществу в затылок с близкого расстояния. И соответственно, они боялись, что их жены и дети, друзья

и близкие почувствуют запах и поймут, как формируется их семейный бюджет и чем они занимаются. Иногда приезжало и начальство. Ответственным работникам хотелось поразмяться. Одним словом, пострелять, посмотреть, как письменные директивы претворяются в жизнь. В течение 11 месяцев на этом месте было расстреляно около 20 тысяч человек, четверть из которых – священнослужители Москвы и Московской области. Были там уничтожены такие выдающиеся люди, как митрополит Серафим (Чичагов), священник Феодор Колеров, архиепископ Арсений (Жадановский).

Всему приходит конец. Пустое поле было заполнено человеческими телами. Полигон был закрыт и окружен колючей проволокой. Чтобы удел (грядущего царства свободы и справедливости) не пропадал, там разбили сад, где выращивали новый сорт яблок под названием «Молодая гвардия». Было ли название случайным или все же имело связь с происходившим – сейчас понять трудно. Но яблоки, говорят, были удивительно сочные и красивые. Их развозили по ведомственным детским садам и яслям. Со временем и этот сад вместе с ведомством стал приходить в запустение, все поросло сорной травой, но какой-то жуткой, необыкновенной, выше человеческого роста.

В наше время было проведено расследование, и по благословению Святейшего Патриарха Алексия II был установлен большой дубовый православный крест в память о всех невинно убиенных*.

Нетерпимость, заигрывание со злом, увлечение чужими путями и ложными целями, опыт насилия и смерти в нашей истории, очевидно, превзошли меру человеческого восприятия. Разумеется, здесь не может идти

* В настоящее время в Бутове сооружен храм в честь новомучеников и исповедников российских. – *Прим. ред.*

речи о вере в «человеческую человечность» или гуманистические ценности, оторванные от Бога. Великая несправедливость может быть покрыта только великой Правдой. Но человеческие страдания измеряются не количеством перенесенного, а их соотносительностью с Богом и Его Промыслом.

В ГУЛАГе страдали злодеи и разбойники за реально содеянные преступления. Проклинали власть, судьбу, собственные страдания и, перемучившись здесь, на земле, уходили в вечные муки. И нет никаких оснований думать, что их посмертная участь другая. Страдали также и нейтральные люди, попавшие в нечеловеческие обстоятельства, которые несоизмеримы ни с какими человеческими возможностями и представлениями, – но тот, кто приходил к Богу, обретал веру и покаяние, своими страданиями очищался и наследовал Царство Небесное. Их страдания были своего рода плодом покаяния, дававшего им личное спасение. Но нам интересно и важно рассмотреть христианских мучеников, знавших, ради чего и ради Кого они принимают мучения. Безропотно, а порой и с благодарением терпели они жесточайшие страдания, пребывая в правде Божией и исповедуя Истину. Для нас, живущих сейчас, самое важное – это реальность их молитвенного дерзновения пред Богом. Обретая спасение и получив венцы от Бога, они непрестанно молятся о своем земном Отечестве. Это принципиально ненасильственное вмешательство в нашу жизнь святых мучеников, и может совершаться только по нашей вере и нашему согласию. Нельзя быть благодетельствованным насильно. Даже Господь не спасает человека без его на то согласия. Мы должны востребовать, взыскать те благодать и спасение, которые нам предуготованы Богом. Без нашего осознания подвига православных мучеников, без живого обращения к ним ничего не произойдет. Их святость, дерзно-

венное предстательство пред Престолом Божиим останутся для нас закрытой и недоступной реальностью, как дар милости и любви, обращенный к нам, но не востребованный нами. Христианские мученики – не невинная жертва, беспомощная в своей наивности и не понимающая сути вещей, но трезвенные воины, принявшие бой с духами злобы поднебесной, и в этом смысле и по сей день лютые враги для сынов погибели. Для современного сознания их пример необыкновенно важен: как бы ни была ценна жизнь, во всех случаях она не ценнее вечности. Успех борьбы со злом измеряется не внешней победой, а только стоянием в Истине до конца. «Претерпевший же до конца спасется» (Мк. 13, 13), чему мы имеем множество ярких примеров. Мученики в застенках не могли рассчитывать на внешнюю помощь, но не могли перестать верить и надеяться на милость Божию и чудо Его спасения не по силе, а по благодати. Радость, находящая свой смысл и исходящая из терпения страданий за Христа, есть радость святых. Единственное спасительное настроение христианина – не оставлять свой крест, ниспосланный ему Богом. «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь» (Мф. 5, 11–12). Фавора без Голгофы не бывает.

Чтобы выжить в эпоху новых соблазнов, мы вынуждены обратиться к национальным святыням, восстановить связи разорванного времени. Только обращение к Богу Милующему и Спасающему, Действительному и Действующему в любой отрезок истории может выпрямить наши пути, омыть беззакония, даровать видение и ощущение иной реальности, самодостаточной и вечной, имя которой – Святость.

Только святость, реальный опыт Богопознания, воспринятые, сохраненные и не растраченные дары Неба

могут быть противопоставлены навязчивому злу, растекающемуся по лицу русской земли – многолико и многообразно. Только личный опыт духовной жизни может дать подлинный, не фальшивый иммунитет против сатанинского, химически чистого зла, умеющего рядиться в любые социальные, политические, терминологические, эстетические реальности этого мира. Любой ценой необходимо избежать роковой для нас возможности изменить Богу и Его милости, отпасть от однажды сделанного выбора в Таинстве Крещения и спасительной правды воцерковления. Мы должны преодолеть самих себя, свои страсти и грехи, соизмерить свои мысли, дела и душу с Евангелием – с вечным и неизменным призывом Христа: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48).

Святые апостолы и святые отцы, Священное Предание говорят о христианине как о воине. И мы должны понять и ощутить, *что* есть сражение как священный путь, путь духовной реализации, сражение не за рынки и обладание чем-то материальным, но за Царство Небесное и Его правду, за собственные души, искупленные, как мы знаем, дорогой ценой. Наш долг – стать воинами Христовыми, а не оловянными солдатами в политических страстях и чужих интересах, не знающими высшей свободы и не имеющими Божественной любви. Необходимо проснуться для новой священной метафизической реальности, ощутить иное качество бытия, приобрести уверенность и единство в Иисусе Христе. И только тогда мы сможем противостоять соблазнам, прельщениям, разрушению и остаться самими собой пред Богом, историей и всем миром.

*Литературный журнал «Москва»
9/1998*

ПУТИ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Постперестроечное время изобилует пограничными ситуациями и состояниями. Зачастую, уподобляясь жертве, захваченной террористом, люди не вполне представляют, кто этот террорист и что он будет делать дальше. Но если посмотреть на ситуацию нетривиально, мы можем быть благодарны народным палачам за урок психологии пограничного состояния и углубленной антропологии. В некоторых случаях это помогает спонтанно и травматически осознать собственную природу, ощутить свое бытие и задуматься о своем предназначении – и, в конце концов, отреагировав на сложившуюся ситуацию, определиться: кто мы, откуда и зачем.

Трагических ситуаций в нашей истории было немало, и уходящий век в этом отношении не исключение, а скорее сгусток прошлых и настоящих проблем, своих и чужих недоразумений. С неотвратимой последовательностью мы продолжаем идти к дегуманизации социально-политической жизни и плавно переходим из органического, жизненного общества к безличной тирании абстрактных догм. В известной мере под натиском действующего исподтишка коварного насилия, присущего фарисейскому либерализму, наши гуманитарии и политики участвуют в деле «овеществления человека», превращая его в инструмент или дешевый товар. Перестроечное время оказалось эпохой растратчиков и разрушителей, в своих порывах доходящих до гротеска, граничащего с абсурдом.

Многие, пережив ужас советского тоталитаризма, с умилением и искренним восторгом приняли горбачевскую эпоху, не представляя и не вменяя, что в блестящих западных упаковках находится не воздух свободы, а метановый газ, который не дает опомниться и осознать, что происходит. Как военные специалисты предпочитают, овладевая вражеской территорией, не повредить материальные ценности (города, инфраструктуры, заводы), так и современная духовная агрессия Запада ведет борьбу за наши тела против наших душ. На месте прежних привычных советских затруднений выросли новые, неожиданные и непривычные для нашего сознания проблемы, от качества осмысления которых в значительной степени зависит наше будущее.

Мы не сможем обойтись без осознания своего национально-религиозного исторического бытия, без осмысленного выбора в пользу своей православной духовности и национальной принадлежности. Как это ни странно для секуляризованных Америки и Европы, мы до сих пор являемся в достаточной мере духовным народом, и наши технические, политические и прочие проблемы по преимуществу являются следствием духовных проблем. И потому никакие светские программы, ограниченные сугубо материалистическим восприятием мира, не могут быть достаточными в преодолении сложившейся ситуации. В настоящее время славянские народы пребывают в состоянии растерянности от внутренних и внешних потрясений. Ослабевшая иммунная система народа не только перестала справляться с агрессивно навязчивым злом, но порой и узнавать в зло. Православное славянство усомнилось в своем призвании, перестало отчетливо представлять, кто оно есть и чем оно должно быть в контексте мирового сообщества, какова его историческая судьба. Для любого народа, тем более нашего, совсем недостаточно думать

о своей судьбе и своем предназначении. Необходимо еще и молитвенно вопрошать и представлять, что думает о нас Бог. Только тогда смысловое небо над нашим Отечеством будет полным и ясным настолько, что даже в сумерках сегодняшнего дня мы сможем не утратить православный путь. Именно духовный кризис является причиной тех трещин в национальном бытии, через которые проникают зловонные испарения преисподней. И это не может не отражаться на экономике, политике, культуре. Забвение иерархии ценностей, а порой и умышленное дистанцирование от того, из чего вырос наш народ и его государственность, деформирует и разрушает национальную душу.

Перед нами стоит большая и сложная проблема – возвращение к источнику своего бытия, к той животворящей сакральной реальности, которой всегда была для нас Православная Церковь. Это центральная проблема сегодняшнего дня. «Без Меня не можете делать ничего», – говорит Христос (Ин. 15, 5). Если мы, по евангельскому слову, взываем вначале Царствия Божия, то и все прочее приложится – и экономика, и политика, и многое другое получит благодатный импульс. Но вначале вера и восстановление личных отношений с Христом и Его Церковью через покаяние, то есть возвращение в Отчий дом, к Отческим щедротам, без которых мы никогда не могли и не сможем быть самими собой.

Действительно, в зависимости от того, как мы прочувствуем свою восточнославянскую православную идентичность, в значительной мере зависит и наше будущее. Даже если оно трагично, и нам суждено погибнуть в жестоком столкновении с чуждой для нас цивилизацией, для нас далеко не все равно, как именно погибать – со Христом или без Него, как именно будет страдать наш народ – как народ-богоносец или как носитель на-

сильственно внедренных в его национальную душу не только сомнительных, некачественных, но и чуждых ему ценностей.

Достаточно вспомнить скорбный опыт православной Византии, попробовавшей найти спасение у западных христиан, чтобы сохранить империю. Как известно, следствием этой иллюзии осталась Флорентийская уния – бесплодная и бесполезная в военно-политическом отношении и, несомненно, греховная в догматическом. Так или иначе – Византия погибла, но к предсмертным страданиям прибавилась еще горечь измены Православию. И этот печальный опыт не должен остаться для нас незамеченным. Напротив, трагический и даже отрицательный опыт прошлого может быть полезен. Для творческого исполнения будущего необходимо адекватное истолкование прошлого. И чтобы снять привкус горечи и эмоционального дискомфорта за «неудающуюся» нашу историю с общеупотребительной точки зрения, надо сказать, что христианство само по себе не связано ни с какой земной победой и ни с каким поражением. Представление, что Бог на стороне победителей, – трудно искоренимый предрассудок, глубоко впечатавшийся в наше подсознание. Количество, земной успех имеют преимущество только в материальном мире. Милость Божия, как подстраховка у сорвавшегося альпиниста, останавливает свободное падение в бездну на таинственном пределе, не всегда различимом со стороны. В известной мере это может быть отнесено и к целому народу.

В сущности, определяя спектр проблем для обсуждения, мы очерчиваем сферу своего бытия, пределы своих жизненных интересов. То, за что мы готовы не только бороться, но и умереть. В этом контексте чрезвычайно важно и необходимо присутствие Православной Церкви в общественно-государственной жизни с ее колос-

сальным опытом умирания и воскрешения, с наличием тех живительно-благодатных сил, без которых на этой земле ничто не может пробудиться для вечности. Наша интеллигенция, уставшая от интеллектуальной распутицы, уже не хочет ограничиваться личной честностью и бытовой этикой, а ищет, порой интуитивно, чего-то большего. Пришло время церковным иерархам, священству и деятелям культуры, предприняв усилия, сделать шаг навстречу друг другу. Если такое движение будет качественным, то по своему результату оно может превзойти все ожидания. Православная Церковь, приобретая сердца мыслящей России, не должна уклоняться от обсуждения любых проблем, пусть даже острых и болезненных. Четкие и адекватные оценки и высказывания по текущим проблемам в стране, вне сомнения, могут помочь многим обрести правильные ориентиры в нашей уже традиционно неправильной жизни.

На наших глазах происходит глобальное смещение смыслов и ценностей с их последующей дехристианизацией и дегуманизацией. Для многих уже сейчас духовные и культурные приоритеты утратили свою привлекательность и перестали быть притягательными. Общественные интересы перерождаются, катастрофически утрачивая остатки евангельской соли, не допускавшей разложения даже в богоборческое время. Религия, философия, культура, утрачивающая реальную власть над сердцами людей, уступают свое место экономике с ее не для всех убедительными «ценностями» и приоритетами, которая, в свою очередь, предлагает свои специфические рыночные (а порой и базарные) идеи для решения далеко не рыночных проблем. И та же рыночная экономика в широком смысле слова, предложенная нам как панацея от всех проблем, заметно смещается в сторону криминала, порой до полного слияния с ним. Достаточно вспомнить перестроечный лозунг о том, что первичный капитал

приобретается нечестно и лишь потом, напитав бездонно-сребролюбивые души «новых русских», становится легитимным и работает в перспективе национальных интересов. Быть может, это было приемлемо для Америки с ее специфической духовностью (по мнению многих, уродливой) и непродолжительной историей. Но не для России с ее тысячелетней историей и культурой.

Несмотря на все уверения либералов, мир сегодня остается таким же агрессивным, как и прежде, но его агрессия в значительной мере переместилась из военных и силовых воздействий в область финансовую. С помощью денег, банковских операций поднимаются и опускаются страны и целые регионы, достигается нужный эффект без силы оружия. Мы живем в эпоху банократии. Банки, невидимыми нитями опутав мир, стали обладать огромной властью над тем, что происходит сегодня, и что будет происходить завтра в политике, экономике и вообще в нашей жизни.

Православие никогда не благословляло и не может благословить ростовщичество, как бы оно ни проявлялось и ни называлось, и всегда видело в нем зачаток пороков, которые так буйно проросли в наше время. Деньги не должны делать деньги. Но если деньги делают деньги, и это становится нормой, то вся человеческая жизнь – производство, труд, природные богатства, экология становятся всего лишь условием для увеличения отвлеченных цифр банковских счетов. Иными словами, финансовые абстракции, ростовщичество и сутяжничество, предлагаемые нам как непреложный закон экономики, равнодействующий в любой стране вне зависимости от ее специфики (пожалуй, с той же завидной универсальностью, как инфекция), разъедают реальную жизнь и деятельность людей, сводя их поначалу к денежному эквиваленту с последующим развоплощением.

На наш взгляд, подобный декларативный имморализм рано или поздно непременно вступит в конфликт с православным архетипом, который формировался и выстраивался в течение десятивекового опыта богопознания. В печальную эпоху сдачи всех позиций, розничной и оптовой распродажи недр и вековых научных, технических и культурных наработок мы отдаем себе отчет в том, что нельзя продать образ преподобного Димитрия Донского или маршала Жукова или поменять на ваучер память о благоверном князе Александре Невском. И никому не под силу разменять великие национальные святыни на суетные предположения секуляризированного Запада. Другими словами, чем больше мы теряем в материальном и общественно-культурном отношении, тем яснее и отчетливее начинаем видеть контуры своего сакрального бытия – Святую Русь, ту часть национальной души, которая по преимуществу погружена в Божественную жизнь. Отчаяние от национальных растрат и исторических потерь может обернуться восхищением по-новому осмысленным и вновь обретенным Божиим даром – Святой Руси. В ней – высший смысл и предназначение славянства и мировой истории. Оно и сейчас способно сказать свое спасительное для человечества слово, так как и поныне, обладая Богом данной Истиной, отвечает перед Ним за свидетельство о ней. Наша беспомощность может быть творческой и благодатной, прозрачной Промыслу Божию, так же, как и наша скорбь может стать толчком не только к переосмыслению последних событий, но и к собственному преображению.

*Литературный журнал «Москва»
1/1999*

АПОСТОЛ АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ

Всякий юбилей замечателен еще и тем, что помогает нам, обернувшись назад, правильно оценить пройденный путь. Осмысление 950-летия Киево-Печерской Лавры – общеславянской православной святыни – в нашем сознании получит еще одно измерение. 24 августа Предстоятель Элладской Православной Церкви Блаженнейший Архиепископ Христодул привезет в Киев из города Патры честную главу Первозванного Апостола Андрея, из уст которого на заре христианской эры наши предки впервые услышали слова Вечной Жизни.

Спустя почти двадцать веков после проповеди Апостола Андрея и тысячу лет после крещения Руси князем Владимиром мы снова встретимся и предстанем пред тем, кто впервые обратился к нашим предкам с Евангельским Благовестием.

И это не может не волновать, так как, предстоя таинственному молчанию святых мощей Первозванного Апостола, мы тем самым приносим на его молчаливый суд дела своей христианской совести за многие столетия.

Простой рыбак из Вифании, Апостол Андрей, был ближайшим учеником святого Пророка и Предтечи Иоанна Крестителя, который однажды, указывая на Иисуса из Назарета, сказал: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1, 29). Апостол Андрей раньше свое-

го брата Симона Петра пришел к Господу: «Андрей, брат Симона Петра. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит Христос; и привел его к Иисусу» (Ин. 1, 40–42). На этом основании Апостол Андрей назван Первозванным. По свидетельству евангелистов Матфея и Марка, Христос призвал Симона (будущего Петра) и брата его Андрея на Геннисаретском озере в тот момент, когда они закидывали сети. Иисус сказал им: «Идите за Мной, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков» (Мф. 4, 19; Мк. 1, 17). Они тотчас оставили свои сети и последовали за Ним.

После сошествия Святого Духа на апостолов святой Андрей с проповедью прошел Малую Азию, побережье Черного моря и Крым, и по Днепру поднялся до места, где стоит современный Киев. По преданию, здесь он сказал своим ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия. Будет великий город, и Бог воздвигнет много церквей». И, благословив это место, водрузил на нем святой Крест – незыблемую основу нашего спасения. Так были брошены первые семена Истины в души наших предков и спустя много столетий принесли великие плоды, о величии и благодати которых мы с радостью можем свидетельствовать перед всем миром. Пророческое откровение раскрылось в нашем историческом опыте в особом духовном служении. Наша земля в положенный срок дала положенные духовные плоды, ради которых она была благословлена и дала нужное число святых, которыми она держится и оправдывает свое существование.

Как оратор, взявшись за духовный плуг, Апостол Андрей, не оборачиваясь, прошел всю нашу землю до Новгорода. Через Скандинавские страны он достиг Шотландии. Вернувшись в Рим, он снова пошел на Восток. В тогдашней Фракии в небольшом селении Византии (впоследствии великий Константинополь) Апостол

Апостол
Андрей Первозванный

основал христианскую Церковь, которой суждено было стать Вселенской Патриархией.

Мученическую кончину Апостол Андрей принял в греческом городе Патры, где совершенными чудесами и пламенной проповедью обратил ко Христу почти всех жителей. Но правитель города Эгеат не принял апостольского благовестия о Воскресении Христа и Вечной Жизни и, оставаясь язычником, приказал распять Апостола. Для этого был приготовлен особый, Х-образный крест, и чтобы мучения были продолжительными, правитель приказал не пробивать руки и ноги гвоздями, а только привязать. В течение двух дней Апостол непрестанно благовествовал с креста, показывая собравшимся жителям города истинную веру, так как веру нельзя доказать, но можно показать, свидетельствуя о ней не только словами, но самой жизнью и даже смертью. Толпа настолько сострадала мучениям Апостола, что правитель, боясь возмущения, приказал снять страдальца с креста. Чувствуя, что мера трудов исполнена, Апостол взмолился Христу, чтобы Он удостоил его крестной смерти. Молитва святого Андрея была услышана: воины не сумели развязать веревки, и он с молитвой «Господи, Иисусе Христе, приими дух мой» скончался. Дивный свет осиял крест и распятого на нем мученика. Это произошло в 62 году от Рождества Христова. Жена правителя Максимилла сняла с креста тело Апостола и с честью его погребла.

На этом закончилась жизнь Первозванного Андрея, но не закончился его апостольский труд. Он первый посетил и позвал славян ко Христу. А спустя тысячу лет от им же основанной Константинопольской Церкви наши предки трудами великого князя Владимира приняли истинную веру и научились правильно славить Бога. Именно из Константинополя на заре нашего исторического становления воссиял не вечерний свет Евангель-

ского Благовестия и осолил душу нации Святым Духом. Крестив Русь, равноапостольный князь Владимир ввел наш народ в вечность и в мировую историю. Подлинно великие люди, какими были Апостол Андрей и святой князь Владимир, становятся проводниками небесных смыслов для своего народа и всего человечества. Святые – это те, ради которых создан мир, и молитвами которых этот падший, обезображенный грехом мир держится. Святостью святых платит земля и род человеческий оброк Богу за великое благо своего существования. Святые – это одушевленные иконы Источника Святости. Святость есть таинство трепета, таинство огня, пожирающего всякую нечистоту. В святом всегда можно различить «купину неопалимую», способную преображать мир и опалять недостойных. Святой всегда пламенеет небесным огнем Духа, Которым он сам изымается из среды живущих и восхищается в иные пределы.

Святость всегда самоценность и самоцель. Ее нельзя использовать ни для каких целей, хотя бы и представляющих возвышенными и достойными, не рискуя впасть в кощунство.

Мощи святых с древних времен считались неоценимыми сокровищами ради Благодати, обитающей в них. Эта убежденность основывается на учении Священного Писания о высоком предназначении христианских тел – храмов Святого Духа, участвующих в бессмертии вместе с душами. Мощи, по церковному учению, всегда почитались «благословенно, но не боголепно» – в том же смысле, как чтутся иконы. Не всем современным людям понятно, для чего нужно поклонение святым мощам, хотя это один из мудрейших законов религии. Поклоняться Богу заповедано не только в небе, но и на земле в нетленном человеческом теле.

Те, кто ради Христа отказались от угождения телу и наслаждений жизни, возвращаются к нам в святых мощах,

в останках тела, освященного Духом, Подателем Жизни. Осуществляется Божественный замысел о человеке, замыкается круг. В образе смертном, человеческом является знамение бессмертия и славы. Сожженная огнем Духа плоть являет исцеление плоти немощной и хилой. Подлинная религиозность не в бесформенных тенях или призраках, а в реальном веществе, в воплощении жизни, в неразобщенности Духа и плоти. В отличие от эпохи веры, этого не понимают во времена упадка и лжедуховности.

Современные люди, лишённые героического чувства и забывшие о сакральных основах жизни, уподобляются пыли, оторванной от земли, но не вознесённой в небо. Но есть и другие – «простые смертные». Без ложного героизма, вдали от столбовых дорог мировых соблазнов они различают пророческие знамения нашего времени и сокроважно от любопытных глаз подвигом веры утверждают божественное в человеке. Ради них, как представляется, Апостол Андрей снова посетит Киевские горы.

Доклад приурочен к 950-летию Киево-Печерской Лавры. По случаю юбилея в Киев впервые в истории была принесена для поклонения из греческого города Патры честная глава святого Апостола Андрея Первозванного.

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК ПАРФЕНИЙ, ИГУМЕН КИЗИЛТАШСКОГО МОНАСТЫРЯ

В мае 1998 года между городами Судак и Феодосией был установлен мемориальный комплекс в честь трех татар, казненных в конце XIX века за убийство игумена Кизилташского монастыря преподобномученика Парфения. Как объяснил местный мулла, – это памятник не только казненным по решению военно-полевого суда татарам, но и всему крымско-татарскому народу.

Памятник был сооружен при поддержке татарских национал-радикалов на турецкие деньги вопреки всем существующим законам. Убийцы представлены как национальные герои. В несомненно удачно выбранном месте на пьедестале из необработанного гранита возвышается белокаменная стела с выразительным символическим содержанием. Внизу барельефа изображен Крымский полуостров, накрытый тамгой – родовым знаком крымских Гиреев, а из-под нее поднимается виноградная лоза как символ национальной жизни, но вплетается в решетку (подразумевается, видимо, тот период, когда воинственный крымско-татарский народ потерял свою независимость в борьбе с Российской империей и не сумел ее обрести в советский период). Лоза пробивается через решетку и разрастается могучими ветвями. Возле стелы – мраморная плита, на которой высечены имена убийц и ниже эпитафия на турецком языке:

Преподобномученик Парфений

«Огонь упал на Таракташ. Мы стали жертвами и преданы земле и камням». Неподалеку символическая могила со скульптурным изображением чалмы, а в нескольких метрах от нее установлен флагшток – зеленое знамя с тамгой. Вдохновенное определенной идеологией хорошо продуманное художественное решение повествует о жизни крымских татар, в которой были народные страдания и «невинные» жертвы.

Кто же спорит или сомневается в том, что каждый народ на пути своего исторического становления в преде-

лах традиционной системы ценностей и национальных представлений о чести и морали пытается обрести своих героев? Но знакомство с архивными материалами показало, что в данном случае совершено уголовное преступление, мотивируемое низкими страстями и меркантильными соображениями, и виновные в соответствии с действующими тогда законами Российской империи были казнены.

«Кизилташ» – слово татарское: «кизил» – красный; «таш» – камень. Именно таким кроваво-красным камнем, о который и поныне претыкаются крымские татары, остается в нашей памяти злодейское убийство второго настоятеля Кизилташской киновии игумена Парфения.

Преподобномученик Парфений (Журавлев) родился в 1815 году в Елисаветграде. 25 лет от роду поступил послушником в Введенский монастырь Санкт-Петербургской епархии. В декабре 1845 года он принял монашество, а 8 апреля 1846 года был рукоположен во иеромонаха. Через два года иеромонах Парфений благочинный Корсунского монастыря. Позже – казначей в Херсонском архиерейском доме. Он отличился замечательными инженерными изобретениями; как записано в отчете, «предложил легчайший способ подъема затонувших грузов». Специальная комиссия под председательством генерала Гангина одобрила изобретение, и было «предписано устраивать подобные машины для портовых надобностей». Особое мужество, присущее иеромонаху Парфению, проявилось во время Крымской войны 1853–1856 годов, за что он был награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте. За новые успешные изобретения иеромонах Парфений получил благодарность от начальника Черноморского флота контр-адмирала Бутакова и одобрение от великого князя Константина Николаевича. Его труды отметил Святейший Синод – наградил наперсным крестом и произвел

во игумена. В память о Крымской войне отец Парфений был награжден бронзовым крестом, медалью и крестом, учрежденным для участников Кавказской войны.

20 августа 1858 года игумен был назначен настоятелем крымской Кизилташской киновии. По преданию, здесь располагалась летняя резиденция великого защитника икон святителя Стефана Сурожского. С присущей ему энергией отец Парфений принялся отстраивать заштатный монастырь. Все современники отмечали его удивительные и разнообразные способности, организаторский и административно-хозяйственный талант, неиссякаемую творческую энергию, благодаря которым ему удалось сделать то, что за всю историю монастыря никому не удавалось. Из абсолютной разрухи и нищеты, без посторонней помощи и даже сочувствия, при фактической неграмотности насельников киновии игумен смог добиться результата, который заставил ценить, уважать и любить его во всей округе, прислушиваться к его советам, искать его общества. Мужественный и бодрый, пребывавший в постоянной молитве, он не был подавлен неприглядной обстановкой полной неустроенности, а господствовал над нею. Там, где безвременно гибнет или безвестно чахнет посредственный или слабохарактерный человек, игумен Парфений был победителем и устроителем. Ведя подвижническую жизнь аскета, он влиял на окружающих собственным примером. С решительной настойчивостью не только в монастыре, но и в округе игумен Парфений поднимал до себя всех, не соглашаясь ни с какой безнравственностью и низостью. Его, бескорыстного и по-отцовски заботливого, любили все. Духовный авторитет игумена неуклонно рос и укреплялся, становясь духовно-нравственным ориентиром во всей округе. Малейшее событие в жизни пасомых находило отклик в его пастырском сердце, освящалось его молитвой и согревалось любовью. По вы-

ражению апостола, он был «всем всё». Игумен, подавая пример, с молитвой на устах, работал от зари до зари, горсть монахов подражала ему. Будучи бесребреником, он запрещал брать и просить подаяние, рабочих нанимать было не на что.

В Кизилташской киновии до игумена Парфения была только пещера с целебным источником да две-три плетеные мазанки. Его трудами были проложены дороги, разбиты сады и виноградники. Из пещерки в скале сделан был целый скит с двумя гостиницами и каменной церковью. Богомольцы хлынули в Кизилташскую киновию.

Но были и скорби. С 1863 года начались первые, ставшие роковыми, столкновения с местными татарами, которые без зазрения совести вырубали лес и выпасали скот на монастырской земле. Объясниться с ними отцу Парфению не удалось ни на бытовом, ни на административном уровне. Обладая прямым и цельным характером, не желая соотноситься с личной выгодой, а порой и инстинктом самосохранения, игумен говорил и действовал, исходя только из христианской совести, не прикрытой декором так называемого и всеми почитаемого здравого смысла. Не имея силы разорвать круговую поруку и бюрократический формализм на месте, он обратился к Таврическому вице-губернатору Солнцеву, но безуспешно. Не видя для себя препятствий, удостоверившись в безнаказанности, татары продолжали свои набеги и грабежи. Не желая подчиняться грубой силе и человеческой наглости, игумен написал рапорт Преосвященному Алексию (Ржаницыну), епископу Таврическому: «Всепокорнейше прошу Ваше Преосвященство защитить меня от произвола разбойников и грабителей... Иначе нет возможности охранять монастырские интересы...» Однажды игумен был жестоко избит татарами, которых застал во время очередного грабежа. «Учиненные мне побои действительно произошли, в

том я могу принять какую угодно присягу, если сан мой и с лишком двадцатилетняя моя всегда должностная четверем архиереям и обер-священнику армии и флота беспорочная служба не довольно ручается за справедливость моих слов», – писал игумен епископу Алексею.

Игумен Парфений не терял надежды урезонить и усовестить разгулявшихся татар. Но одно преступление нередко порождает и следующее. Не желая более терпеть свидетеля и обличителя своих преступлений, четверо татар, один из которых был софтя – слушатель духовного мусульманского училища (медресе), готовившийся стать муллой, решили убить игумена.

Устроив засаду возле дороги из местечка Судак в монастырь, они поджидали игумена несколько дней. Злодеяние совершилось, когда игумен 4 сентября, в канун Отдания праздника Успения возвращался верхом из Судака в монастырь, торопясь к службе. Тремя выстрелами злодеи убили игумена. Невольным свидетелем преступления стал поселянин Якуб оглу. Объятый ужасом, он попытался бежать, но убийцы преградили ему дорогу. Якуб бросился на колени и молил о пощаде, давал мусульманскую клятву, ел землю, и поневоле сделался сообщником дальнейших действий. Один из убийц, окончив обыск в карманах игумена, перебросил тело через седло и повел лошадь лесной дорогой к балке. Убиенного игумена решили сжечь. Якуба заставили собирать валежник и разжигать костер, на который, когда он сделался достаточно велик, положили игумена, одетого в атласный кафтан, фетровую шляпу и башлык. Разбивая кости дрючьями, жгли тело игумена с пяти часов вечера до двух часов ночи. В это время один из убийц, уведший неизвестно куда лошадь, возвратился и сказал, что он ее застрелил, а потом отрезал голову и закопал.

Вторым свидетелем оказался тринадцатилетний мальчик-пастух, случайно увидевший тело убитого игумена

и своих односельчан. Они хотели его зарезать, но софта остановил новое преступление. До своего ареста заговорщики регулярно предупреждали Якуба и мальчика, что непременно их зарежут, если они вздумают донести.

Известие о внезапном исчезновении игумена Парфения вызвало сильное волнение в Таврической губернии. Началось расследование. Была найдена засада, а затем и костер. В нем нашли измельченные человеческие кости разной величины, раздробленные насильственно, недогоревшие мягкие части человеческого тела и шесть сапожных гвоздей. Останки игумена были бережно собраны и до конца расследования находились в судакской церкви, и 2 декабря 1866 года были торжественно погребены по благословению епископа Алексия собором духовенства недалеко от монастыря. В овраге, где было сожжено тело игумена Парфения, на деньги его почитателей был поставлен памятник.

Вот краткая история событий, которые, волнуют людей и поныне.

Убийц игумена судил Феодосийский военно-полевой суд. Защитником обвинения был назначен революционно настроенный адвокат Алексей Петрович Барановский. С самого начала обнаружилась его предвзятость. Из всех сил он пытался представить дело как политическое, а убийц игумена жертвами режима. Вел себя дерзко и даже противозаконно. Но, исчерпав свои сомнительные возможности, оказался в затруднительном положении. Чтобы сохранить лицо, 19 октября 1867 года Барановский публично оскорбил суд и демонстративно отказался от возложенной на него защиты подсудимых.

В архиве сохранился документ, характеризующий деятельность адвоката: «Увлекая разных лиц к ложному свидетельству по делу то мерами убеждения, то подкупом, Барановский составил особую партию для того, чтобы противодействовать и парализовать действия

суда в изложении доказательств к обнаружению истины, и, наконец, нанес оскорбление суду публично в заседании, почему суд просит разрешения о назначении вместо Барановского нового защитника». Вопрос ставился даже о предъявлении обвинения Барановскому.

На этом, казалось, должна была закончиться печальная история преднамеренного убийства. Но, как это часто бывает, разоблаченное зло находит спасение во лжи.

Через мутные очки идеологических пристрастий адвокат Барановский увидел в игумене своего идейного врага. Не сумев защитить преступников и оправдать злодеяние, он спровоцировал эмоциональную волну, в которой зародились мифы, не утратившие своей привлекательности для крымских татар и поныне. По одной из версий, отец Парфений бежал в Европу и стал революционером. По другой, украв сам у себя деньги, через несколько лет в поезде за границей рассказал об этом какому-то чиновнику. И еще один миф, более красочный. За карточным столом в Монте-Карло зашел разговор о нашумевшем преступлении, на что один из проигравшихся с усмешкой сказал, что он и есть тот самый сожженный игумен, о котором идет речь. И вот сейчас он успешно проигрывает последние деньги заштатного монастыря.

Показателем живучести этих фантазий является вышедший в 1935 году роман А.Б.Дермана «Дело игумена Парфения». В нем каждый исторический факт подан таким образом, что в результате получалась настолько плотная и органичная ложь, что оценить ее можно было лишь прочитав предварительно все архивные документы.

В мире идеологических фантомов не все просто, и только выяснив источник вдохновения, можно понять, почему та или иная сторона действовала именно таким образом.

Болезненная актуальность данной проблемы коренится не столько в самом факте преступления, сколько

Памятник игумену Парфению с надписью:
*«Отец Парфений, игумен Кизилташской киновии,
убит и сожжен таракташскими татарами
22 августа 1866 года на 51 году от рождения»*

в его интерпретации, в столкновении и пересечении нескольких взаимоисключающих традиций.

Либерализм Барановского, его революционные симпатии, так же, как и марксизм Дермана, заведомо предполагают в осужденных татарах несомненную жертву царизма, а в уголовном преступлении – классовую реакцию на социальную несправедливость. И соответственно в игумене видят представителя враждебного мира,

обреченного на неизбежное и справедливое уничтожение, формы и механизмы которого определяются целесообразностью.

Для бытового секуляризированного сознания происшедшее не более, чем уголовщина, карающаяся по закону.

Мусульманская же традиция в казненных за убийство не просто неверного, а священнослужителя видит мучеников и героев, безвинно пострадавших от неверных, от враждебного в религиозно-правовом и национальном отношении царского правительства. За пределами национальной жизни и предписаний ислама для них начинается чуждый, неинтересный и даже враждебный мир.

В свою очередь, Православная Церковь отчетливо усматривает в игумене Парфении подвижника благочестия и христианского мученика, и выйти за пределы этой очевидности не может.

Источники

ГАРК. Ф. 83504, д. 33: В 3-х т.

Марков Е. Очерки Крыма. – Симферополь, 1995. С. 297–304.

Таврические Епархиальные ведомости. – 1878. № 24. С. 1018–1022.

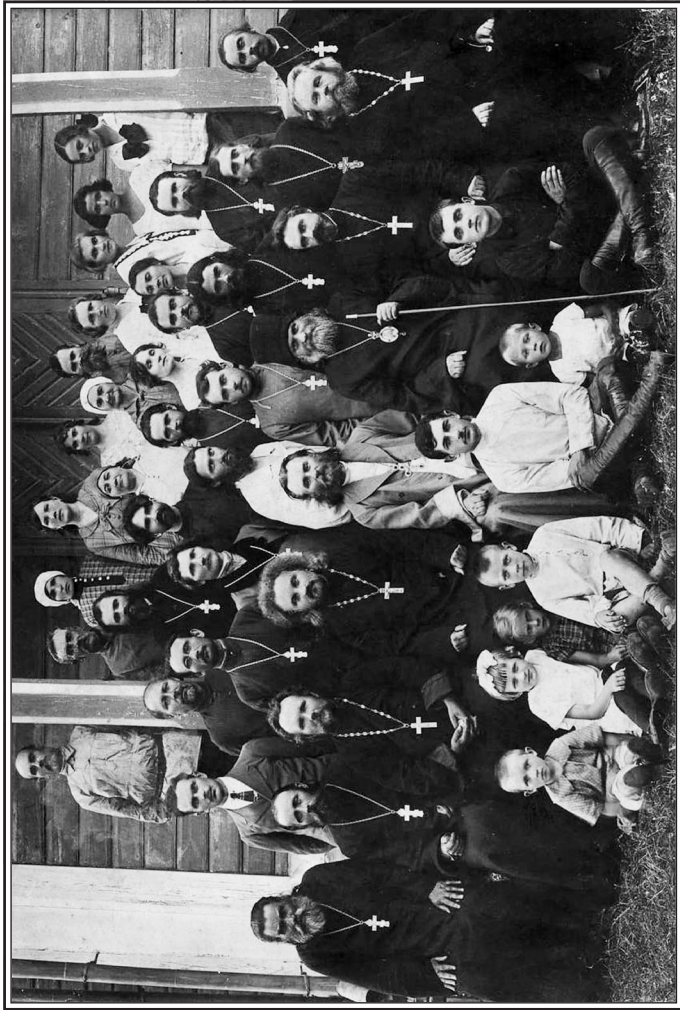
*Доклад прочитан на пленарном заседании
Ежегодной богословской конференции ПСТГУ,
проходившем в здании МГУ. 2003 г.*

ЕПИСКОП ЖИТОМИРСКИЙ МАКСИМ (РУБЕРОВСКИЙ)

Энергичная деятельность волынских архиереев, таких как митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископ Евлогий (Георгиевский), священномученики Фаддей (Успенский) и Амвросий (Гудко), принесла свои результаты и подготовила почву для создания Свято-Никольского братства, объединившего в себе лучших людей Житомира. В 1922 году вдохновителя и организатора братства протоиерея Аркадия (Остальского) арестовали, братство попытались разогнать. Но вопреки всему церковная жизнь в Житомире оставалась традиционно крепкой, пока НКВД не предпринял попытку окончательно решить церковный вопрос характерными методами для того времени.

7 сентября 1937 года оперуполномоченный IV отдела НКВД Житомира лейтенант В.И. Камраз выписал постановление об аресте группы антисоветски настроенных священнослужителей, которые объединились вокруг вернувшегося из ссылки в родную епархию епископа Максима (Руберовского). В «Постановлении» было сказано, что епископ Максим и те, кто сгруппировался вокруг него, «проводят организованную контрреволюционную работу, направленную против всех мероприятий советской власти, внедряют населению пораженческие настроения и искажают Сталинскую Конституцию».

Епископ Максим (Руберовский) среди клириков в Полодном. 1928 г.

13 сентября 1937 года епископ Максим был арестован в своей квартире. При обыске ничего особенного, кроме нескольких золотых монет царской чеканки и священнических облачений, у него не нашли. В тот же день состоялся первый и единственный допрос.

Епископ Максим (в миру Михаил Иванович Руберовский) родился 25 октября 1878 года в селе Пестяки Гороховецкого уезда Владимирской губернии в семье священника. Окончил Владимирскую семинарию, учительствовал в Давидовской двуклассной школе. В 1910 году поступил в Московскую Духовную Академию. В 1914 году пострижен в мантию и рукоположен во иеромонаха. В том же году с 12 августа Руберовский – помощник смотрителя Житомирского духовного училища. С 28 декабря 1916 года – инспектор Волынской духовной семинарии.

В 1924 году епископ Аверкий (Кедров) в сослужении с другими епископами Волыни хиротонисал Руберовского во епископа Полонского, викария Волынской епархии.

Молодому архиерею пришлось сразу же включиться в невероятно сложную, наполненную противоречиями и проблемами церковную жизнь. В 1922 году состоялся открытый образцово-показательный суд над протоиереем Аркадием Остальским, решительно выступившим против изъятия церковных ценностей. Из свидетеля по делу протоиерея Остальского епископ Аверкий превратился в обвиняемого и был осужден. Управление Житомирской епархией легло на плечи епископа Максима. На епархиальном съезде в конце февраля 1924 года значительная часть духовенства признала обновленческий Харьковский синод, но часть духовенства, в первую очередь из братства протоиерея Аркадия Остальского, не согласилась с этим решением и покинула собрание.

Епископ Максим 25 января 1925 года писал в Гублик-видком: «Я лично присоединился к резолюции мень-

Епископ Максим (Руберовский) в центре. 1928 г.

шинства, отвергающего современное обновленчество и не признающее Харьковский обновленческий синод как высший орган церковной власти на Украине и, в частности, на Волыни. Так как я сохраняю за собою права по управлению Волынской епархией, переданной мне епископом Аверкием перед отъездом из Житомира 6.XI.1924 года, то в силу вышеизложенного считаю долгом донести до сведения Губликвидкома, что отныне я персонально, независимо от избранного съездом епархиального управления, если Бог благословит, буду управлять Волынской епархией, разумеется, в той части ее, которая, держась со мною одинаковой религиозной ориентации, признает меня своим законным епископом и найдет необходимым обращаться ко мне по церковным делам.

еп. Максим».

В этот период, насыщенный всевозможными событиями, епископ Максим предстал своей пастве как мудрый и верный Патриаршей Церкви архиерей.

12 августа 1928 года епископа Максима административно выслали на Урал, в Берездов, на три года за то, что он «примыкал к тихоновскому движению и занимался антисоветской агитацией», а там, в ссылке, за «антисоветскую агитацию» ему продлили срок еще на три года. По версии следствия, в Любарском, Чудновском и других районах Житомирской области действовала организация, имевшая два направления: одно за Украинскую Народную Республику во главе с Вдовиченко, другое, русское – за создание «Единой неделимой России» с конституционно-демократическим строем, которое возглавлял некий Николай Панкевич, давший показания на епископа. По его свидетельству, «епископ Максим делал нелегальные собрания в доме священника Голубовича, а потом в доме Петрука и говорил, что нужно всеми силами возбуждать в народе враждебное отношение

к советской власти и не подчиняться обновленческому Харьковскому синоду» и т. д.

Отбыв наказание, епископ Максим в июле 1935 года вернулся Житомирскую епархию, где его знали и любили как ревностного архиерея, исповедничеством доказавшего свою верность Православию.

Владыка поселился на квартире священника Анатолия Скалозубова, в комнате, которую уже снимал архимандрит Спиридон (Лукич), в прошлом насельник Свято-Почаевской Лавры. В 1934 году, отказав в получении паспорта, власти выселили Лукича из Киева в Житомир. Архимандрит проводил тихую, строго монашескую жизнь, и, не снимая подрясника, зарабатывал на жизнь покраской крыш. К ним поселился еще один монах, и они жили вместе, разделив комнату ширмой. При этом епископ Максим принимал ежедневно посетителей из Житомира и окрестных деревень. За советами по церковным вопросам к нему приезжали и из других городов.

Архиепископ Житомирский Филарет (Линчевский) жил в Киеве. На своей кафедре был нелюбим за жестокое обращение со священнослужителями и появлялся редко. Естественным образом центром церковной жизни стал епископ Максим. Он хорошо знал церковную жизнь Житомира, и ему там доверяли.

Так что по всем вопросам священнослужители беспрепятственно обращались к епископу Максиму. Можно сказать, что он в этот период в полной мере управлял Волынской епархией. Духовно-нравственный авторитет владыки признавался всеми. Его безоговорочно поддерживали братчики, оставшиеся от многочисленного когда-то Свято-Николаевского братства, организованного протоиереем Аркадием Остальским. Но были и те, кто утратил реальную связь с Православием и свою гордыню поставил выше интересов Церкви. Некий священник Иван Фомич Крашановский, запрещенный в

служении за одновременное сожительство с двумя женщинами, имел претензии к епископу Максиму по делам своего прихода. Он решил отомстить епископу и написал донос в НКВД о «контрреволюционной деятельности» архиерея и всех, кто был с ним рядом.

В один день с епископом Максимом были арестованы архимандриты Спиридон (Лукич), Алипий (Янкин), Ксенофонт (Горбатюк), иеромонах Серафим (Головинский Иван Северинович), протоиерей Вячеслав Горбацевич и мирянин Мамонт Лебедь.

На допросе епископ Максим держался мужественно и категорически отрицал все обвинения следствия.

– УГБ известно, что вы проводили контрреволюционную работу. Дайте показания по существу.

– Я контрреволюционную работу не проводил.

– Вы давали установки духовенству проводить среди прихожан антисоветскую агитацию, направленную против всех мероприятий советской власти.

– Я таких установок не давал.

– Что побудило вас прибыть на жительство в Житомир?

– Меня побудило приехать в Житомир то, что в городе у меня много знакомых, а город мне знаком издавна.

– Поддерживали вы связи с прихожанами бывшей Полонской епархии?

– Верующие меня поддерживали материально. Приезжали на богослужение в Житомир.

– НКВД известно, что вы прибыли в Житомир, как пограничный город, в расчете на возможную перемену власти и вытекающую отсюда возможность объединиться с духовенством Польши. Отвечайте по существу вопроса.

– С этой целью я в Житомир не приезжал.

На вопрос, с кем он общался в Житомире, епископ Максим назвал архимандрита Спиридона (Лукича), ар-

химандритов Алипия (Янкина) и Ксенофонта (Горбатюка), священника Михаила Иваницкого и других, с кем на глазах у всех молился в церкви на Русском кладбище.

– Находясь в кругу названных выше людей, какую антисоветскую работу вы проводили, и как они реагировали?

– Разговоров на антисоветскую тему у нас не было.

Показания записаны с моих слов верно, мне прочитаны, в чем и расписываюсь.

Это был единственный допрос, не принесший следствию желаемого результата. Также мужественно и твердо держались сподвижники епископа Максима.

Архимандрита Спиридона (Лукича) следователь допрашивал с 8 вечера до 8 утра и, очевидно, не все вошло в протокол. Следователь спросил, почему он принял на квартиру человека, отбывшего срок за контрреволюционную деятельность?

«О том, что епископ Максим отбывал наказание за контрреволюционную деятельность, – ответил архимандрит, – мне было известно, но я не считал преступлением принять его на квартиру». На вопрос: «Какую вы проводили контрреволюционную работу?» архимандрит Спиридон ответил: «Я лично никакой контрреволюционной работы не проводил», но оговорился, что к епископу часто приходили священнослужители, подолгу говорили и только один раз он услышал, как Руберовский в разговоре с ним одобрял новую Конституцию, согласно которой, «духовенство будет жить хорошо, церкви закрывать не будут, а которые закрыли ранее – откроют».

Мужественно и бескомпромиссно повели себя союзники епископа Максима архимандриты Алипий (Янкин) и Ксенофонт (Горбатюк). Они категорически отвергли обвинения следователя и не признали себя виновными, а также не дали никаких материалов против епископа

Максима. Их дело было выделено в отдельное производство. 9 декабря 1937 года они были осуждены, а 29 декабря – расстреляны.

Иеромонах Серафим (Головинский) также остался непреклонным и виновным себя не признал. И только протоиерей Вячеслав Горбацевич, которому доверял епископ Максим, вознаградил усилия следователя. Он еще в 1922 году был завербован и сотрудничал с органами, правда, не очень охотно. Его арестовали в 1928 году за сочинение антисоветского стихотворения «Ответ Демьяну Бедному» и за то, что «будучи секретным сотрудником органов ГПУ, уклонялся от работы с ними, не выполнял указаний и заданий секретного отдела ГПУ, преднамеренно тормозил работу по обновленчеству».

На следствии Горбацевич заявил: «В разговоре с Руберовским я неоднократно говорил, что советская власть издевается над населением. По существу в СССР никакой свободы слова нет, коммунисты делают, что хотят <...>. Мои взгляды полностью разделял Руберовский. Он также неоднократно выражал недовольство существующим советским строем, говорил, что власть мучит народ голодом, издевается над людьми, даже не давая свободно помолиться. По словам епископа Максима, необходимо проводить организацию духовенства и верующего населения для оказания массового сопротивления органам власти при закрытии церквей и насилии над верующими».

Следователю удалось еще привлечь нескольких лже-свидетелей, давших для расправы над архиереем удобные показания.

Малограмотный крестьянин Мамонт Лебедь на допросе утверждал, что организовал контрреволюционную группу и завербовал в нее ряд архимандритов.

Священник Порфирий Коранский признался, что епископ Максим советовал ему не пускать сына в комсомол, так как там его нравственно развратят.

Другой священник, Антон Сеницкий, дал более обширные показания: «Мне известно, – утверждал Сеницкий, – что в Житомире есть контрреволюционная группа монахов, подконтрольная беглому духовенству. Местом жительства избран Житомир, потому что он находится у границы и является центром религиозного движения в прошлом, т. е. базой для проведения контрреволюционной работы. Несмотря на то, что руководители этой группы епископы Аркадий Остальский и Аверкий Кедров репрессированы, их единомышленники объединились вокруг епископа Максима и проводят контрреволюционную работу <...>. Приехав в Житомир, епископ Максим нелегально присутствовал на богослужениях и принимал участие в таковых, а также у себя на квартире вел специальные беседы» и т. д.

Проведенная 16 ноября 1937 года очная ставка также не принесла следствию желаемого результата. Протоиерей Вячеслав Горбачевич повторил свои обвинения в присутствии епископа Максима: «С Руберовским я был в дружественных отношениях и неоднократно посещал его квартиру. В разговорах с ним часто выражал недовольство существующей властью и ее мероприятиями. Руберовский полностью разделял мои контрреволюционные взгляды. Он говорил, что советская власть издевается над населением, что по существу в СССР грубая диктатура верхушки партии. Коммунисты мучают население голодом, даже не дают возможности верующим свободно молиться» и т. д. На все обвинения епископ Максим ответил кратко и определенно: «Показания обвиняемого Горбачевича Вячеслава я отрицаю».

Очные ставки с союзниками владыки архимандритами Алипием (Янкиным) и Спиридоном (Лукичем) и другими также ни к чему не привели, все отрицали свою причастность к контрреволюционной деятельности и мифической организации под руководством епископа Максима.

Но отсутствие фактов и категорическое отрицание вины на допросах и очных ставках не остановило карательную машину НКВД. И уже на следующий день 17 ноября 1937 года лейтенантом Полищуком было составлено «Обвинительное заключение», в котором говорилось: «НКВД Житомира вскрыло контрреволюционную группу монахов, проводивших контрреволюционную деятельность. Данную группу возглавлял возвратившийся из ссылки епископ Полонский, монах Максим, Руберовский Михаил Иванович, проводивший среди наиболее реакционно настроенного духовенства и церковного актива работу, направленную <...> на внедрение на почве религиозных убеждений контрреволюционных пораженческих взглядов».

Владыку Максима приговорили к высшей мере наказания и расстреляли 23 ноября 1937 года в Житомире.

Архимандрит Спиридон (Лукич) получил 10 лет, отбыл свой срок в Вятлаге НКВД.

Еще в 1939 году он написал заявление с просьбой пересмотреть его дело, но безуспешно.

В своей жалобе архимандрит Спиридон писал, что его арестовали в ночь с 29 на 30 августа 1937 года, во время обыска изъяли все рукописи. Допрашивало его столько людей, что он так и не понял, кто ведет следствие. Приписывали и требовали признаться в том, что и не снилось в кошмарном сне, но закончилось тем, что «я якобы был завербован епископом Максимом Руберовским, жившим со мною одно время на одной квартире, и что я был членом возглавлявшейся епископом Максимом подпольной контрреволюционной организации. От меня требовали и увещеваниями, и угрозами рассказывать, что я знаю о контрреволюционной деятельности епископа Максима и других, о том, что мною сделано в том же направлении по директивам Руберовского <...>. Я не состоял никогда членом таковой или подобной ор-

ганизации и, разумеется, рассказывать о том, чего не знал и чего не было, – не мог. За весь период моего совместного проживания с епископом Максимом в одной комнате у него никогда никакие собрания не организовывались...».

В том же 1955 году на основании новой жалобы архимандрита Спиридона (Лукича) был передопрошен протоиерей Вячеслав Горбацевич. Архимандрита Спиридона Горбацевич охарактеризовал как хорошего монаха, не отступившего от монашеских норм поведения. И далее он заявил: «В процессе следствия в 1937 году я по совету одного заключенного, сидевшего со мной в одной камере, себя оговорил, показал несуществующие факты с тем, чтобы избежать круглосуточных допросов, которые меня изнурили. Епископа Максима я знал с 1936 года, часто ходил к нему на квартиру, помогал ему материально <...>. О его контрреволюционной деятельности мне ничего неизвестно».

Были передопрошены и другие «свидетели». Многие изменили свои показания в пользу невиновности епископа, а некоторые заявили, что «решительно не знают как членов контрреволюционной организации тех священников, против которых давали показания в 1937 году».

Аналогичным было и официальное «Заключение»: «Обвинение, предъявленное Руберовскому Михаилу Ивановичу, епископу Максиму, и другим, проходящим по настоящему делу, как в показаниях самих обвиняемых, так и свидетелей, не нашло своего должного подтверждения и обосновано лишь на поверхностных и неубедительных показаниях свидетелей».

*XVI Ежегодная богословская конференция ПСТГУ:
Материалы.
Том I. М. 2005*

ОПЫТ СВЯТОСТИ XX ВЕКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Перед лицом торжествующей беспринципности, в неотвратимости все более расцерковляющегося бытия, чувства «ошибочности» этого мира православные христиане призваны к осуществлению как можно более полного воплощения Евангельских заповедей.

История человеческих заблуждений безмерно велика, и результат этих заблуждений очевиден. Но как бы ни были велики наши заблуждения, они не соизмеримы с Премудростью Божией, Его Промыслом, который никогда не оставляет человека.

Когда тьма становится почти непроницаемой, а действия человека бессмысленными и хаотическими, предрассудки и суеверия, явные и тайные заблуждения оплетают человеческое существо, – все это безальтернативно ведет к великим потрясениям, какими изобилует русский XX век.

Как известно, прошедший век был богат определениями человека. Альбер Камю говорил о «бунтующем человеке», Йохан Хёйзинга о «человеке играющем». Однако мы отчетливо видим, что на смену «человеку разумному» пришел «человек заблудившийся». Его основным качеством является уже не способность к размышлению, бунту или игре, но какая-то предрасположенность к заблуждению, поражающему ум и совесть, ищущему минутного удобства, которое неизбежно преграждает путь к истине.

Человек заблудившийся предаёт забвению национальные святыни, устои и традиции, или же, более того, сознательно и активно их отрицает. В результате разрываются духовные связи и становится невозможной ориентация в историческом пространстве. И такой человек, сосредоточившийся на сумрачной пульсации своего существа, не может определить своего истинного местонахождения и конечной цели своего движения. Предоставленный самому себе, человек заблудившийся обречен на бессмысленное блуждание до тех пор, пока в его жизненную ситуацию не вмешается кто-то извне, обладающий знанием духовных ориентиров и способный провести заблудившегося к конечной цели.

Очевидно, каждое поколение людей должно быть евангелизировано и воцерковлено. Это возможно сделать только учитывая специфику времени, а также характер вызовов и соблазнов, присущих ему. И если недоразумения прошлого мы видим отчетливо без особых усилий, то искушения своего времени мы различаем с трудом и не сразу.

Живой человек нуждается в конкретном проявлении традиции, живом и убедительном примере. Ему необходим личный контакт с конкретным явлением или с конкретным лицом, аккумулирующим в себе содержание духовной традиции. Такими лицами, явившими нам огромное количество блистательных примеров, без сомнения, являются новомученики российские, прославленные Поместным Собором Русской Православной Церкви в 2000 году.

Христос даровал прощение грехов, спасение и Царство Небесное благоразумному разбойнику, но он не даровал ему избавление от креста и мучений. Это касается не только отдельных людей, но и целых народов. С этим соприкоснулся в полной мере и русский народ.

Оглядываясь на ушедшее столетие, мы вправе утверждать – главное наше богатство не деньги или товары и даже не огромная территория с уникальной армией, а люди. Люди, способные бороться за свою душу, отстаивать свою идентичность, не поддаваясь многообразным соблазнам. Мы знаем, что героем является не тот, кто, приспособившись, умело и своевременно вписывает свой интерес в сложившуюся ситуацию, но тот, у кого внутри есть недвижимый центр, не подчиненный сиюминутным целесообразностям. И если такой человек, с таким внутренним устройством, обращается ко Христу, опытно познает Его Божественную Любовь, он уже не может быть другим, так как ему опытно открылось иное качество бытия. В этом отношении мученики и исповедники российские явили миру удивительный, в высшей степени поучительный пример. Их главными качествами были храбрость и упование. Своей первой заботой они сделали исполнение воли Божией, и по вере их ход вещей вокруг них изменился.

Культурой становится все, что человек культивирует. Пребывание во грехе тоже становится культурой, испорченной, но культурой. Новомученики жизнь в Церкви, слово Божие сделали своей культурой и стали для нас источником вдохновения и примером для подражания. Все, что культивировалось в советскую эпоху воинствующим безбожием, в свете их подвига меркнет и исчезает на наших глазах. Но то, что стиралось из жизни как «родимые пятна капитализма», и те, кого беспощадно уничтожали за веру во Христа, возвращаются к нам, облеченные небесной славой. Их можно назвать подлинными учителями жизни, педагогами, своим подвигом пробуждающими все лучшее в наших душах. Во время жестоких и самых продолжительных гонений за всю историю христианства в нашей стране исчезли священнослужители по профессии, остались только

по призванию. Они уподобились ученикам Спасителя, таким же гонимым, нищим и бездомным. В своей готовности быть преданными Ему даже до смерти они бесстрашно свидетельствовали миру о непреходящей ценности жизни во Христе и со Христом, о неотмирной радости всегда, во что бы то ни стало быть с Ним, потому что Именем Его даруется жизнь вечная. Господь говорит: «Любящий душу свою, погубит ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную» (Ин. 12, 25).

Российские новомученики, как сопричастники Жертвы Христовой и Славы Его Воскресения, стали действительными проповедниками Евангелия. Они нам по сей день свидетельствуют и открывают одну истину: потеря ради Христа – приобретение. А потому смерть каждого мученика есть победа Иисуса Христа, Который «смертью смерть поправ». Оттого мученичество уподобляется пшеничному зерну и приносит обильный плод.

Если в нашем Отечестве происходили великие беззакония и неправды в прошлом столетии, о которых мы все хорошо знаем, и происходит то, что мы видим сейчас, то это лишь потому, что Господь смиряется перед человеком, его свободной волей, – кто более любит, тот больше смиряется, и мы видим, как Всемогущий любит нас и смиряется перед Своей тварью. Когда человек не слушает Творца и настаивает на своем, Господь может сказать ему: «да будет твоя воля», и человек идет и делает то, что он хочет, поступает по своим страстям. Для человека, реализующего исключительно свою греховную волю, начинается ад, и для него самого, и для тех, кто вокруг. Там, где Господь зовет в одну сторону, а человек, одержимый страстями, тянет в другую, не может быть ничего, кроме трагедии.

Как мы знаем, зло в нашем XX веке проявлялось и действовало с ужасающей силой в масштабах, потрясающих

воображение, и Господь попускал это. Господь может позволить Себе быть в глазах людей побежденным, как Христос позволил Себе быть арестованным и распятым. Но мы знаем – из Гроба воссияла Вечная Жизнь, а на стороне гонимых и убиваемых был, есть и будет Сам Христос – источник Вечной Жизни. Что бы ни говорили идеологи разных мастей и всевозможных ориентаций, какими бы могучими и неотвратимыми ни казались нам силы зла, Распорядителем истории был и остается Христос.

Вопреки представлениям поверхностных людей, успех борьбы со злом измеряется не внешней победой, – ее в тех обстоятельствах не было и не могло быть, – а стоянием в истине до конца: «Претерпевший до конца спасется» (Мк. 3, 13). Христос не всегда на стороне победителей, богатых и успешных. Он может быть и на стороне побежденных, на стороне бедных и обездоленных, у которых, как думают многие современники в обществе потребления, нет алиби.

Новомученики Российские напоминают нам, что наша культура и история всегда были христоцентричными. В центре нашей жизни всегда был Христос. Мы, христиане, должны понимать, что земная жизнь – не курорт и не санаторий, и что за свою душу нужно бороться. К истине нельзя прийти ложным путем. «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6), – говорит Господь.

Православный христианин – это воин, сражающийся не за рынки и материальные блага, но за возможность быть святым и наследовать Царство Небесное. Наш долг, подражая лучшим из лучших, какими были Новомученики Российские, стать воинами Христовыми, а не послушными оловянными солдатами в ложных проектах и чуждых для нас, православных христиан, интересах, в которых нет высшей свободы и нет Божественной любви.

Только искреннее обращение к Богу, милующему и спасающему, промыслительно действующему в любой отрезок истории, может выпрямить наши пути, омыть беззакония, даровать видение и ощущение новой реальности, самодостаточной и вечной, имя которой – святость.

Мы живем в эпоху величайших возможностей и предельных опасностей, и потому все наше упование обращается к Тому, Кто видит нас, Кто любит и заботится о нас в любой момент нашей жизни, знаем мы об этом или нет. Он желает, чтобы проросли в наших сердцах «глаголы вечной жизни» (Ин. 6, 68).

*XIV Международные Рождественские
образовательные чтения.
Сборник пленарных докладов. М. 2006*

СВЯТО-НИКОЛАЕВСКОЕ БРАТСТВО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА АРКАДИЯ (ОСТАЛЬСКОГО) В ЖИТОМИРЕ

Свято-Николаевское братство, основанное в сентябре 1918 года по благословению архиепископа Волынского Евлогия (Георгиевского) священномучеником Аркадием (Остальским), ставило своей задачей адекватно ответить на вызовы великих потрясений жизнью во Христе с посильным свидетельством деятельной любви на Евангельских основах. Жизненная позиция братства зиждилась на уверенности в том, что если боль и страдание чрезмерно велики, то Божие милосердие неизмеримо больше. Миссионерская деятельность священномученика Аркадия, как и деятельность всего братства, рождалась из непосредственной потребности служить Богу и нести людям Его любовь, свидетельствовать о Том, ради Которого стоит жить и умирать.

За долгие мучительные годы братоубийственной войны в Житомире четырнадцать раз менялась власть, от чего, в первую очередь, страдало ничем и никем не защищенное мирное население. Не находя выхода, обнищав до крайности, люди были в отчаянии. Чем больше разрушалось когда-то сильное, бравшее на себя решение всех проблем государство, тем отчетливее лучшие из христиан осознавали насущную необходимость возрождения внутренних неформальных связей, идущих из глубины любящих Бога сердец.

Обещания улучшить жизнь со стороны тех, кто захватывал Житомир, оборачивались неизменным ее ухудшением во всех отношениях. Еще вчера благополучные обыватели, жившие по соседству и знавшие друг друга в лицо, гибли от голода, эпидемий, разрухи и погромов. Царившие в городе безработица, бандитизм и грабежи нагнетали страх, углубляли чувство незащищенности и неуверенности в завтрашнем дне и, наконец, развращали малодушных.

К этому времени протоиерей Аркадий Остальский, впоследствии священномученик, был широко известен на Волыни как блистательный проповедник, миссионер милостью Божией.

1 сентября 1918 года в газете «Волынь» было напечатано его обращение.

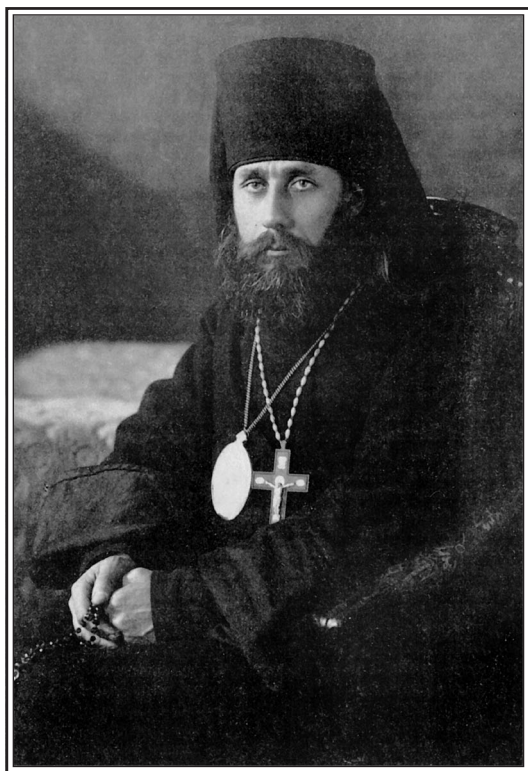
«Добрые люди! К вам наши слова!

Тесным кольцом стиснули нас беды. Дороговизна жизни, безработица, болезни и прочие страшные гости выбросили на улицу сотни несчастных. Каждый день несет новые жертвы: то слышим мы о самоубийстве оставшегося без средств бывшего защитника несчастной Родины; то несутся печальные вести о заболеваниях и смертях от голода, а то и сами мы, стоя в очередях, видим, как падают на мостовую истощенные несчастные матери, единственные подчас кормилицы своих семейств...»

И далее, описав все ужасы, творящиеся вокруг, отец Аркадий призвал всех православных Житомира: «Кто не умер для любви, идите! Идите, ради Христа, ради страждущего ближнего и записывайтесь в члены Братства!»

При открытии Братства архиепископ Евлогий говорил о чрезвычайных, исключительных трудностях настоящих дней и еще больших проблемах в грядущем.

По свидетельству очевидцев, «сильная речь» протоиерея Аркадия напомнила о татарском иге и самозванцах, смутивших русскую душу подобно революцио-

Священномученик Аркадий (Остальский)

нерам: «И если в те времена, – говорил он, – и спасло что-либо – так это взаимная поддержка, тесное единение и любовь <...> Гибнет наш брат, голодает его семья, умирают от недоедания его дети – не дадим им погибнуть!»

Затем последовало чтение устава Братства, суть которого сводилась к посильной помощи бедным всех сословий: пищей, квартирой, одеждой и деньгами. Братчиками могут быть все вносящие ежемесячную сумму, ими самими определенную.

При общем подъеме практически все присутствовавшие записались в Братство, сдали деньги и избрали своим председателем протоиерея Аркадия. Чувство новой, благодатной реальности переполняло собравшихся, уверенность в особом призвании родившегося Братства не вызывала сомнения. Беспросветность внешних сумерек только подчеркивала и усиливала внутреннее горение, подталкивала на самоотвержение тех, кто уже решился жить по Евангельским заповедям.

Великие скорби рождали великую любовь, и братчики с огромным энтузиазмом взялись за дело: оказывали помощь нуждающимся, больным, хоронили безродных или неимущих умерших. С детьми занимались Законом Божиим. А главное – в духовно-нравственном отношении поддерживали унывающих и отчаявшихся выжить в сверхсложных условиях. Отец Аркадий входил во все подробности руководства Братством и по мере нужды направлял и поддерживал каждого братчика. Он поименно знал всех больных города и помнил, в чем именно они нуждаются. Новопоступивших назидал и воспитывал, в первую очередь, своим примером, пробуждая вкус к подлинной христианской жизни.

В это время отец Аркадий часто служил и непрестанно проповедовал. Если кто нуждался в подробной индивидуальной исповеди, не торопил и предлагал без стеснения, раскрыв душу, освободить ее от грехов, пусть малозначащих, но все же смущающих совесть. Из-за этого исповедь затягивалась порой до двух часов ночи.

Со временем приток молящихся прихожан вырос настолько, что отец Аркадий не в силах был исповедовать всех по отдельности и вынужденно, подобно праведному отцу Иоанну Кронштадтскому, применял общую исповедь, представлявшую собою умирительную картину: священник с амвона призывает к покаянию исповедни-

ков, а те, стоя перед Распятием на коленях и со слезами на глазах, каются в совершенных грехах.

Братство сохраняло за собой два домовых храма – Трехсвятительский, в здании бывшей семинарии, и небольшой Благовещенский в Каретном переулке, в здании бывшей духовной консистории, и настоятелем обоих был протоиерей Аркадий.

Начавшиеся гонения на Церковь только умножили ревность отца Аркадия, и со всем пылом молодой, глубоко религиозной натуры он устремился на защиту православной веры. Его проповеди, как духовный меч, рассекая первые завязи всероссийской смуты и насильно внедряемой лжи, помогли многим сориентироваться и не погибнуть в это страшное для верующих людей время. С каждым днем в его храмах становилось все больше и больше молящихся. Отец Аркадий ежедневно совершал богослужения, говорил пламенные проповеди, заражая духовной радостью измученные и охладевшие сердца людей. Вместе с братчиками, как и раньше, он предпринимал пешие паломничества к православным святыням. Дорогой, а это были переходы по двести и более километров, пели акафисты и псалмы. Невзирая на все трудности крестных ходов, народ с радостью принимал в них участие. Физическая усталость в полной мере покрывалась внутренней уверенностью, что с каждым шагом, с каждым километром они приближаются к чему-то важному, спасительному, к Самому Христу, и Он не позволит распоясавшимся ужасам повседневности властвовать над ними и мучить их души. Среди всеобщего нестроения и разрухи такие паломничества рождали чувство единства, помогали найти опору и душевное равновесие.

Отец Аркадий отличался особой добротой и даже жертвенностью, выходящей за пределы понимания эгоистичных людей. Его нестяжательность была легендарной, о чем есть много свидетельств. Он в буквальном

смысле раздавал личные вещи первой необходимости, так что порой своих ближних ставил в тупик, и был абсолютно свободен от привязанности к тому, без чего другие не могли обойтись.

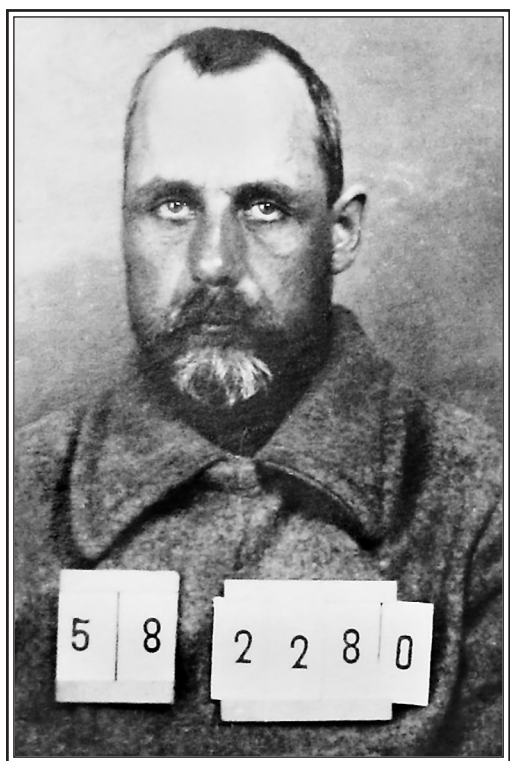
Гонения на Церковь продолжали усиливаться, и работа Братства с каждым днем становилась все труднее и опаснее. ЧК с дьявольской неутомимостью преследовала верующих, закрывала церкви, увольняла с работы за религиозные убеждения. Реальное самопожертвование братчиков, живших в тех условиях, что и все горожане, было лишено ложного пафоса и экзальтации. А в тяжелых условиях такая решимость жертвовать своим и даже собой не оставляла равнодушными тех, кто еще был способен чувствовать и понимать. Горожане видели, что у братчиков, как и у всех, не хватало продуктов, что они нуждались в помощи и поддержке, так же, как и те, кому помогали, превосходя меру человеческих сил и терпения, и вопреки всему становились сильнее и тверже. В отличие от тех, кто утратил реальную веру и впал в озлобленное саможаление, братчики светились радостью, от них исходил мир. Их благодатная творческая любовь побеждала невзгоды безвременья. Это изумляло и привлекало к ним народ. В Свято-Николаевском братстве принимали активное участие лучшие люди Житомира, имена которых, а их более 120, удалось установить. Материальную поддержку братству оказывал замечательный художник М.И.Нестеров. Его жена неоднократно приезжала в Житомир и через княгиню Наталью Ивановну Оржевскую передавала пожертвования. Помощь братству оказывал брат Н.И.Оржевской князь Димитрий Иванович Шаховской. Через Наталью Сергеевну Шаховскую оказывали помощь ее родная сестра Екатерина Сергеевна Приорова, жившая в Москве, и двоюродная сестра Анна Дмитриевна Шаховская. Из-за границы присылала деньги мать Натальи Шаховской Луиза Львовна

Н.И.Оржевская, 1907 г.

и брат Юрий Сергеевич. Полученные средства княгиня Оржевская распределяла нуждающимся и, в первую очередь, репрессированным членам братства. А их становилось все больше и больше...

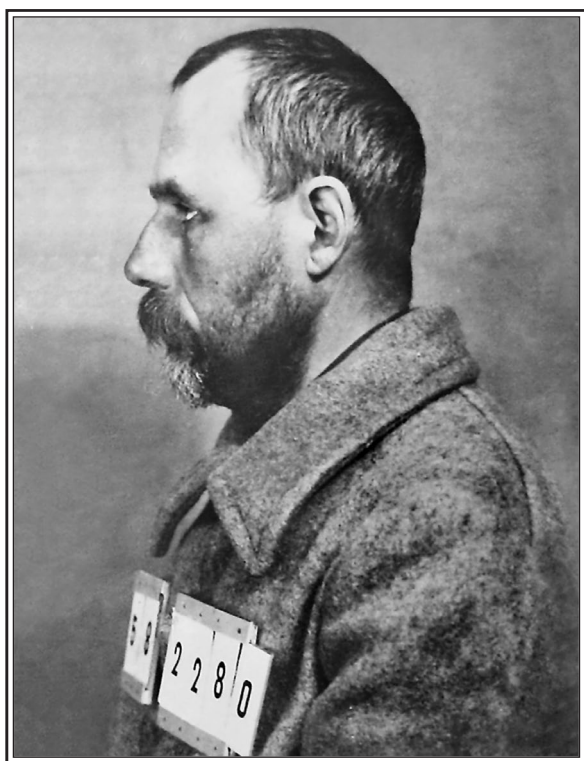
До весны 1922 года Братство действовало чрезвычайно активно и относительно беспрепятственно. Духовно-нравственный авторитет протоиерея Аркадия на Волыни возрос настолько, что не будет преувеличением сказать, что он стал неформальным церковным лидером. Его бескомпромиссная позиция по отношению к изъятию церковных ценностей побудила не только священнослужителей епархии, но и епископа Аверкия (Кедрова) занять более определенную позицию, что вызвало раздражение властей, так как изъятия, по мнению ГПУ, пошли после этого с «шероховатостями». Буквально в каждом храме было оказано сопротивление кошунникам. 6 мая 1922 года отец Аркадий Остальский был арестован, и это вызвало возмущение во всей

**Священномученик Аркадий. Поселок Кремль в Соловках.
Следственный изолятор. 1931 г.**

епархии. Поддержка многочисленного Братства затрудняла судебный процесс и безоговорочное осуждение священника, категорически отрицавшего свою вину. Приговором Волынского губернского военного трибунала от 10 июня 1922 года священник был приговорен к смертной казни с заменой ее на пять лет тюрьмы.

Невзирая на расправу над протоиереем Аркадием, братчики самоотверженно продолжали свое служение. О некоторых из них надо сказать отдельно.

Княжна Наталья Сергеевна Шаховская была племянницей и постоянной спутницей Натальи Ивановны Оржевской. Родилась она в 1894 году в селе Василькино Московской губернии. По окончании Института благородных девиц не без успеха училась в Парижской художественной академии, но из-за начавшейся войны в 1914 году вернулась на родину и служила сестрой милосердия в Петровском лазарете в Москве (ныне Институт им. Н.В. Склифосовского). С 1918 года в Свято-Николаев-

ском братстве. В 1919 году в качестве заложницы большевики вывезли ее в Москву и в течение года удерживали в концлагере. Освободилась вместе с Н.И.Оржевской и с нею же поселилась в их бывшем имении Новая Чартория, где работала в сельскохозяйственной школе. В 1925 году, согласно распоряжению правительства о выселении бывших помещиков из своих имений, княжна Шаховская переезжает в Житомир и после долгих скитаний поселяется в доме братчицы Антонины Николаевны Ящинской по ул. Рудненской, 10-б, работает счетоводом на центральной электростанции. 10 декабря 1934 года уполномоченный Ракита арестовал Н.С.Шаховскую, и 4 марта 1935 года она была осуждена за «связь с заграницей», выслана в Казахстан на пять лет. 15 августа 1951 года осуждена повторно в Ярославле на десять лет лагерей. Дальнейшая ее судьба неизвестна, по слухам, Наталья Сергеевна приняла монашество и подвизалась в одном из монастырей.

В 1922 году в Братство вступил кандидат богословия Василий Яковлевич Малахов с супругой Марией Калиниковой. Это был во многом замечательный человек. Он родился в 1872 году в Витебской губернии, окончил Московскую Духовную Академию. В 1899 году стал преподавателем истории и сравнительного богословия в Волынской духовной семинарии, где прослужил 24 года вплоть до ее закрытия. Имел степень кандидата богословия. В 1922 году он был экспертом по делу протоиерея Аркадия и свидетелем по делу епископа Аверкия (Кедрова). Ревтрибунал его работой остался недоволен. Защищая епископа Аверкия, напомнил, как тот спас жизнь видному комиссару. Активно участвовал в борьбе с обновленцами и даже специально написал книгу о неснимаемых противоречиях между православными и обновленцами. В 1923 году Малахов принял священный сан, но власти запретили ему служить и выслали в глу-

хую белорусскую деревню, где отец Василий совершал богослужения на дому у крестьян. В конце двадцатых годов его проповедническая деятельность стала известна властям, он вместе с матушкой был арестован и выслан на Север. По свидетельству архиепископа Аверкия (Кедрова), священник Василий Малахов умер в Каргополе Архангельской области от тифа.

Протоиерей Александр Васильевич Гаврилюк родился 24 марта 1881 года в Почаеве, в семье рабочего Лаврской типографии. В 1907 году окончил Московскую Духовную Академию. Преподавал в Мариинской женской гимназии Житомира. Жил в бедности. Священный сан принял в 1922 году в ответ на гонения против Церкви. В 1923 году стал членом Свято-Николаевского братства. С 1924 по 1930 год был настоятелем Серафимовской церкви. За выступление против обновленцев, захвативших епархию в 1927 году, был арестован вместе с архиепископом Аверкием (Кедровым). Во время следующего ареста, 17 марта 1931 года, он заявил: «Какие-либо особенные цели братства мне не известны. Знаю о благотворительной деятельности братской общины – бесплатные погребения, материальная помощь, оказываемая нуждающимся публично в храме. Размеры этой помощи мне совершенно не известны». 13 ноября 1931 года он этапирован в ссылку на три года вместе с другими членами Братства в Архангельский край, на остров Соломбала. Вернувшись из ссылки в 1934 году, служил в Житомире, в Свято-Николаевском храме. 29 ноября 1937 года был снова арестован и осужден на 10 лет за призывы к организованным выступлениям против закрытия церкви. Ему шел 57-й год, он был инвалидом III группы, страдал сердечной астмой, болезнью желудка и имел физический недостаток руки. В марте 1939 года его привезли в Житомир из Лебединской тюрьмы Харьковской области, но без допросов и объяс-

нений через два месяца вернули в Харьковскую тюрьму, а в сентябре отправили в Усольлаг города Соликамска, где, по всей вероятности, он умер.

Другой ревностный труженик на ниве Христовой и член Братства протоиерей Илья Николаевич Николаев родился 20 июля 1873 года в городе Овруч в семье священника. В 1895 году окончил Волынскую духовную семинарию, работал в Житомирском духовном училище воспитателем. В 1901 году принял священный сан и 30 лет прослужил в селе Крошня Житомирского уезда. Был членом Союза Русского Народа. Пользовался авторитетом и уважением. Вместе с дочерью-инвалидом Лидией вошел в состав Братства. Арестован 17 марта 1931 года. На следствии утверждал: «Знаю одно, что главной целью деятельности братства была благотворительность, и она проводилась через церковь». 13 ноября осужден и выслан в Северный Край на 3 года. По возвращении служил в Свято-Николаевском храме Житомира, но также приезжал в село Крошню и служил в уже закрытом храме нелегально. Второй раз арестован перед Пасхой вечером 15 апреля 1938 года, когда прибыл на Крошню для совершения пасхального богослужения. О его аресте вспоминает Лидия Диомидовна Рудович: «Отец Илия был седобородым и голубоглазым и очень добродушным. В то голодное время он всегда чем-то угощал нас, детей. Когда о. Илию арестовали, то первый раз допрашивали его в клубе с истязаниями. Люди, узнав о его аресте, сбежались в клуб, это было как раз в 12 часов ночи. Батюшка вынул из кармана крашенку и сказал народу: "Христос Воскресе!" Это было очень трогательно. Его повели под конвоем, избивая прикладами».

Священник Илья Николаев обвинялся в том, что «он является активным участником антисоветской монархической организации, в состав которой завербован епископом Филаретом (Линчевским), по заданию послед-

него группировал антисоветские элементы, которые подготавливал к вооруженному восстанию против советской власти». Был подвергнут пыткам и вынужденно подписал ложные обвинения.

10 мая 1938 года тройкой НКВД приговорен к высшей мере наказания. На шестьдесят пятом году жизни, 3 июня 1938 года, священник Илия Николаев был расстрелян.

Ярким и в высшей степени замечательным братчиком был поэт Константин Константинович Роше. Он родился 29 декабря 1849 г. в Санкт-Петербурге в семье военного инженера, впоследствии ставшего надворным советником. Дед К. Роше, профессор Военно-инженерной академии, изобрел цемент, на основе которого были построены форты Кронштадта. Практически всю жизнь прожил в Житомире. После неурожайных годов на Поволжье и Волыни активно участвовал в собирании средств и устройстве столовых для голодающих. В своих стихах тех лет он недоумевал: почему его соотечественники так бесчувственны. Зная о народном горе, продолжают жить, как ни в чем не бывало, устраивают балы, едят, пьют. В Житомире К.К.Роше пользовался неизменным уважением и доверием – в течение 15 лет был избираем почетным мировым судьей, из них 12 лет бессменно. В 1893 году назначен представлять правительство по крестьянским делам Волынской губернии. В 1904 году возведен в чин статского советника за устройство крестьянской жизни. Во время Первой революции 1905–1907 годов с риском для жизни лично выезжал в восставшие села Волыни для прекращения беспорядков. К.К.Роше отличался скромностью и нестяжательностью. Состоял в переписке с известными поэтами и общественными деятелями России. Писал музыку и стихи, в 1906 году в Санкт-Петербурге издал свой поэтический сборник «Поэма души». Взял на воспитание Александра Гликберга, впоследствии приобретшего известность как поэт Саша Черный.

В 1918 году стал одним из учредителей и активным членом Братства. Скончался 26 февраля 1933 года.

Почитаемый в Житомире и поныне протоиерей Иоанн Серов родился в 1875 году в Орловской губернии. В течение 10 лет воспитывался в Глинской пустыни. В 1907 году рукоположен в сан диакона, в сан священника рукоположен священномучеником Фаддеем (Успенским) в 1919 году. В 1923 году вступил в Братство и возглавил братский хор. Его арестовали в 1931 году и этапировали в Архангельскую область. В 1938 году, когда он вернулся, его снова выслали за пределы Житомирской области. Отец Иоанн отличался кротостью и смирением. Он оставил обширный дневник, где ярко и точно описал три дореволюционных монастыря, а также дал потрясающую картину гонений на Церковь после революции. Отцу Иоанну, единственному из священнослужителей, суждено было вернуться в Житомир после высылки в 1938 году. Скончался он 10 февраля 1959 года и похоронен на Русском кладбище.

Одним из самых мужественных и стойких священников, состоявших в Братстве, был протоиерей Юлиан Павлович Красицкий. Родился в 1882 году в селе Михайлово Овручского уезда в семье священника. В 1909 году рукоположен во иерея. С 1914 по 1917 год служил полковым священником на Западном, а затем на Турецком фронтах. Февральский переворот он встретил в городе Трапезунде. С 1917 года отец Юлиан вернулся в Житомир и служил священником в Кресто-Воздвиженском храме. В 1922 году за сопротивление изъятию церковных ценностей вместе с владыкой Аверкием (Кедровым) был осужден на год и шесть месяцев. Дома на полном попечении братчиков остались прикованная к постели больная жена Мария и трое маленьких детей. Из тюрьмы отец Юлиан вышел по амнистии; к этому времени обновленцы выгнали семью из священнического дома и захватили Кресто-Воздвиженский храм.

Протоиерей Юлиан вел упорную борьбу с обновленцами и украинскими самосвятами, за что в один из вечеров сотрудники ГПУ совершили на него покушение, но в темноте не разобрались и убили находившегося рядом иеромонаха. Детей постоянно травили за «неправильное» происхождение. В 1924 году он был в числе пяти священнослужителей, которые под руководством епископа Максима (Руберовского) смогли отстоять епархию от нападения обновленцев. В 1931 году отец Юлиан снова арестован и сослан на три года в Архангельский край. За ним последовала матушка с младшей дочерью. После окончания срока не имел крова над головой и жил случайным заработком в разных городах. Умер в 1948 году.

Монахиня Анастасия (в миру Хиония Николаевна Ящинская) родилась в 1884 году в селе Турчинка Житомирского уезда в семье священника. Она была одной из учредительниц Братства, с 1926 года – казначей: осуществляла сбор и учет средств для гонимого духовенства, за что в марте 1931 года была арестована и осуждена на три года.

Ее брат Кузьма и сестра Антонина были также учредителями Братства. Антонину Ящинскую арестовали 5 января 1935 года за социальное происхождение, за «активную нелегальную деятельность» и за то, что последние шесть лет княгиня Оржевская жила в ее доме. Дальнейшая судьба ее не установлена.

Монахиня Ольга (в миру Ольга Михайловна Лукашова) родилась в 1887 году в селе Лесное Санкт-Петербургской губернии в семье военного. С 1914 года – послушница Городищенского Рождество-Богородицкого монастыря неподалеку от Шепетовки. После закрытия монастыря в 1923 году епископ Аверкий (Кедров) постриг ее в монашество. Арестовывалась в 1935-м, затем в 1937-м – за связь с духовенством и систематическую контрреволю-

ционную пропаганду. Ее также обвинили в том, что она «была тесно связана с репрессированными епископами, руководителями контрреволюционной организации “Николаевское братство” Кедровым Аверкием и Остальским Аркадием, которым систематически оказывала материальную помощь». Осуждена на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. В 1945 году за исповеднический подвиг была награждена Святейшим Патриархом Алексием I (Симанским) наперсным крестом. Доживала в Житомире в подвальном помещении, зарабатывая на жизнь рукоделием.

Бессменная староста Братства – Ольга Михайловна Комарчук. Отличалась деятельным характером, организовывала сборы средств для репрессированных священников и тех, кто лишился приходов. Умерла на 93-м году жизни.

Наталья Михайловна Хомякова – соузница священномученика Аркадия. Родилась в 1876 году в Варшаве. В 1922 году осуждена «за распространение послания Патриарха Тихона о церковных ценностях». Скончалась 28 мая 1928 года в Житомире на 52-м году жизни.

Учредитель братства София Зиновьевна Каррик родилась в 1889 году в селе Гораево Ломжинской губернии (Польша). Накануне Пасхи в ночь с 17 на 18 марта 1931 года ее арестовали. Протоиерей Иоанн Серов вспоминает в своем дневнике: «Когда нас поменьше стало в партии, то среди нас уже можно было узнать знакомых, и я, между прочим, увидел мою духовную дочь, а теперь соузницу, Соню Каррик. Когда я увидел ее, то в моей груди что-то как бы загорелось и сердце наполнилось какой-то непонятной радостью. Я не выдержал и полугромко крикнул: “Сонечка, Христос Воскресе!” Она, как серна, сорвалась с места, подбежала ко мне с ответом “Воистину Воскресе!” и обняла мою шею со слезами

и словами: “Батюшка, как Ваше здоровье?..” Но тут же <...> нас ввели в здание тюрьмы, и я с ней расстался». София Каррик была выслана в Курск, где ее следы теряются.

Неонила Павловна Авхукова родилась в 1886 году в селе Литки Подольской губернии в семье почтового чиновника. Почетная гражданка Житомира. Была в хороших отношениях со священномучеником Прокопием (Титовым). В канун Пасхи, 17 марта 1931 года, арестована за «участие в контрреволюционной организации, ведение антисоветской агитации». На следствии держалась мужественно.

В 1938 году были расстреляны братчики: штабс-капитан С.А.Зыков (с 1931 по 1934 год отбывал срок в Котлаге) и профессор, заведующий туберкулезным диспансером Виктор Викторович Гинце.

О других братчиках известно совсем мало.

В 1927 году братские храмы были закрыты. Председатель Братства Н.И.Оржевская хлопотала в Харькове о передаче верующим Свято-Покровского храма, но безуспешно. Братчики вынужденно перешли на нелегальное положение и переместились вместе со священниками Иоанном Серовым и Юлианом Красицким в Иаковлевскую церковь, расположенную на Русском кладбище Житомира. Неподалеку от храма поселилась часть братчиков. Один из домов полностью принадлежал им. Все жили единой общиной, проводили совместные трапезы, и по четвергам и пятницам совершались богослужения в кладбищенской церкви специально для братчиков. Собирали и отвозили помощь ссыльному духовенству и их семьям. В 1931 году Н.И.Оржевская ездила к владыке Аркадию (Остальскому) в лагерь на Соловки, а в 1933 г. спасла от голодной смерти семью протоиерея Юлиана Красицкого, находившегося в то время в ссылке.

По некоторым сведениям, в годы Великой Отечественной войны Братство стало снова возрождаться, но власти озаботились тем, чтобы Свято-Николаевское братство больше уже никогда не существовало в Житомире.

*XVII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ:
Материалы.
Том 1. М. 2007*

НАСЛЕДИЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

В настоящее время мы переживаем огромное количество разнообразных кризисов – культурные, политические, экономические и прочие. Но самый страшный из всех возможных – это кризис нашей идентичности. Мы усомнились в своем первородстве, в своем историческом предназначении, в уместности своего нахождения в мире богатых и успешных. Языческий культ успеха, овладевая нашими умами, предлагает другую систему ценностей, не совместимую с христианским мировоззрением.

Русский философ Владимир Соловьев говорил о том, что важно не столько то, что думает человек о себе и об историческом предназначении своего народа во времени, сколько то, что задумал Всемогущий Господь в вечности. Несомненно, Херсонес является сакральной точкой славянского мира, местом, где античность и византийская цивилизация встретились с Киевской Русью, где, по преданию, равноапостольный князь Владимир принял крещение и, крестив свой народ, оплодотворил его Вечностью. В течение тысячи лет русские святые молитвой и подвигом вплетали в национальную душу небесные нити истинной веры, тем самым помогая нам стать субъектами не только земной истории. Из поколения в поколение лучшие сыновья нашего народа – святые князья, преподобные, философы, писатели, верные

Святой равноапостольный князь Владимир

чада Русской Православной Церкви, вплоть до великого сонма новомучеников XX века, преодолевая внешние сумерки, отстаивали русский мир. Всей своей жизнью и даже смертью люди разных этапов русской истории подтверждали духовный и цивилизационный выбор, сделанный однажды князем Владимиром. На каждом историческом повороте небесными и земными скрепами они удерживали русскую реальность как духовный выбор и историческую принадлежность. И это было не что иное, как подтверждение своего первородства, особое служение Христу и Его Церкви на всех уровнях национального и культурного бытия.

Опыт нашего времени указывает на то, что мало победить в великой и кровопролитной войне. Надо еще осознать эту победу и главное – ее удержать. Мы видим, как солнечную Победу 1945 года, дарованную Богом нашему народу, пытаются оболгать, унижить или вообще отменить как небывшую. Достаточно прислушаться к истерическим заявлениям, доносящимся из близкого зарубежья. Если лучшие из лучших сыновей нашего народа подтверждали духовный и цивилизационный выбор князя Владимира в течение тысячелетия, то киевские горе-реформаторы решили изменить историческую парадигму в пользу новых европейских ценностей, тем самым предложив иной сценарий, отличный от нашего опыта восточно-христианской цивилизации. Надо отметить, что новые европейские ценности, такие как ювенальная юстиция, однополые браки, эвтаназия, цель оправдывает средства и прочие, находятся в непримиримом противоречии с ценностями старой христианской Европы, ее великой культурой, философией и наукой. И если бы киевские оппоненты великого князя и его наследия искали диалога со старой Европой и ее представителями, это было бы еще понятно, но в том-то и ужас – киевская элита увлекает свой народ в духовную бездну. Разрыв с русским миром, восточно-христианской цивилизацией есть не что иное, как отказ от своего первородства и великого наследия, от своего призвания и миссии.

Ложь и подмена, манипуляция человеческим сознанием стали нормой, угрожающей национальной и духовной безопасности великой цивилизации. Трагический опыт ушедшего столетия, во многом уникального, показал, что главным богатством нашего Отечества являются не материальные ценности, деньги или товары, даже не уникальные территории с армией и оружием, а люди. И в первую очередь те, кто был способен оста-

ваться человеком даже в нечеловеческих условиях. Но если люди начинают деградировать, их души и сердца уклоняются от Бога, становясь холодными и неспособными к жертвенному подвигу и состраданию, то никакие общественные институты и «права человека» не сделают государство крепким, не смогут вернуть ему былого величия.

Мы знаем, что героем является не тот, кто ощутив дух времени, может сделать убедительные заявления или продемонстрировать выразительные жесты, но тот, у кого внутри есть недвижимый центр, не подчиненный сиюминутным целесообразностям. И если этот центр, обратившись к небу, соприкасается с Божественной благодатью, которая освящает будущее души и тела, человек становится причастным к Вечности. В конечном счете внимания заслуживает не то, чем обладает человек, – имущество, интеллект или физические данные, но то, насколько он может, проигнорировав запреты и препятствия, внутренне и внешне соприкоснуться со Христом.

Только действие не нуждается в алиби! И мы видим, как поступок святого князя Владимира отозвался в сердцах миллионов и продолжает жить в нашей истории. Некогда Петр Первый «прорубил окно» в Европу, что в значительной степени повлияло на облик истории и культуры нашего Отечества, вызвало к жизни новый тип человека с европейскими идеями и предпочтениями. Новые обстоятельства рожают новые смыслы, и с ними лицом к лицу столкнулся русский мир в прошлом столетии. Совсем недавно мы стали чаще вспоминать о другом окне, прорубленном еще на заре нашей истории, – о Херсонесе, благодаря которому мы соприкоснулись с византийским миром и стали его наследниками. Мы должны прибегнуть к анамнезису – историко-культурному механизму припоминания своего прошлого,

которое нас соединяет не только с европейской культурой, но в первую очередь с византийской, а через нее с классическим греко-римским миром. Другими словами, у нас есть связь с классическим греко-римским миром, и европейское посредничество в течение долгого времени, как мы видим, небезальтернативно. Во всех случаях с опытом европейского изложения античности мы уже знакомы, но посмотреть глазами святоотеческой традиции на классический мир нам еще предстоит. Без сомнения, такой угол зрения расширит наше сознание, поможет нам обрести новые смыслы и ощутить иное качество бытия, без чего мы не сможем в полной мере пережить свою сопричастность высшим началам и восстановить историческую преемственность.

Всякий раз, когда мы пытаемся сформулировать и выявить в современном культурном пространстве традиционные ценности, несущие конструкции нашей цивилизации через соприкосновение с тем исконно-бытийным, что их породило, мы становимся лицом к лицу с чрезвычайно важной задачей – утвердить основы своего бытия. Каждое поколение должно проходить своего рода инициацию и погружаться в священные пласты своей истории. Сейчас как никогда мы должны напрячь свою историческую память и совершить духовное усилие, которое поможет нам усвоить особые смыслы, отошедшие на периферию нашего сознания, и восстановить органическую связь с блистательным космосом восточно-христианской цивилизации.

Доклад прочитан в Севастополе на международной научной конференции «II Владимирские чтения», проходившей с 25 по 28 июля 2015 года в рамках празднования 1000-летия преставления равноапостольного великого князя Владимира

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ КРЫМСКОЙ ЕПАРХИИ

ХРОНИКА СОБЫТИЙ ДВАДЦАТОГО ВЕКА (1917–1961)

После таинственной самоликвидации Советского государства сквозь свинцовое небо мрачных предрассудков и суеверий лучи неотмирного света очертили ландшафт Святой Руси. И то, что казалось ушедшим в глубину веков – жизнь во Христе по Евангельским заповедям, – явилось пред нашим изумленным взором в новой немеркнувшей славе подвига новомучеников и исповедников, наполнивших Божественным смыслом ушедшее столетие.

В XX век люди вступили, не ощутив никаких перемен. Они продолжали наивно верить в ненарушимость законов развития и совершенствования, в господство разумных начал бытия, в нравственное улучшение человеческих отношений. И только неожиданно грянувшая в августе 1914 года война исказила физиономию европейского ландшафта и стала первым звеном в цепи потрясений, которые ввели мир и Россию в новое столетие. Люди стали объектом игры таких сил, которые в тысячи раз превышали возможности индивидуальной свободы. Но для проницательных реалистов было очевидно, что

разыгравшийся кризис, центр которого по разным причинам оказался в России, простирается далеко за пределы политических и экономических факторов, которыми он будто бы вызван, и в рамках которых, как нас убеждали многие десятилетия, он должен оставаться.

Очерченный внешним церковным благополучием в своем начале и конце XX век, трагический и великий, как и первые века христианской эры, явил гигантов духа и замечательных в своей духовной красоте героев веры, в настоящее время ставших для нас славой и гордостью Отечества.

За видимым благополучием империи скрывалась смертельная опасность для Русской Православной Церкви, о которой говорили святители Феофан Затворник и Игнатий Брянчанинов. Праведный Иоанн Кронштадтский предупреждал о грядущих потрясениях и трагических событиях. В 1907 году он писал: «Посмотрите, как мир близится к концу; смотрите, что творится в мире: всюду безверие, всюду хула на Создателя, всюду дерзкое самомнение и неверие, неповиновение; повсюду в мире вооружение и угрозы войною, во многих местностях России и в других странах острый голод; повсюду угрозы смертью, повсюду убийства, всюду расхищение казны и частной собственности; повсюду потеря стремления к высоким духовным интересам...»

И потеря идеалов, к сожалению, наблюдалась не только в среде интеллигенции и народа, но и в среде священства и духовных школ, призванных возвращать полноценных пастырей.

Ядовитый скепсис, нигилистические настроения и даже прямое неверие не прошли мимо Таврической духовной семинарии. Душевные пустоты заполнялись модными революционными идеями. Романтическое вольнодумство противопоставлялось официальному бюрократическому формализму и становилось сладостным и желанным для юных семинаристов. Подстрека-

Епископ Алексей (Молчанов)

емые запретной литературой и пьянящей свободой антиклерикальных идей, студенты не только говорили, но и действовали. В епархиальном постановлении от 2 января 1907 года говорилось о безрелигиозности, нецерковном и антидисциплинарном настроении студентов, в своем большинстве уклонявшихся от богослужений и домашних молитв, а также издававших подпольно атеистический журнал «Луч». Многие студенты бойкотировали благонамеренных соучеников и даже преподавателей.

Понуждаемый этими скорбными обстоятельствами, Таврический епископ Алексей (Молчанов) констатировал утрату духовно-нравственного влияния и прибег к последнему аргументу. На основании «революционного и нецерковного настроения большей части воспитанников Таврической духовной семинарии по благослове-

нию Святейшего Синода от 30 января 1906 года» закрыл семинарию и распустил всех учащихся.

Через некоторое время после изгнания семинаристам было предложено вернуться, предварительно дав письменное обязательство «отнюдь не допускать впредь ничего из выше описанного и вообще исполнять все правила семинарской дисциплины, подвергаясь при несоблюдении последних немедленному увольнению из семинарии».

Русская революция и порожденная ею гражданская война глухой неотступной болью отозвались во всех уголках великой России. Они стали источником неисчислимых нравственных и физических страданий, кровавых противостояний и великих потрясений для миллионов людей.

Крымскому полуострову в этой трагедии выпала особая роль. Газета «Южные ведомости» сообщала об отречении Николая II от престола.

В своем послании к пастве, опубликованном в Таврическом церковно-общественном вестнике № 8–9, архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе) 5 марта 1917 года писал:

«Совершилось. Тот, без воли Которого и волос не падает с головы нашей, положил предел царствования бывшего Государя. Бесчисленные губительные непорядки, допущенные бывшим правительством, крайне недобросовестно совершавшим свое служение, злоупотреблявшим властью, постоянно и искусно вводившим всех в заблуждение, повлекли за собой государственную разруху, расстройство во всех наших делах.

Нынешняя кровопролитная великая отечественная война ясно, до очевидности для всех обнаружила, что страна наша и русский народ стоят на краю пропасти, жадно раскрывшей пасть свою для поглощения нашего Отечества. Создалась эта ужасная бездна, и вер-

ховная власть вернулась к Русскому народу великому и пространством земли, и своей численностью, и духом, – устраивать на новых началах свою государственную жизнь. Совершилась воля Божия о новых судьбах Отечества нашего. Кто противостанет воле Его? (Рим. 9, 19)».

В тот же день обер-прокурору Святейшего Синода была послана телеграмма, подписанная архиепископом Димитрием (Абашидзе) и городским духовенством, корпорацией духовно-учебных заведений, служащими Консистории и другими церковными организациями Симферополя, в которой говорилось, «<...> единодушно считаем своим долгом просить вас, господин обер-прокурор, как представителя верховной власти в Св. Синоде, засвидетельствовать пред Временным правительством и Св. Синодом нашу верность Новому правительству и готовность все силы и все разумение свое отдать на служение Родине».

А в резолюции съезда духовенства и мирян Таврической епархии в мае 1917 года провозглашались новые отношения Церкви и государства. Всероссийский церковно-общественный вестник, № 48, сообщал: «Съезд духовенства и мирян Таврической епархии радуется освобождению Церкви православной от светской власти и приветствует свободу Церкви, не страшится отделения Церкви от государства, признавая это отделение высшим и идеальным выражением полной свободы Христовой церкви. Принимая же во внимание бытовые и национальные особенности русского народа, съезд не может с единодушной готовностью приветствовать отделение Церкви от государства на началах готовых западных образцов <...>».

Тогда же была отправлена телеграмма от духовенства и мирян князю Г.Е.Львову: «Епархиальный съезд духовенства и мирян Таврической губернии с полным

доверием приветствует Временное правительство в твердом убеждении, что оно укрепит за дорогой Родиной и Православной церковью основы давно жданных свобод, без которых государство и Церковь обречены на гибель».

С нескрываемым восторгом значительная часть крымского духовенства обратилась к А.Ф.Керенскому: «Идейный вождь трудовой России и воевода народной армии и флота Александр Федорович! Тебе вверена защита интересов трудящихся, тебе вверена защита родной Руси от жестокого врага демократии и мира. Стой же твердо, честный борец, за тобою идет вся трудовая Россия. Кликни клич, Минин земли Русской, – мы же, клир и миряне Тавриды, приветствуем в лице твоём армию и флот, несем тебе всю утварь, все золото и драгоценности Церкви и все, что имеем, а ты, впериw очи орлиные, зорко блюди интересы государственной свободной Руси».

И далее «Южные ведомости» сообщали: «Разоружены чины полиции и участки полиции. В разоружении принимали участие воинские части 32-го и 34-го запасных полков под руководством прапорщиков Александрова и Шнейдера». В свою очередь симферопольское духовенство, как писал «Крымский вестник», без протестов и возражений 19 апреля привело граждан и воинские части города к присяге «на верность Российскому государству и Временному правительству», по всей вероятности, не подозревая, что это первый шаг навстречу другим правителям, которые не будут нуждаться ни в чьих благословениях.

Пресс самодержавной власти приподнялся, узы самоограничения ослабли, и пьянящий воздух свободы овладел умами толпы. Большой митинг возле памятника Екатерине II чуть было не закончился попыткой опрокинуть «ненавистную императрицу». 18 мая Исполнительный Комитет Совета рабочих депутатов признал необ-

ходимым арестовать и держать под стражей всех лиц, которые по своей прошлой дореволюционной деятельности могли представлять опасность для нового строя, но их инициативу пока никто не поддержал.

В воздухе пахло кровью... Очевидец событий вспоминал, как в Симферополе на углу Пушкинской и Екатерининской улиц у аптекарского магазина Лютца митинговала толпа, и по этому поводу процитировал Пуришкевича: «С красным знаменем вперед обалдело прет народ!»

В чаду демагогии о свободе из мрачных глубин на поверхность поднимались огромные силы разрушения и упраздняли естественные, как думалось прежде, ограничения и запреты. «Дьяконы и псаломщики г. Симферополя и псаломщики-солдаты местного гарнизона, собравшись на местное собрание, решили объединиться в союз, имеющий цель защиты их материальных и правовых интересов», – сообщали «Южные ведомости». В учебных заведениях прошли забастовки.

В начале ноября, как сообщала газета «Прибой», в город вошли вооруженные матросы. Сильному пулеметному и оружейному огню подвергся кафедральный собор и ряд домов. Начались поиски оружия и офицеров. В это же время рабочие свечного завода начали бастовать, требуя повысить зарплату, чего и добились после долгих переговоров.

Стали появляться вопиющие случаи кощунства. Так, в ночь с 4 на 5 октября был осквернен и ограблен кафедральный Александро-Невский собор. Все, что находилось на престоле, было разбросано, Святые Дары рассыпаны, сторож Ф.Рыжов убит.

Трагически оборвалась жизнь бывшего нижегородского архиепископа Иоакима (Левицкого). Его нашли повешенным на своей даче неподалеку от Севастополя.

Священник Исакий Попов был удушен в своей квартире злоумышленниками.

Священномученик Иоаким (Левицкий)

Протоиерей Иоанн Углянский, настоятель Покровского храма села Саблы, 14 января 1918 года был убит пьяными матросами. По-революционному встречая новый год, перепившись, они наутро забрали священника и, не предъявив никаких обвинений, расстреляли на краю села. И почти две недели под угрозой расправы запрещали родственникам хоронить убитого. Только 28 января тело священника было перевезено в Симферополь и отпето архиепископом Таврическим Димитрием (Абашидзе).

В тот же день, когда был убит священник Иоанн Углянский, у владыки Димитрия произвели обыск, вероятно, в поисках материальных ценностей. «Все взламывалось и вскрывалось. В архиерейскую церковь бандиты вошли с

папиросами в зубах, в шапках, штыком прокололи жертвенник и Престол <...> Епархиальный свечной завод был разгромлен, вино выпито и вылитое. Всего убытка причинено более чем на миллион рублей».

По случаю мученической смерти протоиерея Михаила Чефранова архиепископ обратился к своей пастве с посланием:

«Пастырям и пастве Таврической епархии.

19-го сего декабря, вечером, когда мы – православные христиане, во святых храмах воспевали празднественные восхваления Богомладенцу-Христу, нас ради родившемуся в Вифлееме, и к радостным песнопениям священные гимны в память богоносца священномученика, мужа апостольского Игнатия, Епископа Антиохийского, кровью своею засвидетельствовавшего истинность веры Иисусовой, по стогам града Севастополя вели узника, нашего сопастыря и сомолитвенника, священника военной Свято-Митрофаниевской севастопольской церкви отца Михаила Чефранова <...> и, выведя его за город, расстреляли. Казнившие отца Михаила не предъявили к нему никаких обвинений, кроме того, что осужденный ими на смерть когда-то напутствовал Святыми Тайнами осужденных же на смерть военно-гражданскою властью матросов, то есть обвинили отца Михаила за верное исполнение им священного своего долга. Убили отца Михаила, не внявши его увещаниям! Убили старца-иерея, убеленного сединой, наподобие Игнатия Богоносца! Почил наш старец сопастырь с молитвой на устах о прощении грехов убивавшим. Честное тело его, этого нового мученика, убийцы скрыли, по крайней мере, до сих пор оно не найдено! Бесконечно скорбя о русских людях, которые не убоялись пролить невинную кровь иерея Божия, горько оплакивая пред Господом грех, содеянный сынами же православного народа, и страшась кары Божией за это, страшась, чтобы Господь не отверг

бы нас окончательно и не остались бы мы в бездне гибели, спешу обратиться ко всем моим сопастырям, сослуживцам, чадам моим в Дусе Святе, дабы усилены были повсюду святые молитвы о смягчении сердец русского народа, о даровании им мира и братской любви, водворении в стране нашей спокойствия и тишины.

Глубоко опечаленный преждевременной и насильственной кончиной незабвенного отца Михаила, я обязан о Господе приветствовать Богом вверенную мне Таврическую паству с новым мучеником Христовым. Таврида имеет много древних свидетелей Иисусовых, теперь она приобрела в лице убиенного иерея Михаила еще одного нового исповедника Христовой Правды, убелившегося своею кровью и очищенным представшего пред Лицом Отца Небесного для присного ходатайства за род русский. Будучи уроженцем Курской земли, в Бозе почивший отец Михаил оказался верным последователем преданий своей Родины, примкнув к чину преподобного Феодосия Печерского, Святителя Христова Иоасафа Белгородского и Саровского Чудотворца Серафима. Глубоко верю, что имя честного священномученика пресвитера Михаила с великими благословениями будет передаваться из рода в род, что Православная Христова Церковь с любовью будет возносить его имя в святых своих молитвах.

Возблагодарив Господа за дарование нам нового мученика, мы – тавричане, особенно горячо должны поминать в своих к Богу молитвах имя отца Михаила, дабы сильнее и сильнее продвигать блаженный дух его к молитве за нас и за наше земное Отечество пред Престолом Божиим, пред которым он, отец Михаил, наш родной страдалец, по слову тайнозрителя святого Христова Апостола Иоанна Богослова (Апок. VII, 9, 10, 14–16; VI, 9, 10, 11) предстоит ныне. Твердо убежденный, я выступаю выразителем всеобщего желания приходов вверенной

мне Таврической епархии, предлагаю всем настоятелям и настоятельницам монастырей внести имя почившего отца Михаила в церковные диптихи и вечно помянуть его – это долг наш пред священником-мучеником, в стране нашей явившим славный и благоприятный свой подвиг.

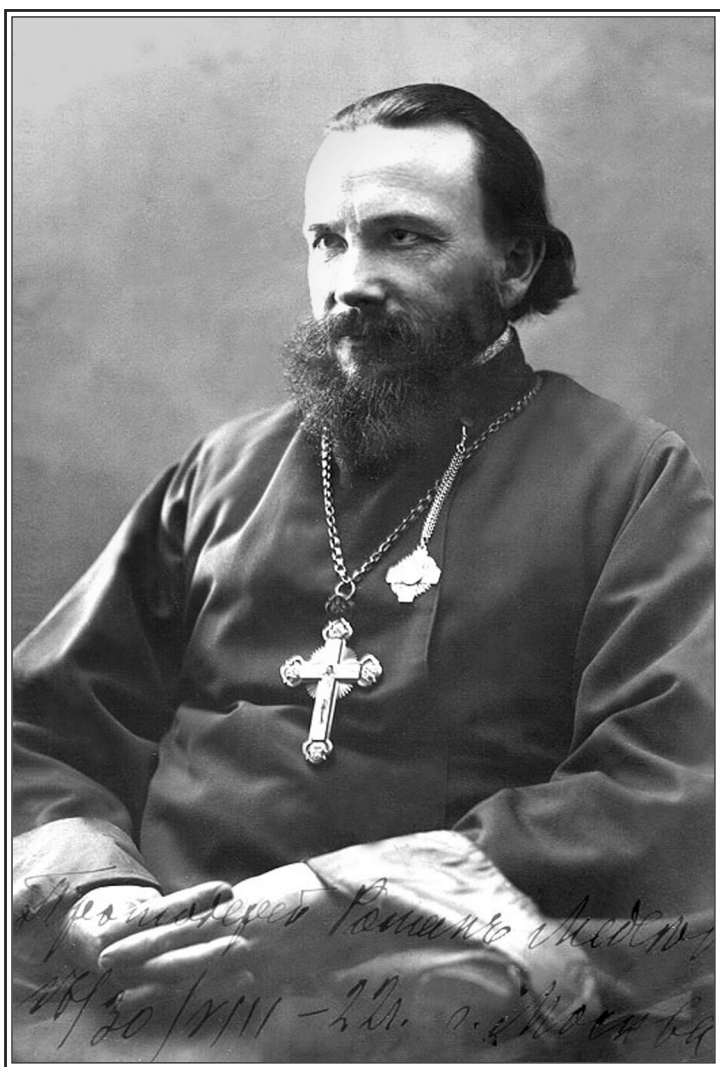
*Димитрий, архиепископ Таврический
и Симферопольский*
30 декабря 1917 года
гор. Симферополь».

Это злодеяние произошло еще до окончательного захвата большевиками власти в Крыму и стало широко известно. На заупокойной литургии в храме Московской духовной семинарии 31 марта 1918 года святой Патриарх Тихон в сослужении архиепископов Симбирского Вениамина (Муратовского), Могилевского Константина (Булычева), епископов Астраханского Митрофана (Краснопольского), Камчатского Нестора (Анисимова), десяти архимандритов и многих священников молился об упокоении новомучеников российских, в том числе и пострадавших в Крыму.

Попытка расправиться с благочинным береговых команд Черноморского флота протопресвитером Романом Медведем, священником Свято-Владимирского адмиралтейского собора, оказалась неудачной. Любимец всех верующих, он был своевременно предупрежден и после Рождественской службы, не заходя домой, уехал в Москву, где был с любовью принят Святейшим Патриархом Тихоном*.

Масштаб происходящего не вмещался в сознание, попытки отреагировать безнадежно запаздывали, и только летом, после того как 1 апреля 1918 года была кон-

* В течение 10 лет он трудился как добрый пастырь в Севастополе, после вынужденного отъезда в столицу создал замечательное братство. Был репрессирован. На Юбилейном соборе 2000 года причислен к лику святых.

Священноисповедник Роман (Медведь). 1922 г.

фискована Духовная консистория, во всех храмах стали читать молитву об устройении церковной жизни. Душевные силы растворялись в страданиях, которые запечатлевала потрясенная память современников.

После занятия Крыма германскими войсками «Таврические епархиальные ведомости» в сообщении о чествовании в мае 1918 года священника ялтинского Александро-Невского собора отца Николая Владимирского приводили воспоминания очевидца событий 8–15 января 1918 года во время боев за Ялту: «Невозможно описать ту скорбь, то страдание, которое переживали люди! Ужас смерти соединил и сделал равными всех. Здоровые и больные, старики и дети, слабые и сильные духом одинаково скрывались, подобно древним христианам, гонимым язычниками, и искали защиты, спасения и утешения в слезах и молитвах, в исповеди и причастии Святых Таин. Ежеминутно готовые принять смерть, они с верою внимали словам отца Николая, спокойно и бесстрашно, как и в мирные дни, проводившего богослужение в храме, наполненном беженцами из окружающей собор части города.

Кто побывал в нем в эти дни хоть раз, навсегда запомнит эту скорбную полутьму каменного храма, пол которого был устлан постелями, заставлен креслами с больными, табуретками, столиками, посудой, домашними вещами первой необходимости, рядом с которыми стояли гробы с еще не погребенными трупами. Нам никогда не позабыть <...> этих мучительных ночей, полных ожидания смерти, этих захлебывающихся от кашля и мокроты больных, этих немощных стариков и обессилевших детей, задыхающихся в спертom воздухе переполненного людьми храма, этих покойников, под гробы которых за теснотой собирались живые, завидовавшие мертвым».

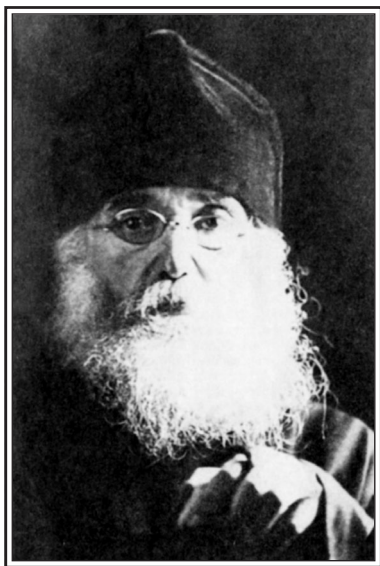
Трудно было представить, что это всерьез, надолго и впереди ожидают не менее страшные потрясения.

В июне 1918 года по инициативе архиепископа Димитрия в Ялте на месте погребения людей, погибших в трагических событиях, продолжавшихся с 9 января по 30 апреля 1918 года, планировалось установить памятник-часовню для совершения заупокойных служб.

9 апреля 1918 года в своем послании «К православным жителям Симферополя» архиепископ Димитрий сокрушался о большевистских злодеяниях: «В эти ужасные дни мы пытались говорить, но нам не позволяли. Мы являлись к власти имущим, нас выпроваживали с насмешками. Всякая попытка к словесным и письменным мольбам о пощаде, жалости, милости пресекалась в корне. Люди, ставшие у кормила правления нашей землей, и те, кои, прикрываясь именем правительства страны, врываются в дома наши и производили вопиющие к небу беззакония, – объявили себя не имеющими ничего общего с Богом, считали себя даже открытыми противниками Христа и Его Церкви. Нам запретили писать что-либо в свое оправдание, когда на наши святые храмы была возведена явно грубая, несуразная и невежественная клевета о стрельбе из пулемета с наших колоколен. Мы только могли плакать и взывать к Господу сподобить нас участи наших духовных чад, мученически окончивших свое земное течение...»

Как известно, архиепископ Димитрий до конца жизни плакал и взывал ко Господу, оставаясь свидетелем мученических подвигов своих собратьев. Красный террор порождал белый, а белый, в свою очередь, красный. Люди оказывались в порочном круге, из которого не было выхода.

В апреле 1919 года по отступлении большевиков из Крыма в село Петровское Феодосийского уезда, где служил отец Георгий Александрович Русаневич, явился карательный отряд графа Татищева и стал выявлять сторонников советской власти, соответственно наказывая

Святитель Димитрий (Абашидзе).
Симферопольская тюрьма. 1923 г.

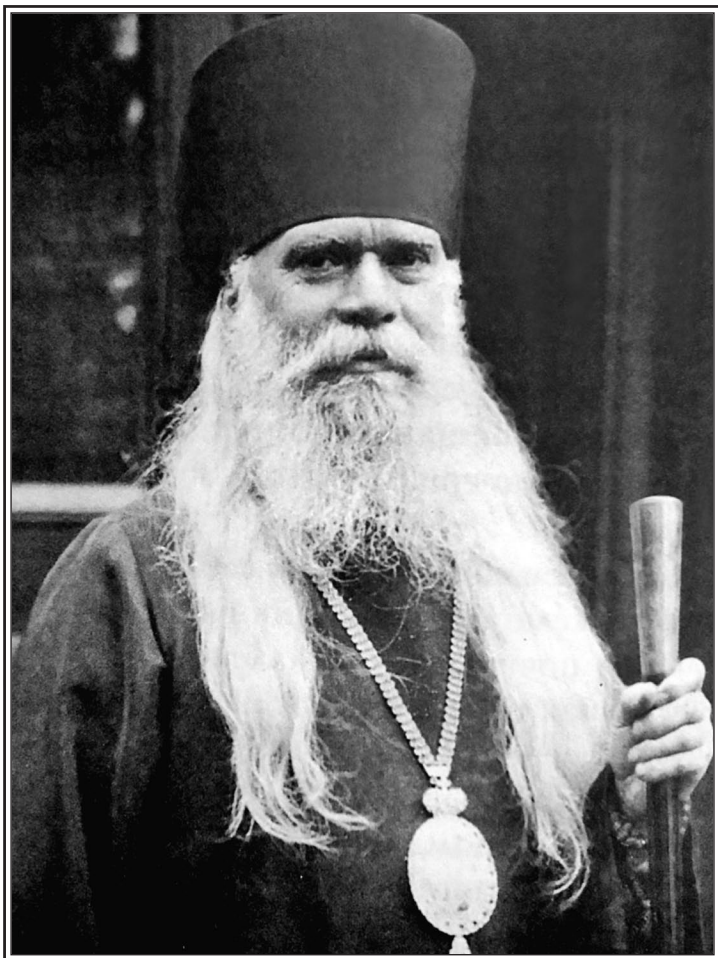
виновных. По возвращении большевики обвинили священника в соучастии в карательных операциях. 25 декабря 1920 года его судил отдел Военно-революционного трибунала 4-й армии при 3-й стрелковой дивизии в составе: председатель Курр, члены – Окунев, Скляревский при обвинителе Лавуте и защитнике Белявском. Дело рассматривалось на публичном заседании в театре «Иллюзион» в течение 48 часов, в результате 45-летний священник был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

Священник Владимир Иванович Веселицкий – настоятель храма великомученика Георгия Победоносца небольшого городка Армянска в степном Крыму был зверски убит в начале апреля 1919 года незадолго до Пасхи. Красноармейцы арестовали священника за то, что он спрятал от их расправы какого-то человека. По

свидетельству очевидцев, его отвели на пустырь, привязали к столбу и жестоко мучили, отрезали нос, уши... Во время истязаний отец Владимир пел «Свете тихий». После расправы тело священника бросили на площади и запретили хоронить. «Пусть его съедят собаки!» – был приговор уже убитому священнику. На следующий день перед заходом солнца православные жители Армянска положили истерзанное тело отца Владимира на телегу, прикрыли травой и соломой от посторонних глаз и похоронили на приходском кладбище.

Временное Высшее Церковное Управление на юго-востоке России под роковыми ударами исторических событий стало осознавать всю серьезность происходящего. И в первую очередь, хотя и с опозданием, обратило внимание на несовершенство духовных учебных заведений, переставших выпускать духовно целостных, готовых к пастырской деятельности студентов.

Профессора Киевской Духовной Академии П.Кудрявцев и И.Четвериков в августе 1920 года подали докладную записку ВВЦУ, в которой говорилось, что в целях оздоровления общества необходимо создать в Симферополе высшую духовную школу для «научного уяснения основ, содержания и значения церковно-христианского мировоззрения». В число слушателей предлагалось привлечь студентов Московской, Петербургской, Киевской и Казанской Академий, которые в это время находились на территории Крыма, а потом произвести новый набор. Но ВВЦУ сочло нецелесообразным открывать новую академию и брать из армии студентов. Предложение было отклонено с оговоркой, что можно поднять интерес к богословским занятиям и духовно оздоровить общество. Для этого преподавателям духовных учебных заведений Симферополя предложили с 15 сентября организовать

Святитель Серафим (Соболев)

на общественных началах бесплатные курсы для всех интересующихся богословскими вопросами и читать лекции в свободные от занятий дни, исключая каникулы, причем «уполномочить архимандрита Серафима (Соболева)* просить проживающих в Крыму профессоров духовных академий, университетов и преподавателей духовно-учебных заведений принять участие в этой деятельности по религиозно-нравственному просвещению и оздоровлению общества».

Как известно, из этого благого намерения ничего не получилось. Сила просьбы архимандрита Серафима, по всей видимости, оказалась недостаточно убедительной, а интерес к богословским наукам у широкой общественности не так высок, как представлялось. Горизонт возможностей стремительно сужался, и в поисках выхода из уже безвыходного положения ВВЦУ решилось обратиться к русскому юношеству с пламенными словами и сейчас остающимися злободневными.

Сославшись на Промысел Божий, который сделал «благородное русское юношество» свидетелями «величайших исторических событий», и осудив старшее поколение, «целиком втянутое в невероятный хаос в мыслях,

* Архимандрит Серафим (Николай Борисович Соболев) в 1919 г. не смог прибыть в Екатеринослав на должность ректора духовной семинарии, так как город был занят отрядами Махно. В связи с этим ему было предложено место ректора духовной семинарии в Симферополе, где 14 октября 1920 г. в кафедральном соборе он рукоположен во епископа Лубенского. В конце октября, когда Красная армия была в 30 км от Симферополя, епископ Серафим просил у архиепископа Таврического Димитрия (Абашидзе) благословения остаться в России. Но получил отказ: «...если с Вами случится что-то плохое, я буду страдать, что дал свое благословение». В этой ситуации было решено прибегнуть к жребию. После молитвы перед Курской Коренной иконой Божией Матери архиепископ вытащил листок с надписью «уезжать». 14 ноября 1920 г. на пароходе «Херсонес» епископ Серафим отплыл из Севастополя. Архиепископ управлял русскими приходами в Болгарии. 25 и 26 февраля 2002 г. в кафедральном соборе Успения Пресвятой Богородицы (Болгарской старостильной церкви) было совершено местное церковное прославление святителя Серафима (Соболева). 3 февраля 2016 г. он канонизирован Русской Православной Церковью.

Архиепископ Феофан (Быстров)

понятиях и взглядах», церковные иерархи призвали к активным действиям.

«...Но и вы сами, как уже сознательные люди, не должны и не можете более оставаться пассивными, будучи лишь объектом воспитания и образования. <...> Торопитесь же делать добро и скорей принимайтесь за дело. Группируйтесь вокруг ваших законоучителей и лучших наставников, к нравственному характеру коих питаете доверие. Организуйте христианские содружества учащейся молодежи, кружки целомудрия и трезвенности, работайте над развитием своего ума и укреплении воли в добре, нравственных подвигов в вашей юности, готовьтесь к великому поприщу будущего. Будьте уверены, что религиозно-нравственный закал, приобретенный в молодые годы, явится неисчерпаемым источником вашей духовной бодрости и неподкупного благородства в вашей деятельности в зрелые годы, когда всякого ожидают те или иные разочарования. А это обеспечит вам и личное счастье и сделает вас самыми полезными работниками для Родины. Не озирайтесь вокруг себя, почти ни в ком не видя доброго примера. Дайте вы сами пример будущим поколениям и покажите себя достойными нашей великой Родины, которая с любовью и упованием смотрит на вас в эти тяжкие дни испытаний».

Жизненные силы Добровольческой армии иссякали. Надежда на победу становилась призрачной, и по объективным причинам запоздавшее обращение к молодежи не было услышано. Было очевидно – без особой помощи свыше Крым удержать не удастся, а с его потерей шансы на возрождение прежней России перейдут в область чистой теории.

17 июля 1920 года ВВЦУ решило провести дни покаяния, как было заявлено, «в связи с необходимостью оздоровления тыла в религиозно-нравственном отношении». Дни покаяния были назначены на 14 сентября

Епископ Вениамин (Федченков)

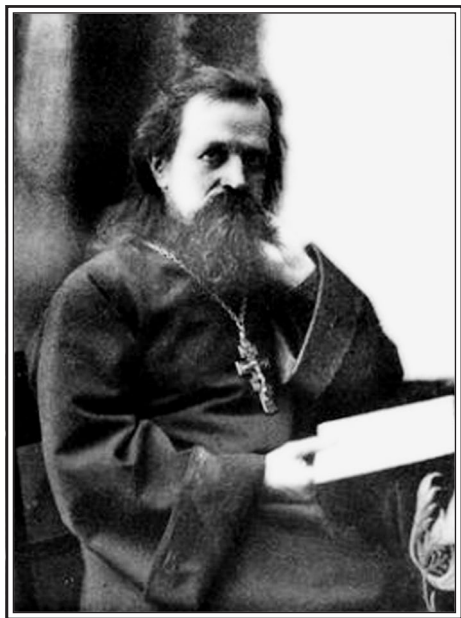
1920 года с предварительным трехдневным постом. В тех же местах, где распоряжение не будет получено своевременно, день покаяния предполагалось приурочить к празднику Покрова Божией Матери «с трехдневным постом <...> с тем, чтобы в эти дни во всех соборах и церквях, где не было совершено покаянное моление 14 сентября, то есть на Воздвижение Креста, был выполнен порядок богослужения, установленный ВВЦУ». Протоиерею Сергию Булгакову было поручено составить воззвание к народу и красноармейцам с призывом о покаянии и единении, а также «проект вероучительного определения о природе социализма», духовенству же готовить паству к этим особым дням.

Духовенство было обязано перед молебном 14 сентября прочитав во всех храмах Крыма послание ВВЦУ, специально для этого составленное архиепископом Дмитрием, архиепископом Полтавским Феофаном (Быстровым), епископом Севастопольским Вениамином (Федченковым) и графом Петром Апраксиным.

В возвышенно-эпическом стиле иерархи описывали ужасы, окружившие русский народ и погрузившие его в пучину кошмара:

«<...> Кровавые тучи сгустились над стонущей землей; глад, мор неистовствуют по градам и весям; черная печаль томит сердца; при жизни вкушаем мы горькую смерть. Где слава недавняя? Где былая сила? Где держава великая, православная твердыня? Растерзанная на части, она томится под игом неверных, глумящихся над миром православным. <...>

Осмердела земля наша, зачумлен воздух, омрачается свет солнечный гноем ран души нашей. Не по слабости только, но и по губительному обольщению согрешил перед Богом народ наш, ибо открыл уши свои ложным и тлетворным учениям сынов тьмы, отвернулся от Бога и поклонился идолам. Обольстители научили его по-

Протоиерей Владимир Востоков

клоняться себе самому в своих страстях и похотях, они внушили ему, что нет правды выше воли народной, и повели его от преступления к преступлению, от падения к падению. Свои изменчивые прихоти народ наш приучился считать за истину, своекорыстные вожеления признавать за высшую правду жизни и уподобился Навуходоносору, поклонившемуся себе как божеству, но пораженному безумием за безумие. И орудием гнева Божия над русским народом явились те самые лукавые лжеучители, которые лестью обманули его, чтобы затем поработить.

Первый великий грех русского народа в скорбные дни сии есть богоотступничество многих, ослабление духа ревности в вере, молитве, благочестии. <...>

Второй великий грех русского народа тот, что им овладел дух мятежного своеволия и бунта. <...>

Третий великий грех русского народа есть братоненавистничество, богопротивная и злобная партийность, дух разделения и раскола, которым обессилена и изнемогает русская земля. <...>

Четвертый великий грех русского народа есть служение мамоне, поклонение золотому тельцу. <...>».

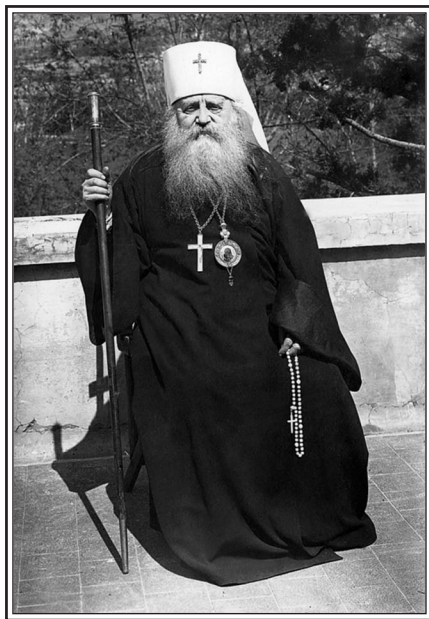
Перечислив грехи русского народа, составители послания призывали к покаянию и отвержению антихристовых соблазнов. Но надо заметить, что вышеперечисленными грехами еще раньше и в большей степени согрешили русская интеллигенция и власть имущая элита.

Ради покаянных дней была проведена амнистия.

Для поднятия религиозного настроения солдат и офицеров архиепископ Димитрий, как председатель Высшего Временного Церковного Управления, обратился к Главнокомандующему и начальнику управления внешних сношений с просьбой посодействовать возвращению к 14 сентября в Крым высокопочтимой чудотворной Курской иконы Знамения Божией Матери, вывезенной при эвакуации Курским епископом Феофаном (Гавриловым) сначала в Таганрог, а затем в Сербию. Популярная в то время газета «Крымский вестник» сообщила, что 14 сентября 1920 года, в понедельник, на пароходе «Цесаревич Георгий» икона из Сербии была доставлена в Севастополь. Для встречи образа к пароходной пристани в сопровождении войск с оркестрами пришли крестные ходы из всех севастопольских церквей. К пристани прибыли Главнокомандующий генерал П.Н.Врангель, члены правительства и масса народа. Икона в сопровождении епископа Курского Феофана с пристани была перенесена во Владимирский собор, а затем ее носили в лазарет для молитвенного утешения раненых воинов. Вечером епископы Вениамин и

Феофан совершили торжественную всенощную. После литургии на следующий день чудотворная икона была перенесена в Никольский собор, а затем в Михайловскую церковь, но постоянно она находилась во Владимирском Адмиралтейском соборе. 3 ноября чудотворный образ был перевезен из Севастополя в Ялту. Было также опубликовано распоряжение «О воспрещении на территории юга России в дни траура и молитвенной памяти убиенных и в смуте погибших, то есть 12, 13 и 14 сентября 1920 года, всякого рода публичных зрелищ и увеселений». Читались публичные лекции с попытками осмыслить происшедшее и дать ему надлежащую оценку. Газета «Великая Россия» 13 сентября (№ 111 за 1920 год) писала: «На великой равнине, захваченной хищными авантюристами, когда-то живые города белеют, как груды мертвых костей. Не звучат гудки заводов и фабрик, призывая к бодрой работе, станки опустели, рабочие разбрелись по бескрайним полям, по дремучим лесам и болотам. Не скрипят в кабинетах перья, не раздаются в аудиториях лекции, нет больше вольной работы ума, научной, художественной книги...»

Всероссийская смута, рожденная отречением императора, набирала силу, обнаруживая глубинные противоречия, просчеты и ошибки. И разумеется, никакие уже запоздавшие обращения к молодежи, обличения грехов русского народа, находившегося под большевиками, ни специально устроенные дни покаяния, которые не все приняли всерьез (евпаторийский голова просто их проигнорировал), не могли принести желаемого результата. Правильные мысли и слова не достигали цели; очевидно, надо было что-то делать, и в этом отношении показательна инициатива протоиерея Владимира Востокова, который предложил экстравагантный проект – крестный ход из Крыма через линию фронта в Москву, в Кремль. Митрополит Антоний (Храповицкий) был аб-

Митрополит Антоний (Храповицкий)

солютно прав, назвав эту инициативу «святой мечтой». Участник собора 1917–1918 годов протоиерей Владимир осенью 1918 года бежал из Москвы от большевиков на юг к Деникину, где создал «Братство Животворящего Креста». В конце 1919 года Востоков оказался в Крыму, здесь он выдвинул идею крестного хода, нашедшую много сочувствующих. Началась подготовка. Он объезжал города Крыма, выступал перед народом, говорил зажигательные проповеди о том, что в женщин с иконами и хоругвями красноармейцы стрелять не посмеют: «Несомненно, мы переживаем время особенно мистическое, когда сатана воюет на Христа, красный дракон – на Крест, безбожный интернационал – на Русь святую. Поэтому одних физических, военных средств

борьбы для победы над сатанизмом недостаточно, – для освобождения родины от сатанинского ига необходимо религиозное народное воодушевление, выраженное в определенном народном подвиге, увенчанном святым крестом». Напротив, солдаты под влиянием женских слез и молитв разойдутся по домам, примирятся с врагами, и их заблудшие мужья, отцы и братья возвратятся к мирной жизни. А они пойдут дальше, тихо и мирно до самой Москвы. Отпавших приведут к православию, и тогда настанут мир и тишина повсюду.

Благодушная фантазия протоиерея Востокова каждый день находила новых последователей, не желавших признавать очевидного. В сентябре 1920 года состоялось организационное собрание. Скептики-реалисты утверждали, что через линию фронта все равно не пропустят, и в дороге их никто кормить не станет. Но убежденные энтузиасты этого проекта начали всерьез готовиться к дальней дороге: шить мешки и запасаться сухарями. Слухи о крестном ходе ходили по всему Крыму, будоража умы легковверных и наивных людей. По некоторым данным, записавшихся было более 30 тысяч человек, в основном женщины.

Трезвые церковные люди разделяли веру во всепобеждающую силу Животворящего Креста, но за проектом наблюдали со стороны и от участия воздерживались. Они понимали, что вера без дел – мечтание, а дела без веры – идолослужение, и в сложившихся обстоятельствах, которые превышали человеческие возможности, не следует стремиться делать Божие дело, оставляя при этом Богу дела человеческие, и что спасительное крестоношение на самом деле будет иным – лишенным внешних эффектов и самоутверждающих жестов.

Проект отца Владимира был рассмотрен ВВЦУ в день его получения и признан неосуществимым. Несмотря на то, что благословение не было дано, 14 сентября 1920

Епископ Евлогий (Георгиевский)

года возле Александро-Невского собора в Симферополе собрались около 150 женщин с иконами и хоругвями и отправились к вокзалу, к Никольской часовне, куда должен был прийти отец Владимир Востоков. Но он не пришел. После тщетных ожиданий собравшиеся в конце концов разошлись. Сомнительный в практическом отношении проект протоиерея Востокова оказался достаточно символическим – вся православная Россия в скором времени в лице лучших своих представителей стала большим братством, несущим сквозь тягостные десятилетия свой крест.

В июне 1920 года по благословению Святейшего Патриарха Тихона с риском для жизни пересек линию фронта и прибыл из Киева в Симферополь архиепископ Нико-

Священномученик Никодим (Кротков). 1910 г.

дим (Кротков). Смирный и в то же время независимый перед сильными мира владыка Никодим был замечательным архиереем. Ему удалось, преодолевая сопротивление гетманской власти и бесчисленные трудности, успешно провести выборы Киевского митрополита, которым стал митрополит Антоний (Храповицкий). Вскоре он был арестован петлюровцами, вместе с владыкой Антонием и архиепископом Евлогием (Георгиевским) пережил польский плен, скитания и по прошествии девя-

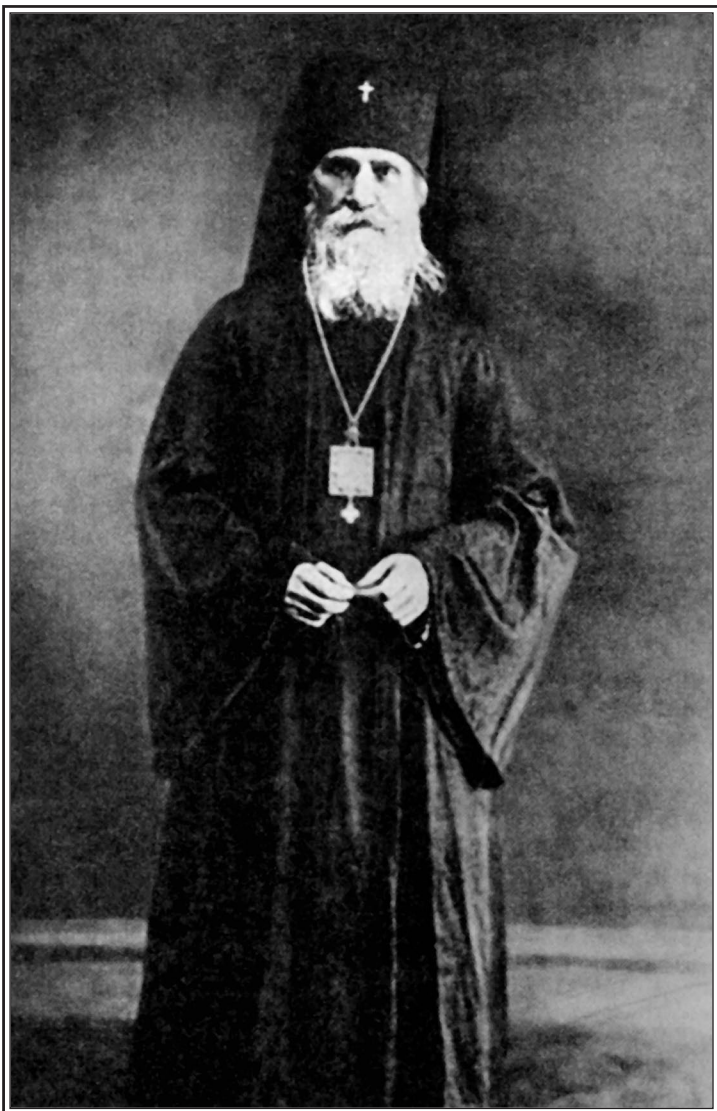
ти месяцев вернулся в Киев. В Крыму его ожидали новые испытания и скорби, конец которым настанет только с мученической кончиной.

Падение Перекопа тяжело и больно ударило по Белой гвардии. В который раз события опережали способность понять и вместить происходящее. Страшная лавина Красной армии бурным потоком ринулась в Крым. «Дашь Крым!» – звучало в каждой поднятой шашке, готовой обрушиться на правых и виноватых. Крымские дороги переполнились беженцами, устремившимися к морю.

14 ноября 1920 года под давлением большевиков Белая армия покинула полуостров, чтобы никогда не вернуться. А с нею ушли митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископ Евлогий (Георгиевский), архиепископ Феофан (Быстров) и другие. Ушли с несбыточной мечтой из безопасного далека вернуть ускользнувшую реальность русской жизни. Другие же приняли неумолимую жестокость обстоятельств и остались в Крыму, пошли навстречу своим страхам, обрекая себя на всевозможные злострдания.

Святитель Никодим не пожелал покидать Россию и вверенную ему священноначалием Таврическую епархию. Так же поступил архиепископ Димитрий (Абашидзе). По благословению Патриарха 21 августа 1921 года он ушел в заштат и поселился в Топловском монастыре недалеко от Феодосии, где власти разрешили ему оставаться не более года.

Архиепископ Никодим принял дела епархии и остался лицом к лицу с ожесточенными большевиками, решившими сорвать всю свою злобу на тех, кто косвенно или явно оказывал им сопротивление и посмел остаться в советском Крыму. Начался красный террор, весь кошмар которого пришлось пережить в полной мере и православным священнослужителям. Ужас перед расправой, абсолютная незащищенность перед новой властью

Священномученик Никодим (Кротков),
архиепископ Таврический

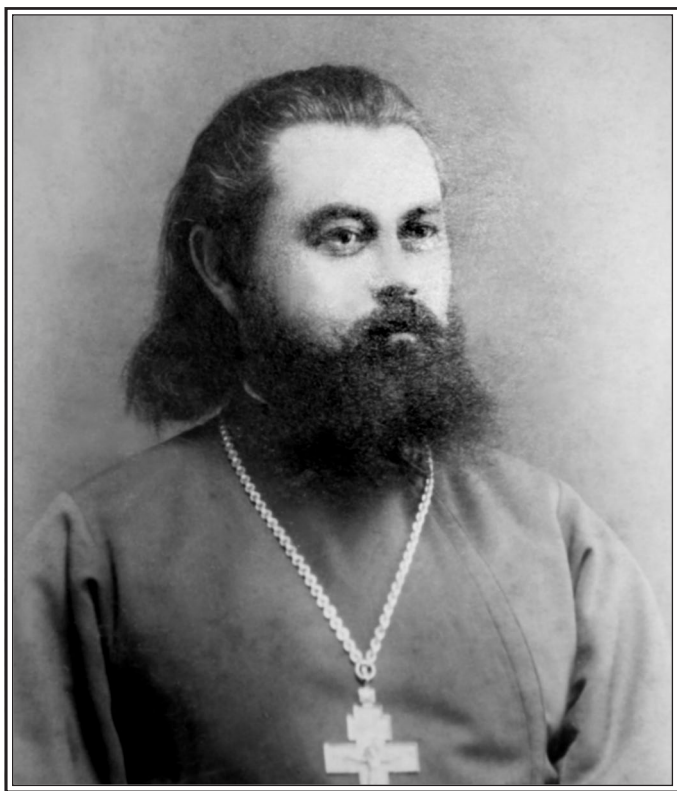
переплавляли сознание, страх насильственной смерти делал людей другими.

С особой жестокостью большевики проявили себя в Феодосии. Массовые расстрелы, как, впрочем, и повсюду, производились не за совершенные преступления против их недавно восторжествовавшей власти, а по факту предыдущей непрогрессивной или контрреволюционной жизни и деятельности. Так, 3 декабря были казнены священники Андрей Антименко, Димитрий Богословский, Андрей Животков, Иоанн Карманов, Андрей Красницкий, Павел Левицкий, Григорий Солодовников. Евлампий Щекин и миряне Александр Ушаков, полковники Николай Кожущенко, Николай Перекрестов, Евгений Болховский, Георгий Иноземцев и еще более 200 человек. Среди заложников кровавых событий оказался потомственный почетный гражданин Феодосии Ю.Г.Дуранте.

Так был казнен феодосийский протоиерей Андрей Косовский*. Энергичный и ревностный пастырь, любимец крестьян из ближайших деревень, он не избежал печальной участи многих собратьев. 7 декабря 1920 года, в день Престольного праздника Екатерининской церкви, его арестовали. Многочисленные коллективные просьбы социально близких власти рабочих и крестьян не возымели действия. 16 декабря чекист Ковалев на «деле» священника написал резолюцию: «Косовского, как врага РСФСР, изолировать от общества свободных граждан, предав высшей мере наказания – расстрелу». В тот же день священник был казнен.

В Симферополе, по улице Салгирной, 4, в 1921 году заседал специальный комитет, который занимался вопросами отделения Церкви от государства. 15 сентября союз приходских советов, организованный архиепископом Никодимом, выбрал своим председателем Никиту Павловича Митькина и вменил ему в обязанность «при-

* Причислен к Собору новомучеников Российских на Юбилейном Соборе Русской Православной Церкви 20 августа 2000 г. Память 3/16 декабря.

Священномученик Андрей (Косовский)

существовать в качестве ответственного представителя от всего православного населения Таврической епархии» на собраниях этого комитета. Но когда принимались важные решения, его голос в расчет не брался, и интересы православного большинства игнорировались.

В 1922 году Советская власть объявила об изъятии церковных ценностей, формальным поводом для которого был голод, охвативший Поволжье. Своей целью большевики ставили не столько изъятие само по себе

(они не сомневались, что ценности заберут во всех случаях), сколько уничтожение лучших представителей Русской Православной Церкви, в первую очередь, архиереев и священнослужителей. Надо сказать, что Церковь была уже ограблена в ходе осуществления Декрета от 20 января 1918 года, по которому не могла иметь банковских счетов и сбережений. Евхаристические сосуды, ризы на иконах были последними «материальными» ценностями. В марте 1922 года в секретном письме В.Молотову для членов Политбюро В.Ленин с впечатляющей откровенностью писал: «Для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету...» В письме давалось конкретное указание: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше».

8 марта 1922 года в «Известиях» был напечатан список «врагов народа», куда, по логике большевиков, попала лучшая часть российского духовенства. Одним из

первых был назван Святейший Патриарх Тихон. По всей России прокатилась антицерковная кампания так называемого изъятия церковных ценностей в пользу голодающих, подлинный смысл которой сейчас достоверно известен. Архиепископ Никодим пошел навстречу призывам власти и благословил приходам и верующим людям оказать посильную помощь голодающим. Но КрымЦИК, чтобы не отстать в столь важном революционном деле от центра, 30 марта издал указ, в котором всем православным храмам предписывалось в 36-часовой срок с момента получения циркуляра все ценности по имеющимся описям опечатать, сдать в Наркомфин и в течение шести часов сообщить о результатах выполнения этого беспрецедентного постановления. Ответственность за проведение циркуляра в жизнь возлагалась на представителей общины. Поскольку практически все храмы Крымской епархии за эти смутные годы в той или иной степени уже были обворованы или ограблены, предусмотрительные авторы этого циркуляра сделали дополнение, сообщавшее, что «лица, являющиеся хранителями церковных ценностей по своему юридическому или фактическому положению, будут привлекаться к ответственности наравне с совершителями краж». И даже «если они предоставят доказательства своей непричастности к кражам, их все равно будут привлекать за небрежное хранение ценностей». В примечании было сказано: «Пользующиеся церковным имуществом обязаны представить старые (до 1917 года) инвентарные книги, описи клиросных ведомостей, независимо от описей, предоставленных при заключении договора с местными Советами, а непредоставление, сокрытие или предоставление этих документов в испорченном виде служит основанием для привлечения виновных к судебной ответственности как за уничтожение или сокрытие указанных документов. Требование: а) опись в

трех экземплярах недвижимого и движимого церковного имущества, б) отдельно от указанной – опись в трех экземплярах инвентарного имущества, предназначенного специально для богослужебных целей».

Изъятие ценностей походило скорее на хорошо организованный, санкционированный грабеж. Не скрывая личной заинтересованности, представители власти хотели изъять все поскорее и всякий раз, наталкиваясь на технические трудности и народное сопротивление, откровенно злились.

С 20 по 24 июня 1922 года была проведена тщательная ревизия архиерейской канцелярии. Комиссия по изъятию, к своему удивлению, обнаружила, что канцелярии Таврического Епархиального совета уже нет и что таковая, согласно распоряжению от 21 ноября 1921 года, владыкой Никодимом закрыта, а вместо нее учреждена канцелярия Таврического епископа, которая именуется теперь канцелярией правления союза приходских церквей города Симферополя и в которой выяснить что-либо, другими словами, найти компрометирующий материал не представляется возможным. По оставшимся документам нельзя было сориентироваться в финансовом и материальном положении епархии, что было квалифицировано комиссией как пассивное сопротивление власти. В газетах и публичных выступлениях агитаторы и журналисты непрестанно упрекали правящего архиерея в том, что он сопротивляется изъятию и тем самым берет на себя ответственность за муки голодающих Поволжья. Энергичные, порой оскорбительные обвинения переходили в прямые угрозы физической расправы. Помимо председателя комиссии Еленева, возглавлявшего церковный отдел НКВД, и представителя ЦК Помгола Ковалева, в этом безобразии участвовал и симферопольский протоиерей Евгений Эндекa – в качестве представителя от инициативной группы «Жи-

вая церковь». Совсем недавно он, по его собственному выражению, «сменил вехи» и в газете «Красный Крым» стал призывать епархию не только отдать все храмовые ценности, но и пересмотреть церковные каноны. Его предложение не нашло сочувствия, и, чтобы рассеять недоумение, архиепископ Никодим 31 мая 1922 года устроил пастырское собрание с участием мирян – ученых богословов, куда был приглашен и протоиерей Евгений. В первый день Эндека из-за большого волнения среди присутствовавших отказался делать доклад, а на следующий день все собравшиеся еще до начала заседания были по чьему-то доносу арестованы. После этого протоиерей Евгений поехал в Москву для получения инструкций от столичных обновленцев. Вернувшись в Крым, он уже в качестве уполномоченного ВЦУ явился к архиепископу Никодиму с требованием передать ему управление епархией. Но архиерей не стал его слушать и сказал, что епархией будет управлять сам, согласно церковным канонам.

Разваливая епархию, чиновники от атеизма использовали живоцерковников как наиболее удобное орудие, с помощью которого, в первую очередь, хотели скомпрометировать и устранить любимого и авторитетного в народе архиепископа Никодима и его ближайшее окружение.

До сих пор владыке Никодиму всегда удавалось находить оптимальное, единственно правильное решение в казалось бы безвыходных ситуациях. Многоопытная мудрость сдержанного и осмотрительного архиерея помогла ему соблюсти интересы православного духовенства и мирян в невероятно сложных обстоятельствах. Прошлые владыки говорили само за себя, а обнаружившаяся «непокладистость» при изъятии церковных ценностей и решительное неприятие «Живой церкви» делало его в глазах новой власти принципиально нежелательным в Крыму. Владыка правильно оценил про-

исходящее и уже не сомневался в своем скором аресте. Пришедшие во власть безбожники использовали все административные ресурсы, чтобы по возможности быстро усадить на место канонического священноначалия послушных и управляемых обновленцев. Ситуация отягощалась еще и тем, что к этому времени обновленцы уже *de facto* овладели епархией, а владыка Димитрий (Абашидзе) находился под домашним арестом в Топловском монастыре. Архиепископу Никодиму необходимо было сделать безошибочный выбор и назначить преемника на случай своего ареста. Обсудить этот вопрос непосредственно со священноначалием не было никакой возможности, и они единомысленно с архиепископом Димитрием приняли решение рукоположить во епископа вдового протоиерея Александра Зверева, предварительно получив его согласие на столь рискованный для его безопасности шаг.

О личных достоинствах священника архиереи были высокого мнения и считали, что в сложившейся ситуации данная хиротония будет правильным шагом с их стороны. Это решение одобрил в своем письме митрополит Киевский и Галицкий Михаил (Ермаков).

Архиепископ Никодим 30 июля 1922 года нарек протоиерея Александра епископом Мелитопольским и Севастопольским, а 1 августа его решением в Мелитополе была учреждена викарная кафедра для Мелитопольского, Бердянского и Генического уездов.

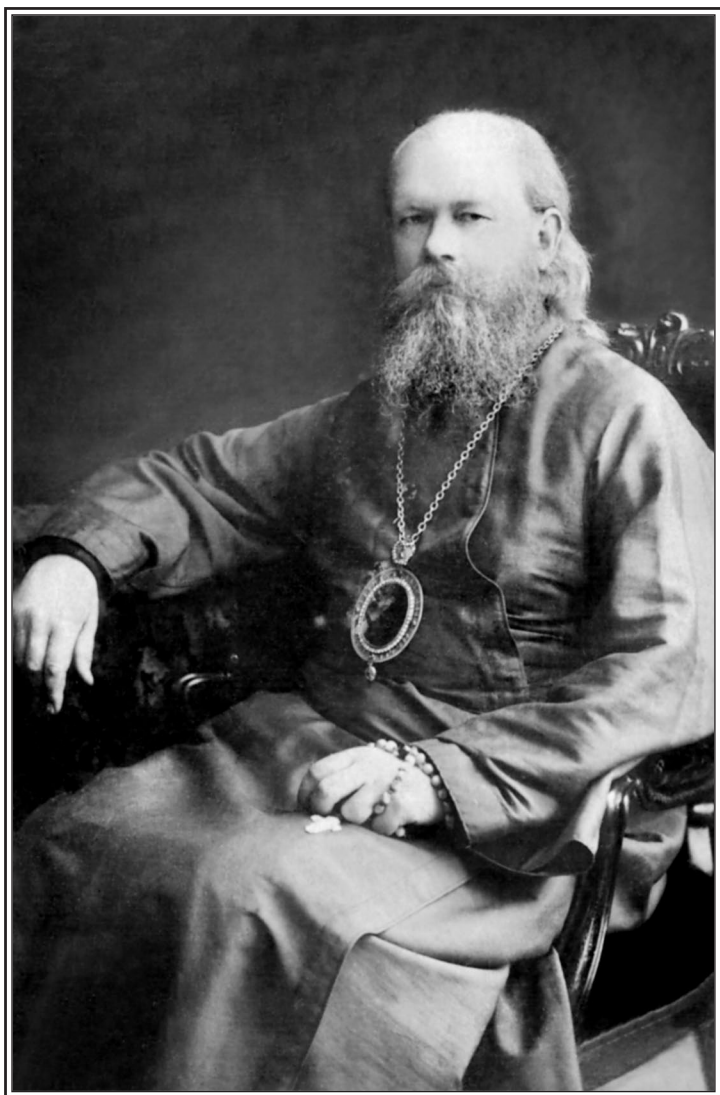
Втайне от всех поздно вечером 28 августа 1922 года на подворье Космо-Дамиановского монастыря для пострига и архиерейской хиротонии собрались архиепископ Никодим, специально приехавший из Топловского монастыря архиепископ Димитрий (Абашидзе), а также настоятель кафедрального Александро-Невского собора священномученик протоиерей Димитрий Игнатенко, протоиерей Симеон Кикоть, протодиакон Петро-Пав-

ловского собора Димитрий Полежаев, игумения Космо-Дамиановского монастыря Вирсавия (в миру Матрона Сидоровна Подозникова) и делопроизводитель свечного завода Николай Митькин. Постриг и служба, на которой состоялась хиротония, продолжались до 9–10 часов утра. И только на следующий день, когда новопоставленный епископ Сергей опубликовал обращение к Таврической пастве, напечатанное небольшим тиражом в типографии Космо-Дамиановского подворья, стало известно о случившемся.

В силу особых обстоятельств вместо обычной торжественно-продолжительной речи епископ Сергей ограничился лаконичным заявлением, в котором, одновременно признавая Советскую власть, говорил о своей решимости, если это потребуется, быть исповедником. Его попытка найти взаимопонимание с властью основывалась на готовности пострадать за Истину.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Объявляя Крым автокефальной православной церковью, мы, граждане СССР, свидетельствуем не страха ради, но совести, как помнящие слова Совершителя нашей веры Господа Бога Иисуса Христа, сказанные язычнику Пилату, не признающему даже никакой истины, "Ты не имел бы надо Мной никакой власти, если бы не дано было свыше", и руководящиеся заповедью Святаго Духа, данной через Апостола Христова Павла, жившего в дни жестокого гонителя христиан Нерона и им же казненного, – что всякая власть от Бога учинена. Мы не можем не признавать гражданской власти и не повиноваться ей, мы приветствуем решение нашей республики о совершенном отделении Церкви от государства и школы от Церкви и нежелание ее вмешиваться во внутренние дела какой-нибудь религии. Со своей стороны, мы идем навстречу всем добрым пожеланиям Республики и не позволяем себе никакими нашими деяниями ставить

Священномученик Сергий (Зверев)

какие-либо препятствия к осуществлению Республики и ее власти.

При этом мы надеемся, что гражданские власти нашей Республики не станут вмешиваться в наши религиозные убеждения, не станут вынуждать нас из-за них идти только на мучения.

28/VII–10/VIII–1922 г.

г. Симферополь

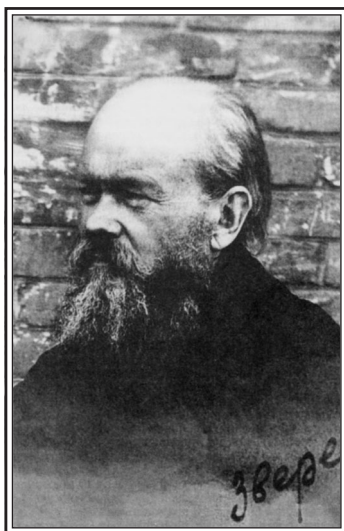
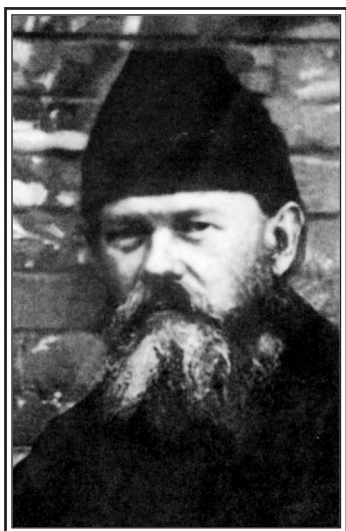
Келейно составлено готовящимся к рукоположению во епископа *протоиереем А.М.Зверевым*».

Надо сказать, что после того, как большевики одержали победу и из противоборствующей политической силы, каких было много во время революции и гражданской войны, стали властью, епископ Сергей признал ее как жестокую, богоборческую, но все же реальную власть. И, несмотря на весь трагизм такой перспективы, в том числе и для себя лично, придерживался этого убеждения до конца.

На смену преподобническому подвигу, и это стало очевидным даже для крайних скептиков, пришли времена исповеднические, за каждый церковный поступок и даже слово правды неминуемо приходилось давать ответ. До времени в человеческом сердце копится Благодать Божия, напитывает все его существо, пока по неисповедимым путям Господним человек не приводится к своей Голгофе, пройдя которую единственно и может сподобиться благодати Фавора.

Выехать в Мелитополь епископу Сергию не удалось, так как он был арестован вместе с архиепископом Никодимом. До суда архиереи были высланы в разные монастыри Крыма: архиепископ Никодим в Инкерманский, а епископ Сергей – в Космо-Дамиановский.

Не оглядываясь на запреты властей, епископ Сергей воспользовался своей относительной свободой и совер-

Священномученик Сергей (Зверев).
Симферопольская тюрьма. 1923 г.

шил несколько служб в симферопольских храмах, во время которых сказал обличительные проповеди с призывами сопротивляться всем обновленческим инициативам. Реакция обновленцев последовала незамедлительно, и они убедили чекистов посадить епископа под домашний арест. Но это не стало препятствием, и он продолжал оказывать значительное влияние на свою паству.

Последовал донос: «Прошу ВЦУ немедленно вызвать в Москву для объяснения новохиротонисанного епископа Сергея (прот. Зверева), который первый поднял протест против каноничности ВЦУ и в настоящее время является вдохновителем движения против обновленческой "Живой церкви"».

Находясь под домашним арестом, он, Сергей, все же ведет тайную пропаганду и тормозит дело обновления церковного. Если он не подчинится предписанию ВЦУ,

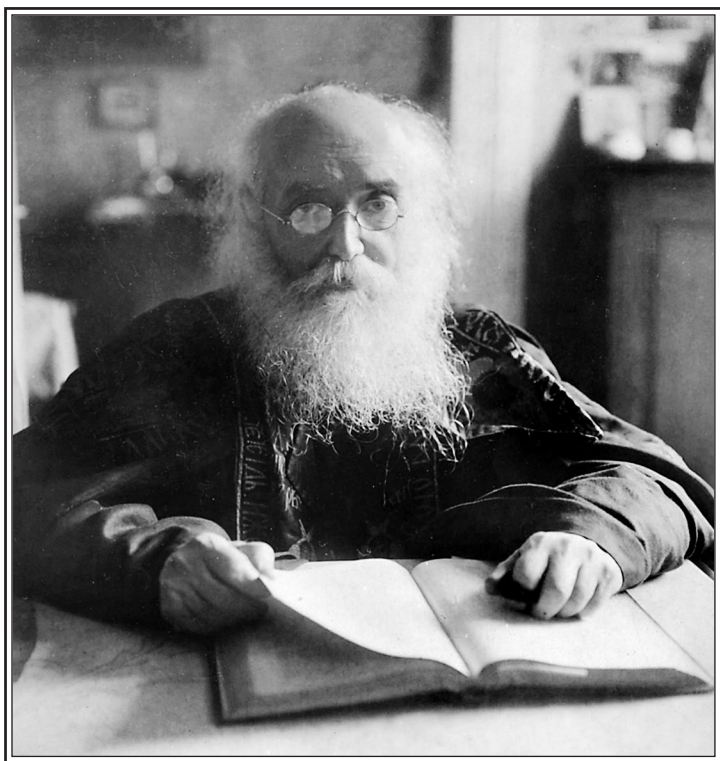
необходимо соответствующими мерами все же перевести его в Москву или другое место, но по постановлению ВЦУ. О хиротонии Сергия, совершенной воровским путем, ночью, в церкви монастырского подворья в Симферополе, я уже докладывал при личном посещении ВЦУ.

Ждем с нетерпением временного управляющего Таврической епархией вместо уволенного Никодима.

*Уполномоченный ВЦУ
Протоиерей Борис Дикарев».*

В первых числах октября в Крым прибыл обновленческий епископ Петр Рождественский. К его приезду епархиальное управление, а также домашняя архиерейская церковь, свечной завод и несколько часовен находились уже в руках обновленцев, что обеспечивало им неплохую материальную базу. Активность обновленцев особенно усилилась в удаленных от архиерейского внимания северных районах, откуда в Симферополь и прибыли наиболее деятельные священники и принялись за агитационно-организаторскую работу по созданию обновленческого епархиального управления. В результате практически все севастопольское духовенство и большинство ялтинского примкнуло к ним. В Керчи была организована всего лишь ячейка. В Феодосии начиналось подобное движение, и обновленцы надеялись, что в скором времени их поддержит благочинный. И только в Евпатории все духовенство не переставало молиться за плененного архиепископа Никодима и поминать во время богослужения Патриарха.

Последующие события подтвердили, что хиротония епископа Сергия оказалась своевременной. С 22 ноября по 1 декабря 1922 года прошло открытое судебное заседание по делу архиепископа Никодима, привлекавшее внимание широкой общественности. К уголовной ответственности было привлечено не только православ-

Святитель Димитрий (Абашидзе)

ное духовенство, но и представители других конфессий Крыма, кроме мусульман. Верховный Революционный трибунал при КрымЦИК судил архиепископа Никодима и вместе с ним лучших священнослужителей епархии, «посмевавшихся» иметь не только свою точку зрения, но и поступать по своей пастырской совести. Председательствовал Порецкий, членами суда были Максимов и Барышев, секретарем Терещенко, государственным обвинителем – Фридман. К началу процесса из Москвы вернулся протоиерей Евгений Эндела и привез с собою

протоиерея Сергия Калиновского*, который фигурировал на суде в качестве эксперта.

Представшие перед судом обвинялись в сокрытии церковных ценностей и «использовании религиозных предрассудков с целью противодействовать изъятию ценностей», а также в «нелегальных собраниях, подделке документов и кражах».

Архиепископ Никодим на суде держался бодро и независимо, все обвинения категорически отрицал и приводил взвешенные, убедительные аргументы. Но в идейных вопросах власть не могла признать себя ошибающейся, и после образцово-показательного суда, имевшего целью продемонстрировать новую социалистическую законность, архиепископ Никодим был осужден на восемь лет тюремного заключения и отправлен с некоторыми своими клириками в нижегородскую тюрьму.

Епископ Сергей также был привлечен к уголовной ответственности, но «за недостатком улик» он получил только год условно и сразу же после суда был отпущен.

Уверенность судей в своей победе была уверенностью слепорожденных, опирающихся на костыль житейского цинизма и от этого еще больше паривших в чистейших фантазиях о новом совершенном обществе. Им не дано было понять, что внешне сраженная Церковь остается победительницей, униженная гонителями, делается еще лучезарней.

Воодушевленные результатом суда над архиепископом Никодимом**, обновленцы уже на следующий день

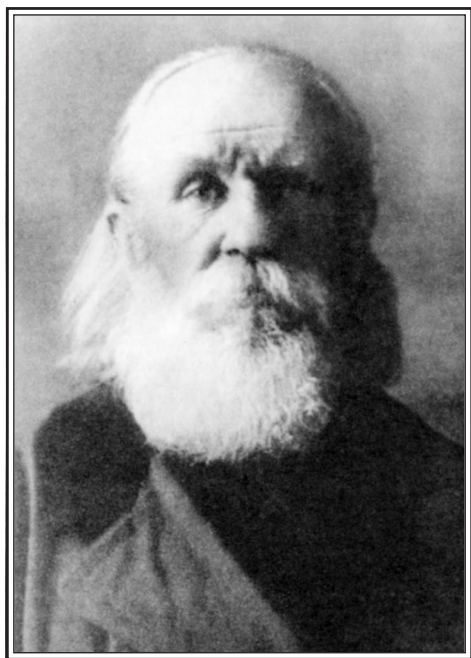
* Протоиерей Сергей Владимирович Калиновский в 1922 г. выступил как сторонник изъятия церковных ценностей и идеолог раскола. Впоследствии снял с себя сан, так как «разочаровался в контрреволюционном духовенстве», о чем сделал заявление в газете «Безбожник». Остаток жизни ютился на задворках антирелигиозной пропаганды. Умер в полной безвестности в 1930-х гг.

** Священномученик Никодим (Кротков) неоднократно подвергался репрессиям и в 1938 году умер в Ярославской тюрьме. Его память 8/21 августа.

обратились в НКВД Крыма с просьбой передать им кафедральный Александро-Невский собор и незамедлительно получили соответствующий документ. Между тем православная община еще летом собрала сотни подписей с той же просьбой, но ей предложили подождать, потерпеть и не настаивать на скором разрешении этой «сложной» проблемы. И вот 2 декабря 1922 года член обновленческого епархиального управления протоиерей Иван Федоров получил вожденный мандат, на основании которого без всяких оговорок кафедральный собор передавался обновленцам. В субботу вечером, 2 декабря, протоиерей Федоров пришел домой к настоятелю протоиерею Алексею Назаревскому и показал бумагу из НКВД, на основании которой на его место уже назначен Крискент Матушевский, а вторым священником протоиерей Сергей Калиновский. По малодушию и соображениям личной безопасности священник Назаревский возражать не стал, а несколько позже и сам, обвороченный сладким обаянием успеха, присоединился к обновленцам. О происходящем узнал прихожанин собора дворянин Иван Васильевич Ларионов. В тот же вечер со своими единомышленниками он пришел к протоиерею Матушевскому и убедил его отказаться от настоятельства, а также совершения воскресной литургии, о чем тот письменно сообщил Калиновскому. Это не остановило обновленческих священников, и они во избежание других неожиданностей решили в воскресенье, 3 декабря, начать службу не в десять часов утра, как обычно, а в девять. Как новоявленные хозяева собора они пригласили на службу восемь священников и трех диаконов.

Но протоиерей Димитрий Игнатенко* начал службу еще раньше, в восемь часов утра. К этому времени

* Священномученик Димитрий Игнатенко, ближайший сподвижник священномученика Никодима (Кроткова), архиепископа Таврического. Много раз подвергался узам, гонениям и преследованиям. Умер 27 сентября 1935 г. в мелитопольской тюрьме. Память 14/28 сентября.

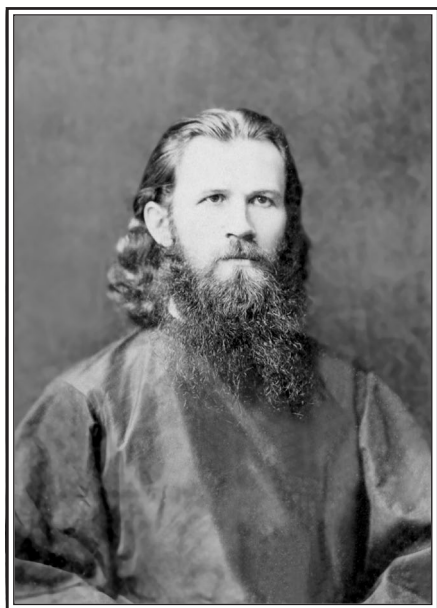
Священномученик Димитрий (Игнатенко).
Мелитопольская тюрьма. 1935 г.

около собора находилось не менее ста человек, пришедших специально, чтобы не допустить обновленцев к совершению богослужения. Когда к 9 часам утра к собору подошел протоиерей Сергей Калиновский, ему пришлось пробираться через взволнованную, неприветливую толпу. При попытке проникнуть в собор он услышал от одного рабочего: «Товарищ Калиновский, куда вы лезете? Мы вас все равно не пустим». Собравшиеся дружно его поддерживали и стали доходчиво и энергично убеждать оставить попытку войти в храм, так как никто из собравшихся «Живой церкви» не признает и молиться с ними не собирается. Калиновский продолжал бес-

церемонно прокладывая себе дорогу локтями, однако вскоре обессилел и, как вспоминает участник событий Е.С.Коваленко, «начал озлобленно кричать, что он толпы не признает и что попы наши арестованы, и он идет служить. При этом он достал из кармана какую-то бумагу, потряс ею и, не показывая содержания публике, спрятал ее в карман, продолжая при этом кричать, что у него имеется на это разрешение, и спрашивал у публики, имеет ли она мандат, при этом называя всех бандитами. Видя, что публика его все же не пропускает, Калиновский повернул назад и при этом сказал: «Раз так, то я приму меры...» Через полчаса Калиновский пришел снова в сопровождении двух парней лет 17–18. Молящиеся и сейчас не пустили его в собор. Тогда Калиновский вместе с бывшими с ним парнями попытался пройти силой, разбрасывая народ по сторонам. При этом некоторым нанес даже ушибы. И я лично получил от него сильный толчок в правый бок...»

В конце концов неизвестная женщина вызвала И.В.Ларионова в притвор, где Калиновский продолжал кричать и скандалить. Увидев Ларионова, Калиновский сказал: «Вы мне обещали позавчера, что меня пропустят!». Иван Васильевич попросил всех успокоиться и поинтересовался, с какой целью он прорывается в храм – молиться или служить. И добавил, что для молящихся двери храма всегда открыты. Калиновский заявил, что он управляющий епархией и служит, где хочет и с кем хочет. И предупредил, что если к нему кто-нибудь прикоснется хотя бы пальцем, то он сейчас же «возьмет заложником протоиерея Назаревского, собор запрет и всех перепишет, чтобы знать, с кем имеет дело».

В результате переговоров Калиновского все-таки пропустили, и он, свалив несколько женщин, вбежал в собор и скрылся в алтаре. Других обновленческих священников –

Священник Алексей Назаревский

Дикарева, Федорова и протодиакона Семькина – в храм так и не пустили. Народ становился все решительнее, слышались свист, брань, угрозы, и обновленцам пришлось отступить. Не обращая внимания на богослужение, Калиновский попытался выяснить отношения с протоиереем Димитрием, возглавлявшим службу, но у него ничего не вышло. Тогда он потребовал для себя облачение и хотел выйти на проповедь, но и эта инициатива была пресечена.

В результате обновленцы решили: «О сем довести до сведения НКВД на предмет привлечения указанных лиц к судебной ответственности. Собор закрыть впредь до особого ходатайства. Монашествующим, проживающим в Симферополе, предложить отправиться в свои монастыри в трехдневный срок, отобрав у них подписки. В

Священник Крискент Матушевский

случае неисполнения сего предписания все будут преданы в распоряжение гражданской власти во избежание контрреволюционной деятельности среди масс...»

По просьбе обновленцев власти провели очередную ревизию в соборе, на основании которой храм был опечатан. Возмущенная происшедшим, в обновленческое Епархиальное Управление в сопровождении народа ворвалась Евгения Романовская и потребовала ключи от Александро-Невского собора. Предприимчивый иерей Анатолий Бычковский «не только не удерживал толпу и не объяснял ей, что брать ключи силой преступление, – говорилось в официальном отчете, – но своим служением в соборе он, так сказать, одобрил и освятил бандитизм». Народ негодовал, в суматохе и взаимных обвинениях кто-то бросил в обновленческого протодиакона Семыкина бу-

тылку, а в непутевую голову диакона Зиновьева кто-то угодил камнем.

Малодушное духовенство стало отречься от епископа Сергия (Зверева), говорить, что признает обновленческое ТЕУ, и даже согласилось пойти к владыке, дабы вынудить его к признанию ВЦУ, что и было сделано незамедлительно. Епископа Сергия дома не оказалось: он уехал, как сказала дочь, «неизвестно куда», в связи с чем последовало обновленческое прещение: «С пятого декабря прекратить служение во всех церквях, кроме четырех», с добавлением, что церкви, прихожане которых признали ВЦУ, «немедленно разрешаются от запрещения служить».

На этом обновленцы не остановились. По сговору с чекистами они под благовидным предлогом решили: «а) вызвать епископа Сергия в Москву; б) священников, кои будут противодействовать обновленческому движению, увольнять и высылать за пределы Крыма также при содействии КПУ; в) храмы, приходские советы, прихожане коих выступают на защиту контрреволюционного духовенства, временно закрывать, договоры об аренде аннулировать, а затем передавать их группам верующих по указанию местной группы "Живая церковь"; г) всячески поощрять духовенство, примкнувшее к новому движению путем оказания ему содействия со стороны гражданской власти и путем перевода на лучшие в епархии места; д) группе "Живая церковь" передать: свечной завод, архиерейское и другие монастырские подворья, кафедральный собор, часовни и монастыри; е) вообще оказывать группе "Живая церковь" всяческое содействие, не останавливаясь в случае нужды и перед репрессивными мерами по отношению к лицам, ведущим агитацию в пользу контрреволюционного духовенства и поддерживающим его тем или иным способом».

Тем временем с помощью прибывшего в Крым лже-епископа Петра Рождественского обновленцы попытались расположить к себе народ и переломить ситуацию в свою пользу. Однако у них ничего не вышло. Противостояние усилилось, и даже произошли стычки между верующими.

Энергичные действия епископа Сергия убедили крымских обновленцев, что они не смогут получить быструю и окончательную победу над православными. Озлобленные, они бесцеремонно пользовались уже испытанным способом по устранению идейных противников и жаловались председателю Верховного трибунала Крыма Порецкому:

«Церковно-обновленческое движение в Крыму с самого своего возникновения встретило жесточайшее противодействие со стороны тех элементов <...>, которые, будучи вполне равнодушными к религии, в то же время поддерживали и ее, видя в представителях духовенства своих естественных союзников в борьбе против соввласти. Эти элементы до сих пор с вожделем и надеждой смотрят в сторону Константинополя, и для них обновленческое движение неприемлемо не по каким-либо каноническим причинам, а вследствие его ориентации на соввласть и сочувствия ей. Процесс церковников во главе с архиепископом Никодимом нанес им жестокий удар, но в то же время он открыл наиболее ловких из них, как епископа Сергия, архимандрита Дамаскина Цедрика, священника Анатолия Бычковского и др., избегнувших, благодаря своей увертливости, наказания, давно ими заслуженного. Они вновь повели ожесточенную кампанию против обновленческого движения и попутно против соввласти, которую они обвиняли в покровительстве обновленцам и в гонении против старой веры. Потребовалось всего лишь две недели, чтобы наэлектризовать толпу так, чтобы она сначала

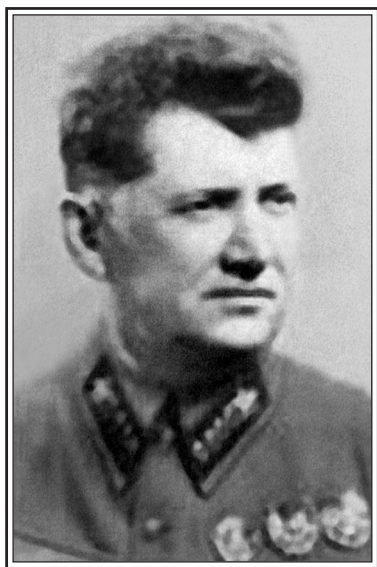
устроила безобразие на паперти собора, а затем, видя, что устроенное безобразие прошло безнаказанно, – обнаглела еще больше, и 5/18 декабря, ворвавшись в Николаевскую церковь на Екатерининской улице, где служил новый епископ Петр с членами Таврического Епархиального Управления, произвела погром и насильно отобрала ключи от собора у протоиерея Дикарева. <...>

Все подробности этих буйных выступлений указывают на какую-то твердую руководящую волю. <...> Все нити приводят к епископу Сергию. <...> Чтобы придать больше авторитета своей агитационной деятельности, епископ Сергей завязал сношение с тюрьмой (архиепископом Никодимом и др.) и открыто заявлял, что он действует по директивам. <...>

Протоиереи Дикарев и Калиновский».

С неестественной быстротой рушились формы прежней дореволюционной жизни, образовавшиеся пустоты заполнялись новым, антицерковным, а порой и богоборческим содержанием, предлагаемым властью как завоевание революции, отчего легкое бремя любви становилось для охладевшего мира неудобноносимым, а отчуждение и нетерпимость – идеологически обоснованной нормой.

В январе 1923 года партийными аналитиками Б.С.Шведовым и С.Ф.Реденсом была сформулирована официальная точка зрения на церковные события в Крыму и распространена с грифом «секретно» по всем окружкам. В ней говорилось, что «церковь борется за свою средневековую идеологию и свое влияние на невежественные массы» и до сих пор остается «активным гнездом контрреволюции», а стало быть, «необходимо решительно устранить церковную администрацию, не сумевшую понять дух времени, заменить ее более свежими людьми, и, если возможно, создать точки дружественного сопри-

С.Ф.Реденс

косновения с государственной властью». Оценивая последние церковные события в Крыму, они заметили, что «самым удачным средством уклониться от признания ВЦУ было объявление некоторых епархий автокефальными», что и сделал архиепископ Никодим. И что юридический переход власти к обновленцам еще не означает фактического контроля над всеми церквями. «Фанатики и кликуши, – писали они, – не давали обновленцам служить, по церквям был целый ряд эксцессов <...>. Нужно отметить, что самому обновленческому движению в Крыму много вредило нетактичное поведение его руководителей, которые в своей левизне часто доходили до антирелигиозной пропаганды, чем, конечно, подрывали церковный авторитет реформаторов. В настоящее время Эндека и Калиновский уехали в Москву и, по всей вероятности, перестанут быть церковниками». Подво-

дя итоги, они писали: «Разложение и смерть когда-то могучей церкви началось, и вся социальная ценность обновленческого движения заключается в том, чтобы продемонстрированная ее агония прошла для нас безболезненно, чтобы она и в этот последний период своей жизни перестала быть контрреволюционным гнездом и умерла естественной смертью отживших людей, оставляя яркое доказательство того, что она была необходима как фактор порабощения угнетенных масс».

Аналитики закончили практическими рекомендациями: «Наша работа должна сводиться к негласной поддержке обновленцев в своей борьбе против реакционного духовенства путем передачи под законными предлогами в их ведение храмов, часовен и источников церковных доходов, подрывая этим экономическую основу существования черносотенного духовенства. Облегчить обновленцам передвижение с агитационной целью и связь с Симферополем <...>. Стараться, чтобы обновленцы на своих собраниях, съездах, конференциях выносили постановления о признании соввласти, о безусловной лояльности к ней и т. д. Разрешать им всякого рода лекции, диспуты, собрания на церковно-обновленческие темы, не упускать из виду, что под формой "Обновления" могут работать и реакционные элементы <...>.

Когда же обновленчество в достаточной мере вытеснит остатки тихоновщины, тогда необходимо будет работу повести дальше, создавая и поддерживая все более и более левые течения среди обновленцев, и таким путем углубить раскол. В углублении раскола можно и надо использовать разных сектантов, но необходимо иметь в виду, что заметное укрепление сектантского движения даже за счет православия не является для нас желательным результатом.

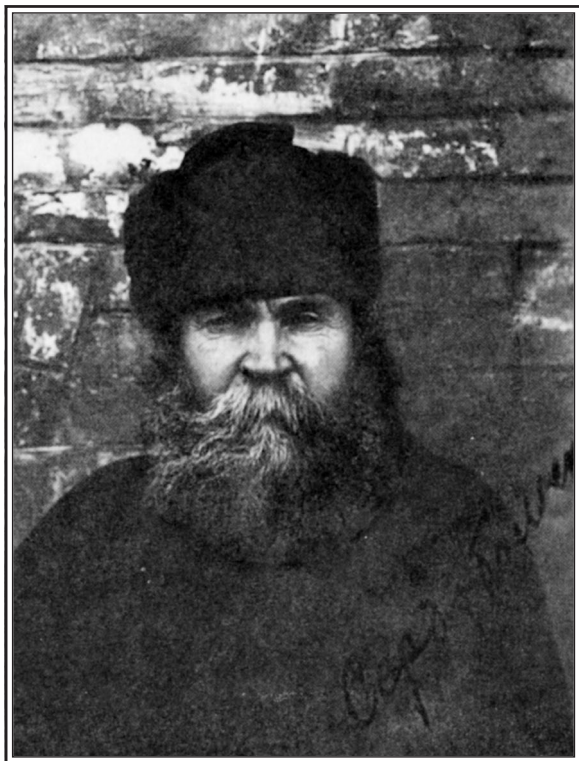
Открытая тактическая линия наша остается прежней: вести борьбу с религиозными суевериями, отметить в сто-

рону всякие разговоры о связи соввласти с обновленческим движением, использовать все средства для дискредитации тихоновщины и временно щадить обновленцев. Когда же старые церковники будут побеждены, наступит момент ударить и по их преемникам – обновленцам».

Между тем идеи по церковному обновлению малопомалу продолжали овладевать умами малодушных, ищущих дополнительных льгот и житейских удобств от новой власти. Многие уважаемые священники разделяли мысль о необходимости перемен в различных сферах церковной жизни, но в силу того, что эти перемены, скорее, разрушали ее, чем обновляли, находились в полной растерянности. Неизменно предприимчивые в реализации своих проектов церковные революционеры использовали их нерешительность и разворачивали общественное мнение в нужном для себя направлении.

Зимой 1923 года в Таврическую епархию прибыл Александр (Раевский), в то время обновленческий епископ, и посетил несколько приходов, о чем сохранились свидетельства.

21 февраля 1923 года епископ Сергей был официально утвержден на Мелитопольской кафедре. Владыка принял крест архиерейского служения в страшное время всеобщего разброда и шатания. Новые революционные формы жизни стали наполняться иным, нехристианским содержанием. Люди, дышавшие воздухом эпохи, который был отравлен неправдой, становились гордыми и бесчувственными. Запас идей у новых хозяев жизни был невелик, но отличался простотой и легкостью в применении, что было большим преимуществом в борьбе за колеблющиеся умы и неустойчивые души. В такое время особенно велика ответственность архиерея за каждую христианскую душу, вверенную ему Господом, но и велика благодать, укрепляющая доброго пастыря на его тернистом пути исповедника.

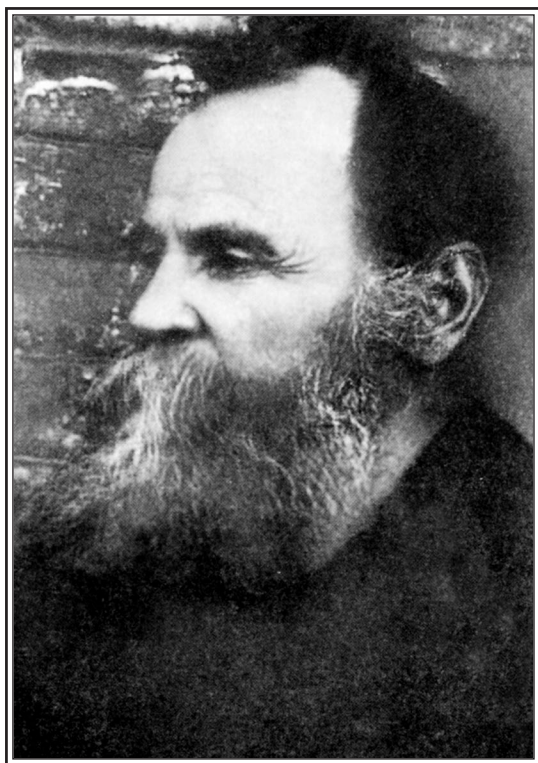

Священник Евгений Сердобольский.
Симферопольская тюрьма. 1923 г.

Власти внимательно наблюдали за новым православным епископом.

Внутриведомственная секретная переписка с оценкой деятельности епископа Сергия дает замечательный срез, по которому можно судить о церковных событиях того времени:

«В Мелитополе организована новая епархия по инициативе епископа Сергия Зверева, черносотенного реакционера, на словах признающего ВЦУ, дабы сорвать

Священник Евгений Сердобольский.
Симферопольская тюрьма. 1923 г.

предсоборную кампанию. С отделением Мелитопольского и Бердянского уездов от Таврической епархии Крым лишается возможности продолжать работу по расколу православной церкви – тихоновщина как раз перед собором возьмет верх.

Посему КПУ просит убрать епископа Зверева и протоиерея Сердобольского и ликвидировать самостоятельность Мелитопольской епархии.

27.III.23 г.».

В конце апреля из Московского ГПУ в Крым пришла шифрованная телеграмма, с которой надо было ознакомиться и ГПУ Мелитополя: «Арестуйте епископа Сергия и Сердобольского. Запретите переписку». И согласно требованию столичного ГПУ 11 мая 1923 года владыка был арестован.

Арест епископа вызвал бурную реакцию среди верующих.

Еще не улеглись страсти после так называемого изъятия церковных ценностей и открытой расправы над крымским духовенством, как по распоряжению властей за пределы полуострова был выслан архиепископ Димитрий (Абашидзе), проживавший на покое в Топловском монастыре.

Теперь все внимание НКВД, обновленцев и православного большинства было сосредоточено на епископе Сергии. Бесстрашие перед вошедшими в силу обновленцами внушало к нему доверие, и он христианской любовью располагал к себе сердца священников и мирян. А после несправедливого ареста его авторитет возрос настолько, что даже власть имущие чины не рискнули проигнорировать этого и были вынуждены временно отступить. Предполагаемая высылка епископа Сергия в Архангельскую губернию, в Холмогоры, 25 июля 1923 года была отменена. Как отметил работник ГПУ Шолох-Терлецкий, «ввиду его большой популярности».

Православные мелитопольцы встретили епископа Сергия на станции как настоящего исповедника. Торжественно, не скрывая своих чувств, целовали руки, одежду и чуть не на руках принесли в город. «Меня встретили как нельзя лучше», – говорил владыка. По свидетельству очевидцев, когда архиерей служил, собор был полон, и власть его над собравшимися была безгранична. Народ вместе с ним на коленях плакал и молился, а он благо-

дарил их за то, что не забыли веру и, невзирая на гонения, продолжали ходить в храм, славословить Бога и не оставили его, своего архипастыря, пока он был во узах. Растроганные люди, в свою очередь, со слезами на глазах обещали, что будут «за истинную веру и своего архиерея стоять до гроба и не дадутся опять антихристу».

Опираясь на поддержку и любовь народа, епископ Сергей с новой силой возобновил свою антиобновленческую деятельность и призвал православных прекратить всякое общение с врагами Церкви, игнорировать само их существование, гнушаться всех обещаний и подачек с их стороны, как чего-то заразного и богопротивного. Его призывы находили отклик в сердцах верующих людей, которые собственными глазами увидели стяжательство, карьеризм и практически открытое сотрудничество живоцерковников с богоборческой властью. Епископа Сергея слушали, в справедливости его слов убеждались, и даже те, кто раньше симпатизировал обновленцам, возвращались в Православную Церковь.

Преследования и травля епископа Сергея приносили гонителям Церкви обратный результат; его еще больше любили, уважали и следовали его архипастырским благословениям. Кроткий и смиренный в личных отношениях, он в то же время проявлял непреклонность в вопросах веры. С каждым днем все больше и больше священнослужителей, не утративших внутреннюю связь с Православной Церковью, начинали видеть в нем исповедника, способного бороться за чистоту веры и вести за собой простых людей. С усердием и ревностью о славе Божией владыка, не теряя времени, собирал Христову паству, рассеянную врагами Церкви. Поколебавшиеся приходы, прельщенные обновленческой риторикой и декоративными поощрениями, один за одним, подавая друг другу пример, стали возвращаться под его святительский омофор. Одним из первых был приход

Свято-Митрофаньевской церкви города Севастополя, предыдущего настоятеля которой, священника Михаила Чефранова, совсем недавно расстреляли пьяные матросы. 29 июля 1923 года прихожане на своем общем собрании постановили:

«<...> Представляя свое определение, Ваше Архипастырское благословение, смиренно испрашиваем – благоволите, добрый Пастырь, не отказать принять нашу общину в свое окормление, – удостоить нас пожалованием в храм Святителя Митрофания и совместно вознести моления Любвеобильному Вседержителю о ниспослании прощения в согрешениях наших. Уповаем, милостивейший Владыко, что Вашими молитвами Христу Богу отженится всякий мрак от сердец наших. Возсияет нам свет Евангельской правды. Просветятся очи мыслей, и сподобимся мы пребыть в воле Господней, славословить Троидного Бога и исповедывать Единую Святую Соборную Апостольскую Церковь».

Примеру Свято-Митрофаньевской общины последовал приход Свято-Феодосиевской церкви при Севастопольской железнодорожной станции, настоятелем которой был протоиерей Леонид Завадовский. Прихожане писали, что с 7 декабря 1922 года по настоящий радостный день прибытия владыки в Севастополь церковь Таврическая оставалась без епископа и что они пережили большую духовную скорбь, так как в начале февраля в Севастополь приехал лжеепископ Сергей Добромыслов, ставленник ВЦУ, но приход его не принял и не признал как епископа. Имя его не возносилось в храме, и ни члены причта, ни члены приходского совета подписки о признании епископа Сергея Добромыслова как канонического епископа не давали. Имя же Святейшего Патриарха Тихона возносилось молитвенно почти без перерыва, и только с 24 февраля 1922 года по 3 июня был перерыв.

Доброму примеру последовали и другие приходы Таврической епархии.

Строгий и непримиримый к сознательно согрешающим против Православной Церкви обновленческим священникам епископ Сергей проявлял жертвенную любовь, рискуя даже своей безопасностью и благополучием, если надо было защищать перед озлобленной властью гонимых пастырей. Когда летом 1923 года были арестованы крымские священники Димитрий Игнатенко, Анатолий Бычковский, Евгений Эндека, Трофим Хоменко и другие, епископ Сергей стал донимать симферопольское ГПУ с усердием евангельской вдовицы, требуя отпустить их и передать в его ведение приговоренных к административной высылке.

Подобные ходатайства были написаны о каждом административно высланном священнике. Это вызвало нешуточное раздражение у влиятельного гпэушника Малли, который телеграфировал в Мелитопольское ГПУ: «СОЧ ГПУ Крыма. Прошу объявить епископу Сергию Звереву, на поданные им заявления от 7/VIII-23 г. о разрешении возвратиться в Крым административно высланным священникам Хоменко и Бычковскому и отдаче таковых в его ведение, что СОЧ ГПУ Крыма не может рассматривать его как юридическое лицо, и никто церковников, подвергнутых наказанию за преступления против Советской государственности, отдать в его ведение не может. В дальнейшем рекомендуется епископу Сергию не возбуждать подобных ходатайств, которые будут нами рассматриваться как содействие контрреволюции со всеми вытекающими из этого последствиями для епископа Сергея Зверева».

Но архиерей игнорировал грозные предостережения ГПУ и продолжал «возбуждать подобные ходатайства».

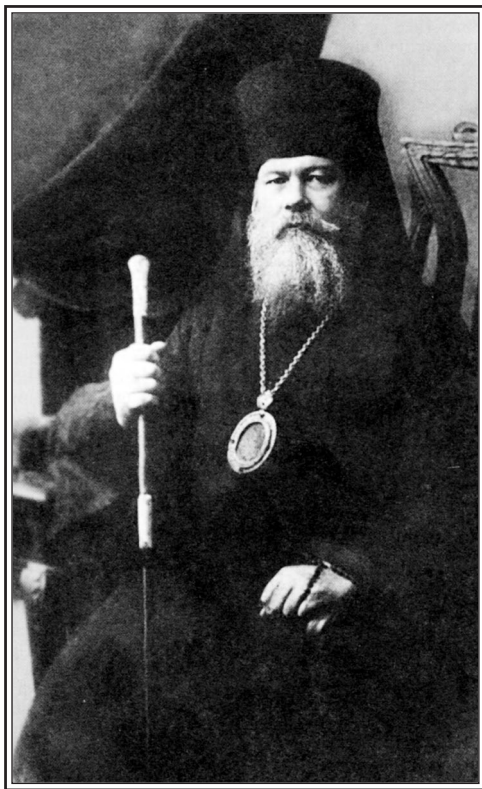
Владыку арестовали в день памяти преподобного Сергея Радонежского 8 октября 1923 года.

Арест, в основе которого были доносы и непрекращающаяся клевета, епископ воспринял спокойно, без ропота, как что-то в известной мере неизбежное для православного архипастыря, действующего в новых исторических условиях.

Для гонителей владыка Сергей появился неожиданно, как бы ниоткуда. Им трудно было предположить, что вдовый протоиерей, изъятый тайной хиротонией от житейского попечения, будет способен не подчиняться очевидно грозной власти, уже доказавшей свою способность карать со всей возможной строгостью. Формально противоречащих закону нарушений за епископом Сергием не числилось, отчего косвенные «свидетельства» его возможных неправд отслеживались властью с повышенным вниманием. Как известно, даже мелкие повседневные события под увеличительным стеклом доносов становятся значительными, а при определенном отношении к ним – преступными. Каждый шаг епископа тщательно фиксировался соглядатаями. Их регулярные отчеты, изобиловавшие, на первый взгляд, незначительными деталями, создавали эффект реальности. Их политически окрашенные донесения с легкостью нанизывались на острие революционной законности, логика которой предполагала незамедлительное устранение беспокойного архиерея.

Лишенные так называемых «мелкобуржуазных предрассудков», большевики все доносы, поступавшие на владыку, читали только под одним углом и использовали только с одной целью – найти дополнительный компромат для упразднения новообразованной епархии и устранения неудобного архиерея.

12 ноября 1923 года бюрократическая машина пришла в движение. Уполномоченный по политическому отделу Активной группы ОГПУ А.Б.Яшиш, «рассмотрев переписку о незаконном существовании и закрытии так

Священномученик Сергей (Зверев)

называемого Мелитопольского Духовного Правления при кафедре Епископа, нашел, что вышеозначенное Духовное Правление существовало с ноября 1922 года по 27 октября 1923 года, никем не утвержденное и нигде не зарегистрированное, а посему полагал бы: завести следственное дело на предмет привлечения к ответственности всех членов Духовного Правления <...>».

25 октября было принято решение перевести заключенных в Харьковский дом предварительного заклю-

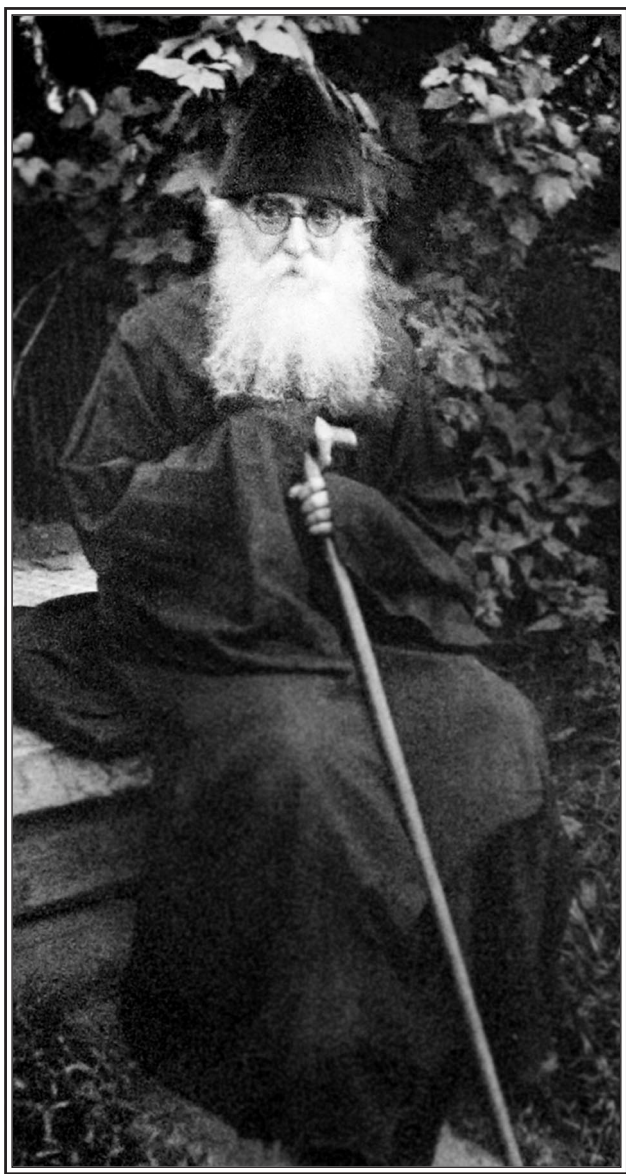
чения, но только 18 января арестованные были туда отправлены. Сохранилась анкета епископа Сергия с указанием «особых примет»: «лицо – чистое, глаза – серые, волосы седые, рост – высокий, 180 см, особые приметы – отсутствуют».

Харьковские чиновники оказались безразличны к делу владыки. Для них он был одним из многих неудобных священнослужителей, не больше. К тому же для судебного разбирательства формальных оснований явно не доставало, а те, что были в их распоряжении, – запутаны и противоречивы, и поэтому они сочли возможным «за отсутствием состава преступления» отпустить архиерея.

Почти сразу после освобождения уполномоченный СО ГПУ Украины А. Шишунов по просьбе Крымского политуправления предложил снова арестовать епископа Сергия и протоиерея Евгения «ввиду того, что пребывание на свободе <...> повредит следствию». Но епископ Сергей своевременно уехал в Москву. И только 3 апреля 1925 года дело было прекращено, так как «состав преступления не был установлен <...>». Епископ Сергей (Зверев) и Е.Сердобольский выехали за пределы Украины». Так закончился крымский этап архиерейского служения владыки Сергия. Тяжелые обстоятельства не сломили его волю, напротив, в их деспотических объятиях он приобрел многоценный опыт и достойную удивления выдержку и силу духа*.

После бурных процессов над духовенством 1922–1923 годов наступило относительное затишье. Но аресты не прекращались, и храмы при первой возмож-

* Священномученик Сергей (Зверев), впоследствии архиепископ Елецкий. В 1935 г. арестован и отправлен в Карагандинские лагеря. 13 ноября 1937 г. было возбуждено внутрилагерное «дело», на основании которого его расстреляли. Память священномученика празднуется 7/20 ноября.

Святитель Димитрий (Абашидзе)

ности закрывались. Обновленцы под прикрытием властей с прежней наглостью захватывали у православных имущество, писали кляузы на духовенство и самим своим существованием разрушали церковную жизнь.

Потеря приходов, единственного источника существования, приводила священнослужителей и их семьи на грань голодного умирания. Многие, не выдержав, оставляли службу и даже отрекались от сана. Другие, не покорившиеся власти гонителей, считались «лишенцами» и не могли устроиться на работу. Их нигде не брали, и, даже сочувствуя их безвыходному положению, отказывали из соображений собственной безопасности: сострадать священнослужителям и их близким было практической ошибкой со всеми выходящими последствиями.

Если священник хотел устроиться на работу, ему предлагали пройти через богопротивную процедуру отречения от сана. В официальной рекомендации того времени предполагались следующие действия: «Само отречение имеет значение только в том случае, если об этом стало известно общественности именно от самого отрекающегося. Для этого существует два пути: 1. Публикация в печати. 2. Открытое порицание религии и отречение от сана на широком собрании верующих. Второй путь является только развитием первого и, хотя более эффективен, не стоит настаивать на этом. Снятие служителя культа с учета вследствие отречения осуществлять только по произведении заинтересованным лицом публикации в печати».

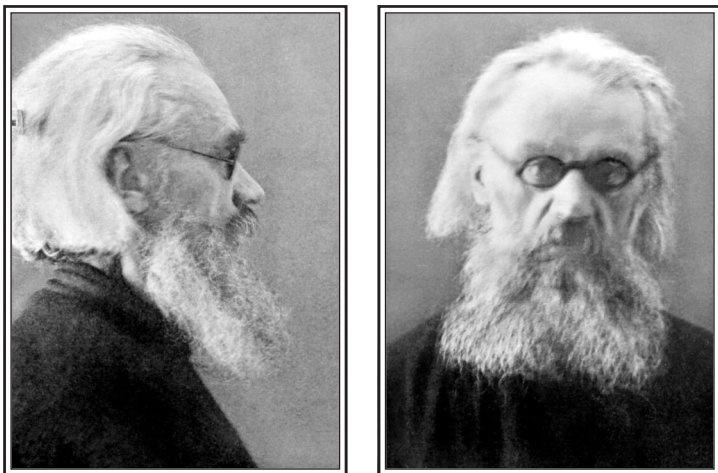
Вопреки ожиданиям атеистов, смотревших на мир через идеологические очки со своей партийной колокольни, на смену сосланным и расстрелянным, а также отрешившимся от сана по малодушию (их было до 30%) приходили другие, занимали их места, бесстрашно служили Православной Церкви. И когда наступало их вре-

Священномученик Константин (Дьяков)

мя, свидетельствовали об Истине, за что были ненавидимы властью и, как следствие, исчезали под железной пятой гонителей, безмолвно уходили из бурлящего житейского моря, чтобы остаться в Вечности.

Без сомнения, особая ответственность лежала на архиереях, призванных к апостольскому служению. Под давлением обновленцев епископская кафедра была перенесена в Феодосию, и ее, правда, совсем недолго, возглавляли замечательные архиереи, причисленные

Архиепископ Арсений (Смоленец).
Тюремное фото. 1932 г.

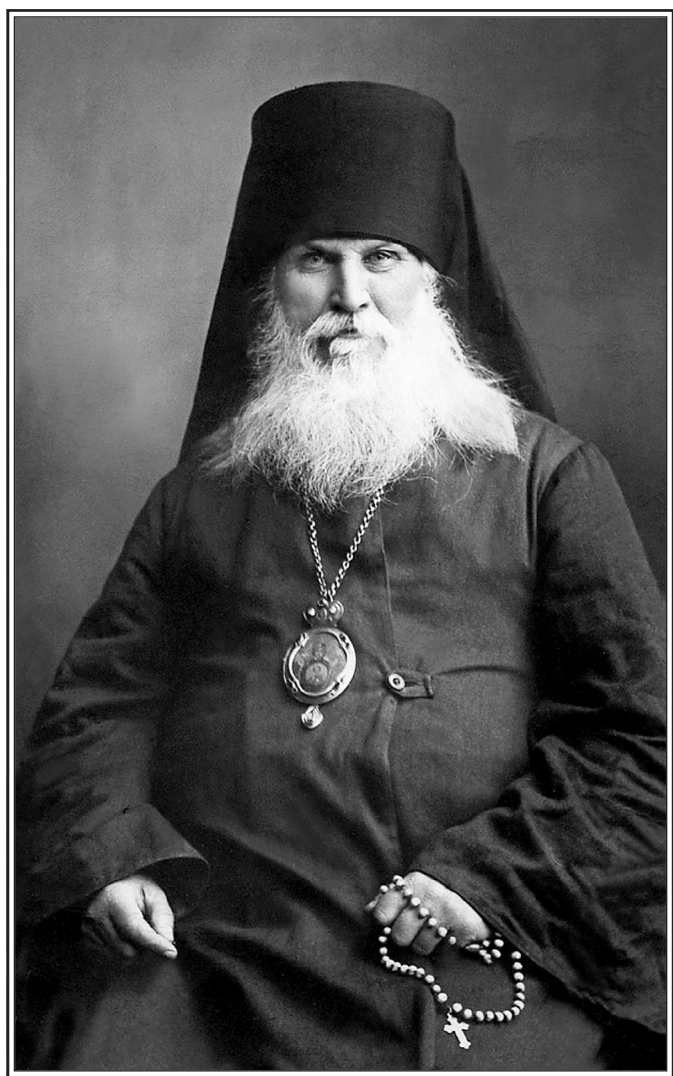
к лику новомучеников российских на Поместном Соборе 20 августа 2000 года в Москве: священномученики Антоний (Панкеев), Александр (Трапицын), Константин (Дьяков), Порфирий (Гулевич). Об их присутствии и деятельности на Таврической кафедре осталось мало сведений.

Несколько дольше пробыл на Феодосийской кафедре архиепископ Арсений (Смоленец). Он прибыл в Крым 25 июня 1930 года и уже 23 декабря 1931 года из-за надуманных подозрений НКВД был арестован. 14 марта 1932 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило заключить архиепископа Арсения в концлагерь сроком на три года.

Его преемником стал священномученик Порфирий (Гулевич), возглавлявший Крымскую кафедру с 1931 по 1937 год, в наиболее трудное и роковое для православной Церкви время, вплоть до своего ареста.

Священномученик Антоний (Панкеев)

Священномученик Порфирий (Гулевич)

Священномученик Александр (Трапицын)

Православные древней Тавриды приняли с любовью нового архипастыря, и он, отвечая любовью на любовь, отеческим вниманием и заботой объединял свою паству. Многим он стал духовным отцом и, по слову апостола Павла, «был для всех всем».

В Крыму владыка привлекает к себе наиболее замечательных священнослужителей, впоследствии ставших священномучениками, таких как протоиерей Николай Казанский, Николай Мезенцев, Елеазар Спиридонов и другие. Они помогают ему в борьбе с обновленцами. Это тяжкое противостояние принесло архиерею много нравственных страданий, но в то же время развило в нем особую внимательность и проницательность ко всем окружающим.

В 1933 году его арестовали за то, что «в некоторых случаях свою контрреволюционную деятельность прикрывал церковной борьбой с обновленцами», говорил прихожанам, что «власть преследует тихоновцев и поощряет обновленцев, которые в угоду власти ведут раскольническую работу». Одновременно обновленческий митрополит Иерофей (Померанцев) отвечал на обвинения угрозами и с церковной кафедры заявил, что он арестует епископа Порфирия. Ему вторил раскольнический священник Попов, публично заявляя: «Мы ему покажем, мы его проучим».

В тюрьме архиерей пробыл недолго и через несколько месяцев был отпущен.

Но скорбей не стало меньше. На епархию был наложен несоразмерный налог, не соответствующий никаким доходам. И только после жалоб в Москву эту проблему удалось урегулировать.

На службу в симферопольский Преображенский храм епископ Порфирий ходил пешком. Совершая богослужения, он преображался, всем своим существом возносясь ко Господу, увлекая присутствующих своей

Священномученик Николай (Казанский)

вдохновенной молитвой. По свидетельству очевидцев, с епископом Порфирием было легко молиться, все постороннее отступало, и архипастырь, предстательствующий за возлюбленных чад, соединялся с ними в молитве пред Горним престолом.

Во время проповеди епископ открыто говорил о притеснении веры и священнослужителей и призывал молиться о «сосланных и заключенных, невинно томящих-

Священномученик Николай (Мезенцев)

ся в изгнании архиереях, священстве, монашествующих и мирянах».

К этому времени относятся воспоминания о владыке, каким его запомнил очевидец. Он был высокого роста, с длинной седой бородой и седыми ниспадающими на плечи волосами. Нос был крупный, с горбинкой. Над глубоко посаженными глазами свисали густые поседевшие брови. Впавшие от аскетической жизни щеки ясно очерчивали скулы. Губы были скорее тонкие, чем сред-

ние, и выражали волю, собранность и решительность. Все движения были неспешны, выверены и исполнены архиерейского достоинства. Голос – густой, исходящий как бы из сердечной глубины, свидетельствующий о широкой и одаренной натуре. В нем чувствовалась внутренняя сила и богатая духовная жизнь. Со всеми, кто к нему приходил, епископ Порфирий был ласков и приветлив. К немощным и заблуждающимся неизменно проявлял снисхождение. Даже во время общения по хозяйственным или другим вопросам в нем чувствовалась большая внутренняя работа и углубленность в молитву. Владыка отличался большой работоспособностью, его никто не видел уставшим. От него исходила некая энергия, просветленная духовной радостью.

Сатанинская злоба и человеческая нетерпимость железным кольцом смыкались вокруг служителя Христова. Староста храма Николай Тайнов, сотрудничавший с органами, регулярно информировал своих хозяев. До нас дошла одна из характеристик владыки: «<...> Еп. Гулевич является активным церковным реакционером, стремящимся всяческими путями укрепить церковь Тихоновской ориентации и защитить православную церковь от дальнейшего разгрома. Обновленческое духовенство Гулевич называет не иначе, как “антихристами, продавшимися властям” <...>».

Это было нестерпимо для тех, кому Бог попустил гнать Православную Церковь. 9 октября 1936 года арестовали епископа, а через несколько дней, 15 октября, – его ближайшего помощника и единомышленника протоиерея Николая Казанского.

На допросах владыка держался просто и твердо, не роняя достоинства, безбоязненно отвечал на провокационные вопросы следователя.

Архипастыря обвиняли в том, что он благословлял священство молиться за уже осужденных и тем самым

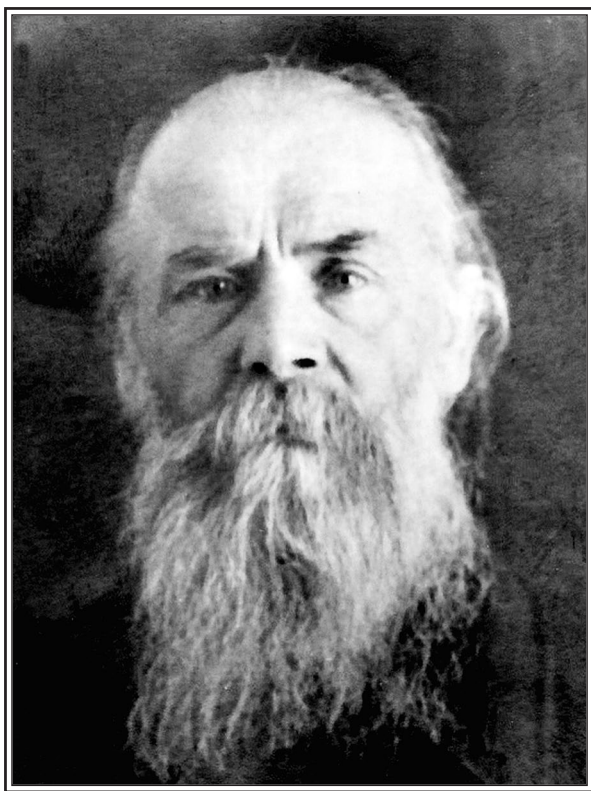
Священномученик Елеазар (Спиридонов) в кругу семьи.
Евпатория, 1934 г.

демонстрировал их невиновность. Владыка это не отрицал: «Ко мне обращались некоторые верующие с просьбой помолиться за осужденных, находящихся в тюрьме, во время произношения ектении, и я действительно такие слова говорил».

Далее обвиняли в поощрении «нелегальной деятельности некоторых монашеских подпольных организаций», в излишней ревности в борьбе с обновленцами и во многом другом. С ним было арестовано еще десять ближайших священников и монахов. В течение четырех месяцев владыка томился в симферопольской тюрьме. 3 января 1937 года епископ Порфирий и протоиерей Николай Казанский были приговорены к пяти годам административной высылки. Владыку отправили в Казахстан, а отца Николая в Красноярский край.

Началось крестное восхождение православного архиерея. Прибыв в Алма-Ату, епископ Порфирий написал письмо митрополиту Сергию (Страгородскому) о своем новом положении и познакомился с местным архиепископом Тихоном (Шараповым). Вскоре НКВД отправил владыку в Каратальский район Талды-Курганской области на станцию Уш-Тоб, где он оказался не одинок. Там уже проживал высланный епископ Екатеринославский Макарий (Кармазин) со своей двоюродной сестрой Раисой Ржевской и священником Королевым. Родственники и близкие помогли владыке Макарию купить домик по улице Деповской, 20. Архиереи быстро сошлись, почувствовав родство душ и единство взглядов, и епископ Макарий предложил владыке Порфирию поселиться у него. Вскоре, 2 октября 1937 года, приехала племянница Гулевича Анна Петровна Михо. Привезла крымские новости и передачи.

Надо сказать, что крымские общины Симферополя, Ялты и Керчи не оставляли своего владыку без помощи и при всяком удобном случае отправляли посылки

Священномученик Макарий (Кармазин)

и все необходимое. Это и был единственный источник существования для владыки. Жили очень замкнуто, старались ни с кем не общаться. Владыка Порфирий пребывал в постоянной молитве и богомыслии, чувствовал и отчетливо понимал, что осталось недолго. Архиереи иногда тайно совершали богослужения на дому.

20 ноября 1937 года епископ Порфирий (Гулевич) и епископ Макарий (Кармазин) были арестованы. Их обвиняли в том, что на станции Уш-Тоб они проводили

«антисоветскую пропаганду и дискредитировали Советскую власть, а также поддерживали связь с контрреволюционными элементами, систематически получая от последних материальную помощь». Владыки не признали себя виновными, несмотря на все старания следователя.

1 декабря 1937 года епископ Порфирий (Гулевич), епископ Макарий (Кармазин), Раиса Александровна Ржевская были приговорены к смертной казни. 2 декабря епископ Порфирий и Раиса Ржевская были расстреляны. На следующий день расстреляли епископа Макария.

В это же время в Крымской епархии пострадали другие священнослужители, сподвижники и единомышленники священномученика Порфирия.

Священномученик Димитрий Киранов родился 31 марта 1879 года в селе Мануиловка Бердянского уезда Таврической губернии. Окончил Таврическую духовную семинарию. С 1913 года служил в соборе Иоанна Златоуста в Ялте. За исповедание православной веры неоднократно подвергался гонениям, узам, был в ссылке. 1 декабря 1937 года по обвинению в контрреволюционной деятельности протоиерей Димитрий Киранов был приговорен к расстрелу. Расстрелян 4 января 1938 года.

Священномученик Николай Мезенцев родился в селе Красная Слобода Трубчевского уезда Орловской губернии. Был преподавателем, а затем духовником Таврической духовной семинарии. С 1903 года служил в храме Рождества Богородицы при больнице Таранова-Белозерова в Симферополе. В 1922 году был арестован властями по обвинению в «сопротивлении изъятию церковных ценностей» и приговорен к трем годам концлагерей. По возвращении служил в Свято-Троицком соборе вплоть до его закрытия. 15 декабря 1937 года отец Николай был вновь арестован. Священник отверг все возводимые на

Священномученик Димитрий (Киранов)

него обвинения, оставшись верным Христу и Его Святой Церкви до конца. 14 февраля 1938 года протоиерей Николай Мезенцев был приговорен к расстрелу.

Преподобномученик Варфоломей Ратных родился в 1894 году. После окончания церковноприходской школы нес послушание в одном из монастырей Киевской епархии. В августе 1936 года иеромонах Варфоломей приехал в Феодосию, а в июле 1937 года был арестован за религиозные убеждения и 10 февраля 1938 года расстрелян.

Священномученик Владимир (Пищулин)

Священномученик Владимир Пищулин родился в 1889 году в Костроме. После окончания Петербургского университета преподавал в гимназии. В 1920 году принял священный сан и служил в Петрограде в Казанском соборе. Дважды подвергался ссылке за борьбу против раскола и обновленческого движения. В 1935 году иеромонах Владимир приехал в Симферополь, где 5 июля 1937 года был арестован и 10 февраля 1938 года расстрелян.

Мученик Димитрий (Спиридонов)

Священномученик Тимофей Изотов родился в 1875 году в Симферополе. По окончании церковноприходской школы прислуживал в храме. В 1912 году был рукоположен в диакона, а в 1928 году принял сан иерея. До своего ареста служил в храме Феодора Стратилата в Алуште. 8 февраля 1938 года иерей Тимофей Изотов был арестован по воздвигнутым на него ложным обвинениям и приговорен к расстрелу.

Священномученик Иоанн Блюмович родился в 1888 году в Варшаве. Окончил Московскую Духовную Акаде-

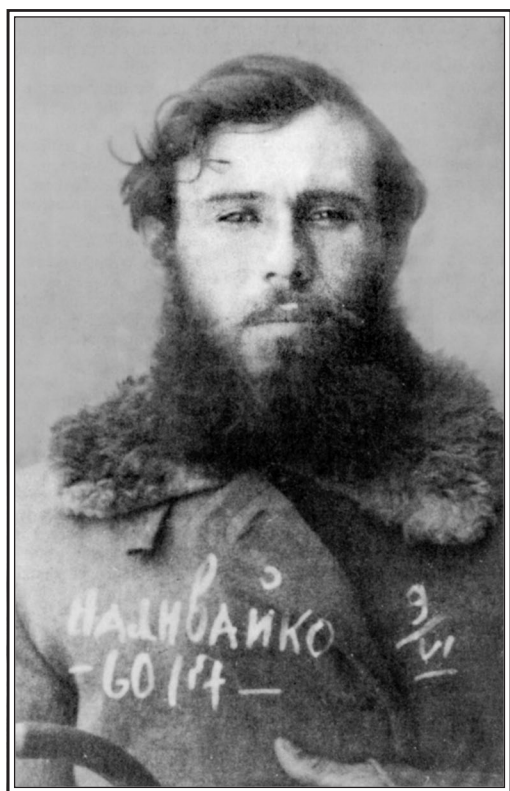
мию. Приняв священный сан, служил в городах Кривой Рог, Орехов Запорожской области. В 1935 году переехал в Крым, в Судак. Арестован по обвинению в «религиозной пропаганде» и расстрелян 13 апреля 1938 года.

Преподобномученик Антоний Корж родился в 1882 году в крестьянской семье. Пройдя послушание на святой горе Афон, там же принял монашеский постриг. По возвращении в Таврическую епархию был рукоположен в диаконский сан и служил в храмах Ялты. 9 декабря 1937 года иеродиакон Антоний был арестован за религиозную деятельность и 14 марта 1938 года расстрелян.

Священномученик Елеазар Спиридонов родился в 1874 году в Евпатории. В 1899 году принял священный сан и служил в Ильинском евпаторийском храме. 27 октября 1936 года был арестован и приговорен к пяти годам концлагерей. 6 декабря 1937 года отец Елеазар скончался в лагере.

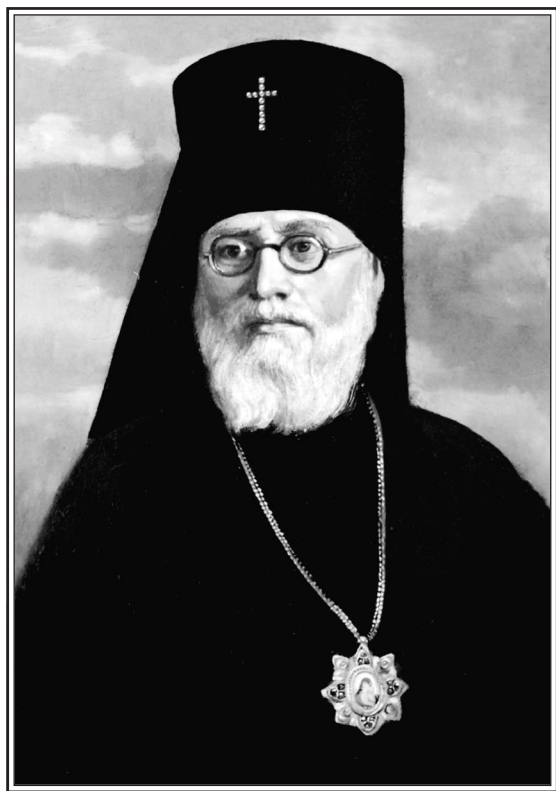
Мученик Димитрий Спиридонов – родной брат священномученика Елеазара. Родился в 1871 году. Окончил Таврическую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Затем продолжил свои занятия в Московском университете. О нем неизменно отзывались как о «культурнейшем и эрудированнейшем человеке, имеющем глубокую веру». 20 января 1938 года он был арестован и 29 ноября того же года расстрелян.

Мученик Степан Наливайко родился в 1898 году в селе Константиновка Мелитопольского уезда Херсонской губернии. Был арестован в 1923 году в Москве за проповедь слова Божия. Три года пробыл в Соловецком концлагере и шесть лет в ссылке в Казахстане. Летом 1937 года Степан Пименович приехал к семье в Симферополь, управлял хором в храме на кладбище. Здесь и возникло его последнее «дело». Он был арестован 25 октября 1940 года и приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь в Норильск, где и умер от голода 12 февраля 1945 года.

Мученик Стефан (Наливайко)

После расправы над священномучеником Порфирием, епископом Симферопольским и Крымским, и наиболее стойкими и верными Церкви священнослужителями Крымская кафедра пустовала до 1944 года, пока ее не возглавил епископ Иоасаф (Журманов). Он не оставил ярких воспоминаний о своем пребывании, и его уход был вполне незаметным для пострадавшего от войны Крымского полуострова.

Архиепископ Иоасаф (Журманов)

24 мая 1946 года на Крымскую кафедру был назначен архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) – один из самых ярких, замечательных святителей-исповедников древней Тавриды. Здесь прошел последний и, быть может, самый трудный период его жизни.

Архиепископ Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) родился 27 апреля 1877 года в Керчи в семье провизора. По окончании медицинского факультета Киевского университета в составе отряда Красного Креста

выехал на Дальний Восток, в Читу, где положил начало своей полувековой хирургической деятельности. Блестящий ученый, он был новатором в медицине. Свой талант хирурга он считал Божиим даром и никому не отказывал в помощи. Спокойной и обеспеченной жизни практикующего врача он предпочел напряженный труд земского доктора в глубинке. Овдовев, Валентин Феликсович принял священный сан и монашество во время набирающих силу гонений на Церковь. 31 мая 1923 года ссыльные епископы Болоховский Даниил (Троицкий) и Суздальский Василий (Зуммер) рукоположили его в сан епископа. Бескомпромиссность святителя в вопросах веры, ревность в служении гонимой Церкви стали причиной непрерывных преследований, ссылок и тюремных заключений. В общей сложности святитель Лука провел в тюрьмах и изгнании 11 лет. Несмотря на преследования, он с успехом совмещал церковную и медицинскую деятельность, развенчивая миф о несовместимости науки и религии. В конце 1943 года были опубликованы «Очерки гнойной хирургии», а в 1944 году вышла книга «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов», за что он получил Сталинскую премию I степени.

С осени 1942 года возглавлял Красноярскую епархию, а с 1944 года – Тамбовскую.

Служение святителя Луки на Крымской кафедре совпало с новым витком государственных гонений на Православную Церковь. Если ранее безбожники, желая уничтожить Церковь, арестовывали и расстреливали, то на новом этапе, преследуя ту же цель, пытались морально разложить священнослужителей и мирян, подчинить себе и сделать их послушным орудием разрушения Церкви.

С первых же дней в Крыму святитель столкнулся с пристрастным, повышенно внимательным и ревнивым отношением уполномоченного Я.И.Жданова. Тот настойчиво потребовал, чтобы архиерей согласовывал с

Святитель Лука. Симферополь

ним все свои решения и перемещения клириков. Особенно раздражало уполномоченного отношение архиепископа к священникам-исповедникам. В своем докладе Совету по делам Русской Православной Церкви 2 апреля 1948 года он писал: «Из одиннадцати священников, посвященных в сан после 1945 года, десять посвящены архиепископом Лукой. Двадцать священников подвергались в свое время репрессиям или были судимы.

Отношение архиепископа Луки к этой категории священников и к посвященным им лично более благожелательное: предоставляет им лучшие приходы, не подвергает их частым переброскам из одного прихода в другой. Особенно это заметно по отношению к подвергнувшимся репрессиям, как “страдавшим за православную веру”».

Положение церковных дел, которое застал святитель в Крыму, было печальным: до немецкой оккупации все православные храмы, кроме одного в Симферополе, были закрыты. Во время оккупации по инициативе верующих было открыто 82 церкви, но после освобождения Крыма власти разрешили зарегистрировать только 70 храмов. Предшественник святителя Луки епископ Иоасаф (Журманов) поучаствовал в этом небогоугодном деле. Он решил, что для Симферополя 7 церквей много, и своим указом две церкви объединил с другими близлежащими церквями. Три ялтинские церкви по тем же соображениям он объединил в одну. Епископ Иоасаф, как ревнующий не по разуму о церковных деньгах, решил, что приходы слишком свободны в своей хозяйственной деятельности, и ввел должность епархиального ревизора. И более того, демонстрируя жест лояльности, обратился к уполномоченному с просьбой порекомендовать кого-либо на это доходное место. Таким образом, он поставил всю материально-хозяйственную деятельность храмов под тотальный контроль атеистической власти.

Святитель Лука, невзирая на давление уполномоченного, категорически отказался, в отличие от своего предшественника, участвовать в закрытии церквей. После одного напряженного разговора он заявил уполномоченному: «Если вы будете говорить со мной начальственным тоном, то я вообще с вами разговаривать не буду и являться к вам также не буду. Я намного старше вас, в сане архиерея состою двадцать пять лет, являюсь большим ученым, лауреатом Сталинской премии, пользуюсь большим заслуженным уважением не только как ученый, но и как архиерей, и разговора с собой в начальственно-повышенном тоне не потерплю ни от кого и требую к себе уважения».

В 1946 году многие храмы в Крыму были разрушены, а приходы нравственно подорваны. Работники госбезопасности терроризировали верующих, устраивали в приходах расколы и бунты против архиерея. Всякое проявление церковной жизни подрывалось и компрометировалось провокаторами. Руководители сельсоветов и колхозов в церковные праздники заставляли всех работать, а тем, кто не подчинялся, создавали невозможные условия для жизни.

О сложившейся ситуации святитель Лука писал Патриарху Алексию I: «По воскресным и даже праздничным дням храмы и молитвенные дома почти пустуют. Народ отвык от богослужений и кое-как лишь сохраняет обрядовое. О венчании браков, об отпевании умерших народ почти забыл. Очень много некрещеных детей. А между тем, по общему мнению священников, никак нельзя говорить о потере веры в народе. Причина отчуждения людей от Церкви, от богослужений и проповедей лежит в том, что верующие лишены возможности посещать богослужения, ибо в воскресные дни и даже в великие праздники в часы богослужений их принуждают исполнять колхозные работы или отвлекают от церк-

ви приказом привести скот для ветеринарного осмотра, устройством т. н. "воскресников"... Это бедственное положение Церкви может быть изменено только мероприятиями центрального правительства».

Чтобы возбудить в верующих ревность о своем спасении, святитель обратился с распоряжением по епархии: «Объявить всем священникам, что христиане, малодушно объявившие себя в анкетах былого времени не верующими, должны считаться отступниками от Христа (Мф. 10, 33). Их запрещать в причастии на четыре года».

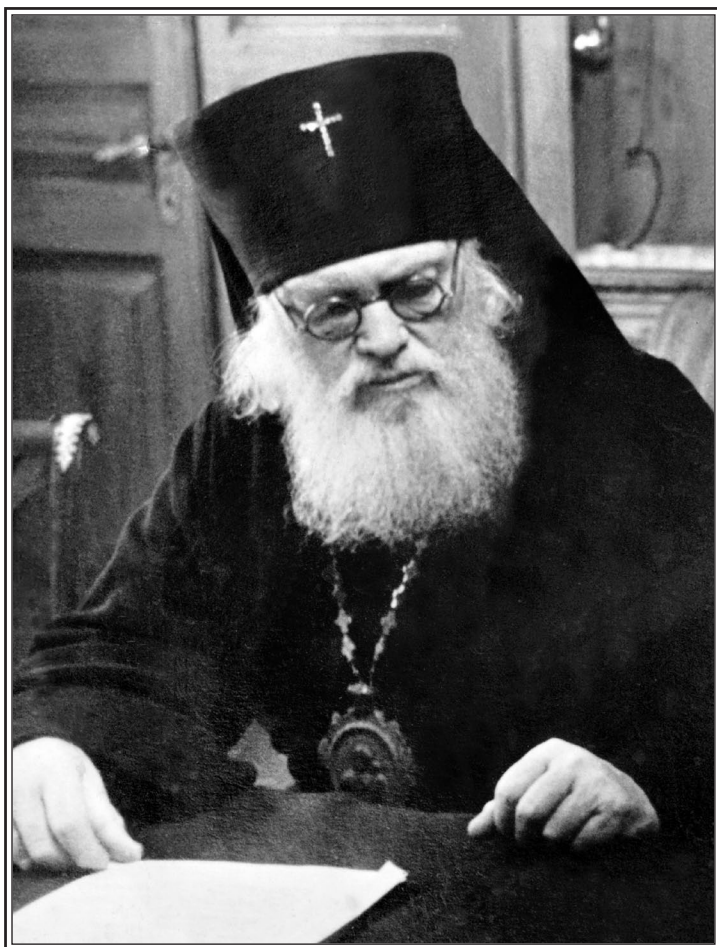
Но еще более он заботился о нравственной чистоте пастырей, не останавливаясь, в случае категорических нарушений, перед запретом в священнослужении и снятием сана.

11 марта 1948 года он писал: «До моего сведения дошло, что некоторые священники продолжают назначать таку, и притом высокую, за таинства и требы.

Прошу отцов благочинных строго следить за проявлениями корыстолюбия священников, служащего нередко поводом к переходу православных в секты, и объявить, что уличенные в требовании определенной платы за требы будут запрещаться мною в священнослужении».

Святитель Лука много проповедует, так что секретарь Крымского обкома ВКП(б) Соловьев жалуется на него секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову: «В 1946 году в Крым на должность архиепископа Симферопольского и Крымского был прислан Лука, – писал он. – По приезде в Крым Лука развивает энергичную религиозную деятельность, сплачивая вокруг себя все реакционные элементы Крыма <...>. В своих проповедях Лука публично осмеивает материализм и материалистов <...>.

Обращаясь к христианам, Лука говорит: "Вы скажете, правительство вам, христианам, нанесло вред. Ну что же, да, нанесло, а вспомните древние времена, когда ручьями лилась кровь христианская за нашу веру. Этим только и укреплялась христианская вера..."

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)

Нетрудно видеть ярко выраженный антисоветский клеветнический характер образа мыслей этого “проповедника”. Во всех своих выступлениях Лука старается проводить <...> взгляд, что советский народ все тридцать лет страдает, еще не видно конца этим страданиям <...> . “Если вы спросите меня, когда же прекратятся эти лишения и будет хорошая жизнь, то я скажу вам, что прошедшие тридцать лет – это совершенно ничтожный срок, и пройдет еще много десятков лет, прежде чем жизнь наша будет вполне нормальной”.

Мы со своей стороны считаем, что Лука в своей деятельности лишь прикрывается религией, а главная работа, которую он выполняет здесь по чьему-то заказу, – это вести откровенную антисоветскую пропаганду среди народа.

В силу особого положения Крыма как приграничной полосы, мы считаем необходимым через соответствующие органы удалить Луку из Крыма».

Власти энергично преследовали архиерея, действовали через уполномоченных, но те не могли запретить святителю проповедовать, и тогда обращались за помощью к сотрудникам Патриархии и самому Патриарху с просьбой уговорить архиепископа перестать проповедовать.

28 марта 1949 года архиепископ Лука прибыл в Москву специально для беседы со Святейшим Патриархом Алексием I и митрополитом Николаем (Ярушевичем). Руководство Русской Православной Церкви в то время было поставлено под полный контроль властей и потеряло возможность действовать независимо. Все отношения с Церковью велись через Совет по делам Русской Православной Церкви, руководство которой состояло из бывших работников НКВД, которые, как правило, были замешаны в кровавых расправах над священнослужителями.

Председатель Совета по делам РПЦ генерал МГБ Карпов 8 марта 1949 года во время приема Патриарха поставил на

вид первосвятителю проповедническую деятельность архиепископа Луки. И когда с надеждой убедить Святейшего в правильности своих действий святитель Лука прибыл в Москву, Патриарх во время беседы потребовал от архиепископа прекратить ежедневные проповеди. Со скорбью, сердечной болью он согласился подчиниться требованию безбожников, прозвучавшему из уст Патриарха.

На этом уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви по Крыму Жданов не успокоился: он потребовал удалить из алтарей всех подростков, запретил погребальные процессии и без прохождения медкомиссии запретил кому-либо выпекать просфоры. Но поскольку это были распоряжения уполномоченного, а не епархиального архиерея, то каждый священник решал сам по своей священнической совести исполнять их или воздержаться, что святитель Лука подчеркивал в своих распоряжениях. Например: «Уполномоченный по делам Православной Церкви по Крыму требует, чтобы священники крестили детей не иначе, как с устного или письменного разрешения родителей, предупреждает, что за крещение ребенка партийных родителей без такового разрешения священник будет подлежать судебной ответственности».

В свете таких событий архиерей почти не встречался с уполномоченным и предпочитал вести с ним отношения через жалобы Патриарху.

Положение Церкви в Крыму ухудшалось. Храмы закрывались, священники, уже отбывшие наказание по десять лет, арестовывались по старому обвинению и получали новые сроки. Священнослужители, которых святитель приглашал в епархию, не допускались МГБ, но пропускались лишь те, кто готов был сотрудничать.

Невзирая на чрезвычайное давление, святитель помогал всем нуждающимся. Ежедневно на его кухне кормились до 20 голодных детей и стариков, лишен-

ных средств к существованию. По его благословению в епархии велись списки нуждающихся, и каждый месяц им отсылался денежный перевод. Но по отношению к себе, что в еде, что в одежде, владыка был крайне неприхотлив. На предложение племянницы сшить новую рясу он неизменно говорил: «Латай, латай, Вера, бедных много».

В 1951 году владыка отправился в Одессу, где Патриарх был на отдыхе. Дочь вспоминала: «К сожалению, папа опять одет очень плохо: парусиновая старая ряса и очень старый, из дешевой материи подрясник. И то и другое пришлось стирать для поездки к Патриарху. Здесь все высшее духовенство прекрасно одето: дорогие красивые рясы и подрясники прекрасно сшиты, а папа... хуже всех, просто обидно».

В свободное от богослужений время святитель ежедневно, никому не отказывая, принимал больных, причем совершенно безвозмездно. И часто в исцелении страждущих через святителя-врача действовал Сам Господь. Свидетелей чудесной помощи осталось много.

В 1956 году владыка лишился зрения и уже не мог принимать больных, но молился за них, и Господь по его молитвам совершал чудеса.

В июле 1954 года после постановлений ЦК КПСС «Об улучшении научно-атеистической пропаганды» гонения на Церковь усилились. Храмы закрывались один за другим. Комитет госбезопасности преследовал тех, кто переписывался со святителем Лукой, его телефон прослушивался, и за самим архиереем была установлена слежка. В некоторых храмах уполномоченные через верных им священников и старост устраивали бунты против архиепископа. Он писал: «Епархиальные дела становятся все тяжелее, по местам доходит до открытых бунтов против моей архиерейской власти. Трудно мне переносить их в мои восемьдесят два года. Но уповаю

Святитель Лука и владыка Михаил (Чуб)
в Свято-Троицком соборе Симферополя

на Божию помощь, продолжаю нести тяжкое бремя...»
«Церковные дела мучительны. Наш уполномоченный – злой враг Христовой Церкви – все больше и больше присваивает себе мои архиерейские права и вмешивается во внутрицерковные дела. Он вконец измучил меня».

На проповедях святитель продолжал бесстрашно напоминать Евангельские слова: «"Не бойся, малое стадо, ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство" (Лк., 12, 32).

<...> Вы, вы, все вы, слушающие меня, – это малое стадо.

И знайте и верьте, что малое стадо Христово непобедимо, с ним ничего нельзя поделаться, оно ничего не боится, потому что знает и всегда хранит великие слова Христовы: "Созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ее" (Мф. 16, 18). Так что же, если врата адовы не одолеют Церкви Его, малое стадо Его, то чего нам смущаться, чего тревожиться, чего скорбеть?! – Незачем,

незачем! Малое стадо Христово, подлинное стадо Христово, неуязвимо ни для какой пропаганды».

Но безбожная пропаганда продолжалась, и вся мощь атеистического госаппарата сжимала кольцо не только вокруг епархиальных архиереев, но и каждого прихода. Приоритетной задачей советского правительства оставалось уничтожение Церкви. 16 марта 1961 года было принято постановление, подписанное Н.Хрущевым «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», что стало сигналом к усилению гонений. Совету по делам РПЦ было поручено произвести учет всех религиозных объединений для принятия впоследствии по отношению к ним соответствующих мер. На Патриарха было оказано соответствующее давление, и 18 апреля Священный Синод принял постановление, в котором самым существенным пунктом было лишение настоятелей права хозяйственно-финансовой деятельности в общине.

Некоторые архиереи были весьма обеспокоены документом, подписанным Патриархом, так как на него могли ссылаться гонители. Святитель Лука был решительно не согласен с такой постановкой вопроса, но от конкретных действий, какие ему предложили другие несогласные архиереи, отказался из-за опасения раскола среди епископата Русской Церкви. Но чтобы не огорчать собратий, сослался на слабое здоровье и преклонный возраст.

Приближалась кончина святителя Луки, день ото дня он слабел и все чаще отказывался от пищи. Все его душевные силы были посвящены тяжелым раздумьям о судьбе Русской Церкви.

Последнюю литургию он совершил на Рождество Христово, последнюю проповедь сказал на Прощеное Воскресенье. Незадолго до смерти сказал племяннице: «Дадут ли спеть "Святой Боже?.."»

Святитель Лука скончался в воскресенье рано утром 11 июня 1961 года в день памяти Всех Святых, в земле Российской просиявших.

Сразу же после кончины множество людей из различных мест пришли проститься с любимым архипастырем. У гроба, перенесенного в Свято-Троицкий собор, непрестанно служились панихиды. Все отчетливо понимали: из жизни ушел великий человек. Понимали это и гонители и, как всегда, принимали соответствующие меры. Родственникам они запретили нести гроб святителя по центральным улицам и предложили дать автобусы, лишь бы предотвратить пешую процессию. Но Господь устроил иначе.

13 июня, в день отпевания святителя, которое совершил архиепископ Тамбовский и Мичуринский Михаил (Чуб), в храм пришло много сотрудников КГБ с заданием проследить за ходом похорон. В полдень гроб с телом святителя Луки обнесли вокруг храма. А когда подошли к автобусам, находившимся у входа и приготовленным для духовенства, родственников и мирян, то в них никто садиться не захотел.

Усилия уполномоченного взять ситуацию под контроль были тщетны, его никто не слушал. Когда катафалк двинулся, люди уцепились за борт машины, так что она не могла сдвинуться с места, а затем поехала со скоростью, с какой могли идти пожилые люди. Через метров сто, когда надо было сворачивать на центральную улицу, власти потребовали повернуть на окраину города. Но женщины легли перед машиной, заявив: «Только по нашим головам проедете туда, куда хотите». И безбожники отступили перед «малым стадом». Расстояние, которое можно было пройти за 20 минут, процессия с пением «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас!» шла три часа. Уполномоченный и сотрудники КГБ уговаривали людей замолчать, угрожали, вся-

**Перенесение мощей святителя Луки в Свято-Троицкий собор.
Симферополь. 20 марта 1996 г.**

чески препятствовали, но в ответ слышали только одно: «Мы хороним нашего архипастыря».

Святителю-исповеднику были устроены достойные его мужества и исповеднического подвига похороны.

18 марта 1996 года трудами митрополита Лазаря (Швеца) были обретены святые мощи Святителя Луки и 20 марта перенесены в Троицкий собор.

20 августа 2000 года на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви святитель Лука причислен к лику новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания.

При попытке безбожной власти демонтировать наш базисный опыт православной святости национальная душа, скрепленная небесными нитями истинной веры, вдохновляемая свыше, стала раскрываться и проявлять героический характер нашего народа, его уникальную

Шествие с мощами по улицам Симферополя. 1996 г.

способность к самоотвержению ради Христа и Его Церкви. Ожесточенная попытка воинствующего безбожия уничтожить Церковь совпала с ее расцветом, вселенский масштаб которого мы начинаем понимать только сейчас. Церковь Христова живет по другим, не фиксируемым и не различаемым политиками и социологами законам. Ее подлинная жизнь ускользает от неверующих глаз. Сейчас мы отчетливо видим, что те, кого гнали и убивали за веру во Христа, вытесняли, хотели вычеркнуть из истории и из самой жизни, возвращаются к нам в ином качестве – в качестве небесных граждан. Игнорируя страдания и смерть ради Христа, относясь ко всему земному и даже к самим себе как к препятствию, мученики в известной мере становились недостижимы гонителям, которые, преследуя и убивая христиан, не столько причиняли им зло, сколько оказывали, сами

того не понимая, услугу, так как кровью, пролитой за веру и Церковь, Господь вписывал их имена в Книгу Жизни. «Говорю же вам, друзьям Моим: не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать» (Лк. XII, 4).

Человек, всецело предавший себя Богу, переживает, свидетельствует и открывает одну истину и радость: потеря ради Христа – приобретение. А потому смерть каждого мученика есть вечно совершающаяся победа Иисуса Христа, Который «смертью смерть поправ». Оттого мученичество уподобляется пшеничному зерну и приносит обильную жатву.

*Труды Таврической духовной семинарии.
Выпуск 1. Симферополь, 2011*

ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ МИТРОПОЛИТ ИОСИФ КРЕЧЕТОВИЧ

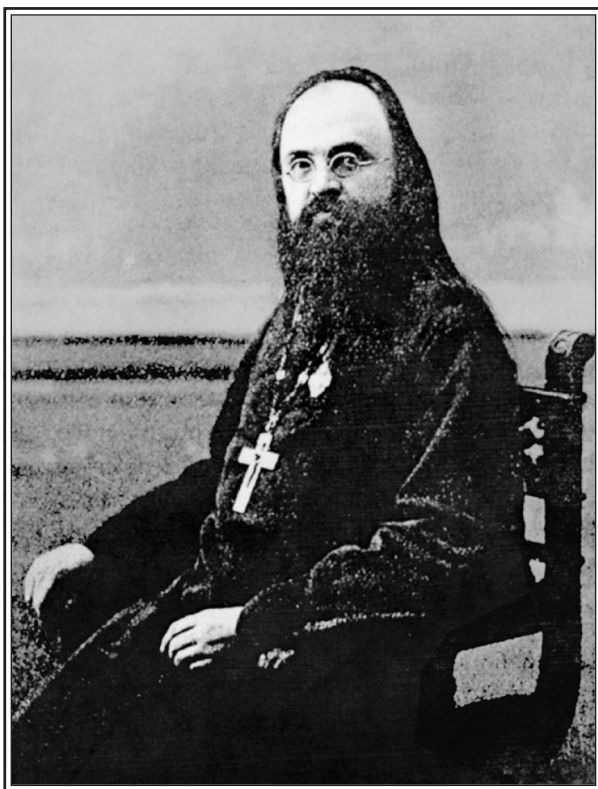
*(По материалам следственного дела УФСБ РФ
по Крымской области и г. Севастополю, архивный № 09959)*

Власть, какая бы она ни была, всегда привлекает к себе особый тип людей, которые искренне ей служат, ищут и находят ее одобрение и поощрение. Таким был Иосиф Кречетович – до революции известный протоиерей, монархист-черносотенец, ближайший помощник епископа Гермогена (Долганева), а после – обновленческий митрополит, органически слившийся с революционной эпохой.

Обновленческий митрополит Иосиф Павлович Кречетович родился в январе 1873 года в селе Хабовичи Кобринского уезда Гродненской губернии в семье псаломщика. После Жировичского духовного училища окончил в 1893 году Виленскую семинарию, после чего поступил в Московскую Духовную Академию. В августе 1896 года обвенчался с поповной Елизаветой Александровной Ярославской. При написании диссертации на тему «Подготовка воссоединения западно-русских униатов с Церковью Всероссийской в 1839 г.» Кречетович вел переписку и имел личные контакты с Владимиром Соловьевым и Борисом Титлиновым. Во время защиты в 1898 году присутствовал В.О.Ключевский, который и порекомендовал работу к публикации.

По приглашению владыки Владимира (Соколовского-Автономова) Кречетович приехал в Оренбургскую епархию и 8 августа 1897 года был назначен инспектором женского епархиального училища, где трудился до 1902 года. За это время он написал объемный труд в 700 страниц «Крестьянская реформа в Оренбургском крае», изданный «Императорским обществом истории и древностей Российских» при Московском университете. Как сообщал «Саратовский духовный вестник» за 1911 год (№50–51), за эту работу удостоился «Высочайшей Государя императора благодарности», о чем Кречетович получил официальное извещение от министра Императорского Двора и Уделов. В том же году Кречетович был избран членом совета Оренбургской ученой архивной комиссии и, помимо этого, нес много других послушаний. 12 мая 1902 года С.Ю.Витте по рекомендации общности города утверждает его в звании Почетного члена Оренбургского попечительства о народной трезвости. Имя разносторонне одаренного священника становится известно за пределами города.

В 1902 году с возведением в сан протоиерея Кречетович назначается в Александро-Невский собор города Уральска, а в декабре 1903 года по ходатайству владыки Гермогена (Долганева) переводится в Саратов настоятелем Митрофаньевской церкви, где прослужил до 8 мая 1909 года, после чего был назначен настоятелем Вознесенско-Горнянской церкви. На следующий год он – ректор епархиального училища, избирается земским гласным в Саратовскую городскую думу, а также становится основателем и первым редактором журнала «Саратовский духовный вестник». Работает в Саратовской уездной архивной комиссии, избирается членом миссионерского общества и братства Святого Креста, где однажды выступил с докладом «Был ли святитель Иоанн Златоуст революционером?»

Священник Иосиф Кречетович

В 1911 году он возвращается в Оренбург на должность ректора духовной семинарии. Там пишет работу «Учреждение в Оренбурге архиерейской кафедры», которую «Оренбургские епархиальные ведомости» опубликовали в пятнадцати номерах.

В феврале 1915 года переезжает в Екатеринослав. Там он становится председателем совета общины помощи жертвам войны, а также принимает участие в работе Екатеринославской Ученой комиссии и братства Свято-

го Владимира, возглавляет русский комитет помощи беженцам. К этому времени у него 8 детей: Борис – 17 лет, Пиам – 15-ти, Валентина – 10, Вера – 8, Сергей – 6 лет, Серафим, Иоасаф, Ирина.

В 1917 году принимает активное участие во «Всероссийском Союзе демократического духовенства и мирян». Обер-прокурор Синода В.Н.Львов, с которым Кречетович был лично знаком, поручает ему произвести расследование «деяний» епископа Таганрогского и Приазовского Иоанна (Поммера) (впоследствии священномученика) и его окружения на основании жалобы клириков епархии в Синод. Кречетович «находит жалобу обоснованной», в ней о епископе Иоанне злопыхатели говорили, что он «мерзость таганрогской церковной жизни, верный слуга старого строя». Инициатором жалобы был, по всей видимости, священник Краснокутский. В своем отчете Кречетович занимает точку зрения обвинителя и пишет о личных качествах архиерея, таких как «грубость, оскорбление священнослужителей, любовь к подхалимам, неразборчивость в средствах борьбы со своими недоброжелателями», и делает вывод: «Дальше идти некуда! Это дело надо расследовать громко и убедительно...» Но в то же время он вынужден признать: «Часть вопросов из рассматриваемой жалобы подтверждения не нашли».

20–21 марта 1917 года Кречетович участвует в организации собрания Екатеринославского епархиального комитета, где от клира и мирян собралось около 500 человек. После молебна, когда епископ Агапит (Вишневский) удалился, собрание вел протоиерей Иосиф. После чтения приветственных телеграмм Временному правительству был избран временный епархиальный комитет, председателем которого стал Кречетович. В своей речи он заговорил о необходимости полного обновления церковной и общественной жизни. Задачами данного комитета являются «наблюдение и уведомление

властей о деятельности епархиальных учреждений и приведении в действие решений епархиальных собраний». В Москву была направлена телеграмма с предложением созыва Поместного собора, на который в качестве делегата среди других был предложен Кречетович.

Революционные перемены в Церкви и обществе подтолкнули белоруса Кречетовича сделать заявление о своей национальности, и с этого момента он – украинец и родной язык для него украинский.

В июле 1917 года Кречетович публично высказал епископу Агапиту (Вишневскому) свое недоверие и напечатал в газете компрометирующую архиерея переписку, изымающую им из архива консистории, с игуменией местного Тихвинского монастыря Констанцией, которую епископ Агапит лишил места. Свою публикацию протоиерей Иосиф назвал «Тайны Екатеринославского архиерейского дома».

5 июля Кречетович как председатель епархиального комитета, наделенного надзирающими функциями, организовал очередной епархиальный съезд духовенства и мирян на основании жалобы игумении Констанции, где снова вынес вопрос о недоверии епископу Агапиту по причине его вредной для новой власти деятельности. В связи с этим епископ Агапит обратился за арбитражем в Екатеринославский совет рабочих и солдатских депутатов и не пожалел слов, доказывая свою лояльность к новой власти.

Чтобы преодолеть разгоревшийся конфликт, из Киева прибыл митрополит Платон (Рождественский). С 22 по 24 июня 1917 года он встречался с клириками в архиерейском доме и выяснил: инициатором конфликта является Кречетович. Во время полемики протоиерей Иосиф заявил, что митрополит Платон может судить о нем только как о ректоре семинарии, но не как о гражданине, у которого есть своя общественно-политическая позиция, и продолжал настаивать на своем недоверии епископу Агапиту.

В ноябре 1917 года епископ поручил священнику Павлу Соколовскому провести расследование деятельности Кречетовича и наложил на него запрет в священнослужении. Кречетович яростно протестовал, обращался во всевозможные инстанции, в том числе и к Патриарху. В результате его перевели в Витебск ректором семинарии, но епископ Агапит отказался снять прещение. Тогда Кречетович обратился к киевскому прокурору с жалобой на епископа и на Украинское учительское товарищество, бывшее на стороне архиерея, с просьбой привлечь их к уголовной ответственности за клевету.

29 мая 1918 года на имя министра внутренних дел гетманского правительства из Екатеринославского церковного совета поступил протест: Кречетович человек негодящий, никчемный, и, кроме презрения и ненависти, ничего не заслуживает, он «злой дух школы» и «враг украинского дела, так как он ни языка, ни обычаев украинских не знает как неукраинец».

В итоге, несмотря на отчаянное сопротивление, Кречетовича выселили из служебной квартиры, и он переехал в Киев, где работал в Министерстве исповеданий под началом В.В.Зеньковского, редактировал журнал «Вера и держава», а также был секретарем комиссии по сохранению церковной старины и объектов культуры, готовил проекты церковных реформ и занимался архивным делом. В это же время работал в Министерстве просвещения и посещал ускоренные курсы «украинства». Переписывался с писательницей Л.Н.Сейфуллиной.

20 января 1920 года епископ Назарий (Блинов) отправил Кречетовича в село Ромашки Белоцерковского уезда настоятелем Покровского храма, где он прослужил до 20 июня 1923 года. В это время он переписывается с будущим лидером обновленческого движения Александром Введенским, готовит к изданию брошюру «Происхождение и сущность самосвятства липковцев» и сам

Митрополит Иосиф Кречетович

окончательно созревает к принятию обновленчества. В 1922 году побывал в Москве на учредительном собрании «живой церкви» и объявил себя обновленцем.

В феврале 1923 года Кречетович становится членом Временного украинского ВЦУ. 20 июня 1923 года, сохраняя брак, возводится в епископа Уманского, викария Киевской обновленческой епархии. С 11 января 1924 года – епископ Изюмский, викарий Харьковской епархии. Ведет активную обновленческую деятельность и уже 16 ноября 1924 года становится архиепископом с переводом в Полтаву, но там его принимают холодно, недоброжелательно, и вскоре он возвращается в Изюм. Кречетович публично обвинил епископа Бориса (Шипулина) во лжи, возник серьезный скандал, имевший боль-

шой резонанс и достигший киевских церковных властей. Погасить его удалось лишь после того как Кречетович принес свои извинения. В декабре того же года обновленческий синод хотел командировать Кречетовича в Америку, но после длительного обсуждения счел это преждевременным. 16–18 мая 1925 года в Харькове на втором Всеукраинском соборе в своем докладе Кречетович предпринял попытку обосновать принципы автокефалии и обновленчества. Опираясь на его выкладки, собор принял резолюцию.

Вскоре в Изюме разразился большой скандал из-за отказа Кречетовича дать чудотворную Песчанскую икону Матери Божией, без которой не мог состояться крестный ход в поселке Пески. Оскорбленные в лучших чувствах верующие потребовали суда над Кречетовичем. Его авторитет среди верующих упал настолько, что был сочинен ернический акафист «Иосифу, архиепископу Изюмскому»:

Кондак I

Избранному и дивному новому Изюмския страны чудотворцу, все радостно ныне приносим ти, святителю Иосифе, хвалебные пения: ты же яко имеяй неизреченное хитроумие и непреодолимое похабство, от всяких нас радостей свободжай и в бездну смут и нестроений ввергай, да зовем ти: Радуйся, Иосифе, великий и пречудный Изюмский Чудотворче.

Икос I

Архиерейства пламенно возжелел и сего ради устремил стопы своя во град Киев и в церковной смуте, презрев сан протоиерея, получил ты хиротонию архиерея, и мы дивящиеся такому дерзновению с умилением зовем ти: Радуйся, архиерейския чести восхитителю, радуйся, истиннаго стада Христова расхитителю. Радуйся, своего злоречия восхвалителю, радуйся, наивных овец

соблазнителью. Радуйся, клеветы великия прародителю, радуйся, правды и чистоты поработителю. Радуйся, монахов преизрядный обличителю, радуйся, женатаго архиерейства неутомимый защитителю. Радуйся, Иосифе, великий и пречудный Изюмский Чудотворче.

Кондак II

Егда же прият архиерейство, во град Умань прибыл еси, и не будучи принят тамо, ничто же сумяшеся спокойно незлобливо возвратился еси паки ко святому граду Киеву с веселием вопия: Аллилуйя.

Икос II

Долгие дни и месяцы бе без дела и не находя своему унынию предела начат писати и изобличати тихоновцев и липковцев и подобных им мразей, и мы, читающе твои произведения, полных грязей, с воодушевлением зовем ти: Радуйся, Патриарха Тихона дерзкий изобличителю, радуйся, тихоновския церкви усердный разорителю. Радуйся, липковцев ярый поборителю, радуйся иоанникийцев непримиримый гонителю. Радуйся, обновленческия церкви покорителю, радуйся, самого себя восхвалителю. Радуйся, безбожия и неверия стойкий насадителю, радуйся, безнравственности и бесчестия неустанный поощрителю. Радуйся, Иосифе, великий и пречудный Изюмский Чудотворче.

Кондак III

Провидев во граде Изюме свободное место архиерейства, нача просити Синод тамо поместити, и, получив назначение, с узельцем книг немедля направился еси к новому месту служения, с радостью вопия: Аллилуйя.

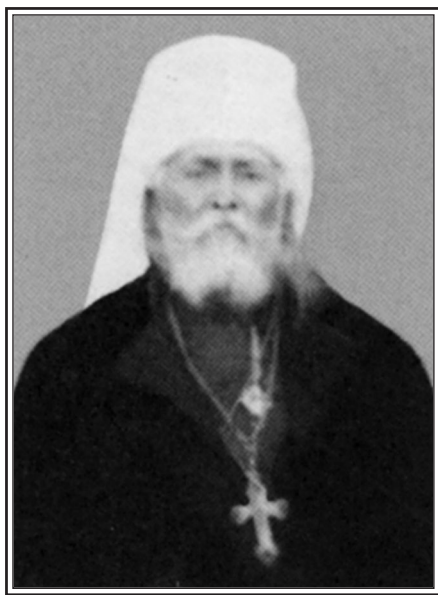
Икос III

Не будучи в новом назначении уверен, в своих делах на время стал ты более умерен, показал еси премного лицемерие, скрываяй истинное свое высокомерие, получил ты от Изюмския паствы Синода указа подтверждение и за перевозку из града Киева вознаграждение,

и мы, поражаясь такому незлобивому хитроумию, велогласно зовем: Радуйся, паствы Изюмские обдурителю, радуйся, денежных сумм охмурителю. Радуйся, пречудне скрывающий лицемерие, радуйся, премногое явивший высокомерие. Радуйся, Иосифе великий и пречудный Изюмский Чудотворче.

И т. д.

Оставаться в Изюме было нецелесообразно. В 1926 году Кречетович переходит на Могилевскую кафедру, и 21 января 1927 года митрополит Пимен Пегов возводит его в сан митрополита Белорусского и Могилевского. Тогда же, на заседании синода, Кречетович знакомится с митрополитом Крымским Алексием Замараевым и протоиереем Александром Эндекой. В это же время разгорается новый скандал. В синоде Кречетович заявил, что в прошлом году он совершил чин анафематствования, в том числе и тихоновской церкви. Такое заявление вызвало у некоторых присутствовавших несогласие и опасения, что это будет разжигать излишнюю ненависть. Но Кречетович с гневом прокричал, что и в этом году он все равно будет совершать тот же чин. Один из архиереев предложил осудить действия Кречетовича. 10 марта на заседание пленума белорусского синода Кречетович явился только после трехкратного приглашения и в грубой форме по отношению к присутствующим заявил, что он синод не созывал и, обращаясь к архиепископу Алексию, противнику анафемы, тыча в него пальцем, неистово закричал: «Волки! Кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет анафема!» И ушел. Такой агрессивный выпад всех возмутил. 17 марта белорусский синод открыл заседание в его отсутствие под председательством архиепископа Алексия, заместителя Кречетовича, и резко осудил его «грубость и дерзость».

Митрополит Алексей Замараев

Он «уже сегодня, не дожидаясь Недели Православия, начал свою анафему с неприкрытым проклятием, прежде всего членов синода <...>. К постановлению синода отнесся с пренебрежением, подрывая корни церковной соборности».

Склонность к конфликтам, сложный и неуживчивый характер делали Иосифа Кречетовича персоной малоудобной для нормального общения даже с единомышленниками. Его можно было бы назвать человеком больших страстей. Энергии его хватало на всё и всех, так что никто не оставался вне поля зрения, особенно, если дело касалось финансов или карьеры. Издержки его характера не только раздражали, но и вызывали открытую иронию, долетавшую в письмах-посланиях из Изюма в далекую Белоруссию.

«К предстоящим торжествам в Белорусской церкви по поводу прославления ныне здравствующих мощей Всечестного Отца нашего, ныне во святых пребывающего (без канонизации) митрополита всея Белоруссии Иосифа, приснопамятного по Изюмской Епархии

Бывший Архиепископ Изюмский ныне, по великому счастью для Белоруссии, Митрополит ея, в письмах к своим почитателям по гор. Изюму сообщает, что в Белоруссии его уже оценили по достоинству и будто бы готовятся к его прославлению. Нетрудно нам поверить такому святительскому заверению, т. к. мы и сами не один раз уже слагали вирши и псалмы и даже акафисты в честь его великих и достохвальных подвигов, но он, к удивлению нашему, ссылаясь на свою якобы скромность, всегда отвечал, что не мешало бы немного подождать с прославлением до тех пор, пока не только люди, но и ангелы объединятся в этом неизреченном провозглашении, чтобы, как он выражался, “было” “яко на небеси и на земли”... Теперь, очевидно, уже спустились на Белорусскую страну ангелы, вот почему думаем и “присно день светлого торжества, град Могилевский радуется!” К нам уже митрополитом Иосифом присланы его образки и иконки Богоматери для распространения по Изюму. Причем он уверяет, что его образки – все равно что иконки Богоматери, разница только в том, что за иконки Богоматери должно взимать по 50 коп., т. к. на них не имеется собственноручной подписи Богоматери, а за образки Митрополита по 1 рублю, т. к. на них имеется его собственноручная подпись.

Митрополит Иосиф снят в зеленой митре и в зеленом облачении, которые он пречестно ухитил в Полтаве и по сии поры добровольно их не возвращает. Да и как их возвращать, если они уже благодатию его прославлены и считаются великой его святыней. Им разве только за

стеклом надлежит быть в качестве явного доказательства умения Митрополита “хранить святыню в страхе Божиим”! Стоит только взглянуть на его образок, и сейчас же станет видно, что он великий и преславный чудотворец. Дело в следующем: на образке, иже во святых отец наш Митрополит Иосиф Белорусский снят в панагии, которая неотлучно хранится в нашем Соборном храме, как некое вещественное доказательство (в нужных случаях ее показывают, напр., в приезд в Изюм Митрополита всея Украины Пимена и ключаря о. Петровского). Эта панагия никоим образом не могла быть в Могилеве в момент, когда снимали Митрополита на образок, а между тем он снят именно в ней! Чудо из чудес!!! Замечательна история и вид этой панагии. Была и есть во граде Изюме некая нищая весьма благонравного и богобоязненного жития и к Владыке зело почтительна. И собрала она по грошу ни мало ни много тридцать руб. серебром. На эти деньги она поручила благоговейнейшему Владыке Иосифу купить для Собора какую-либо необходимую вещь. Как знаток Церковной и священной истории, Владыка Иосиф понял, что это – “цена крови старухиной”, а к тому же и “30 сребреников”, и решил “не достоин их вложить в корвану”, посему он, отправившись во град Москву, купил за 75 коп. кругленькую лубочного изделия иконку Богоматери с беленькой цепочкой для нательного креста и назвал ее Панагией, объявив ей цену 30 руб. Счета, конечно, не представлял. Да и кому вздумается требовать от “Всечестнейшаго” Отца нашего какого-то “богомерзкого” счета. В письме Владыки на том месте, где указывается число для его прославления, стоит клякса, посему мы не знали, когда же собственно церковь Белорусская будет праздновать его прославление. По нашей косности в поисках числа и дня празднования прибегли к теории вероятности и заключили, что если Владыка Митрополит пребывает во утробе Белорусской церкви уже

семь месяцев, то для “прославления” изъят будет из оной через два месяца, дабы не нарушить “естества чин”. Для нас очень важно знать, ошибаемся ли мы в своем предположении или нет, это во I-х, а во II-х нам очень хотелось бы самолично присутствовать на прославлении. Мы поспешим закончить сборы в его пользу (об этом он очень просит), а также и подберем достойные к случаю псалмы, и вирши, и акафисты. Чтобы не подумали, что мы можем своими виршами и песнями испортить торжество его прославления, мы посылаем к Вам образцы и выдержки из этих писаний.

Изложено и с литературной, и с церковной точки зрения согласно канонам “Живой Церкви”, от которой он и получил свое архиерейство, вырученные от продажи иконок и образков деньги мы, конечно, пришлем заблаговременно, ибо пишет Святой Отец, что у Вас там зело скудное житие, что взносов ему не платят, что он, во святых пребывая, голодает и даже по своему прославлению готов идти к нам в Николаевскую церковь священником, выделив эту церковь из подчинения Синоду (над чем он немало, но безрезультатно потрудился) и создавши свою Московскую Свято-Блаженную ориентацию. За эту продажу образков и иконок и распространение копий с его писем с нас смеются непризнающие его святости, но мы уверены, что по его молитвам (а он служит по 9–10 часов подряд) они будут наказаны корчею, лихорадкою и проч. болезнями. Поистине неутомимый молитвенник был Владыка Иосиф. Бывало, когда бы к нему ни пришли домой, чтобы послушать его наставлений, его дети в один голос отвечают: “Владыко с матушкой стоят на молитве. Обождите”. И по истечении часа, а то и двух вы только можете его лицезреть и от него научиться.

А любвеобильный он какой! Любя Белорусскую паству, он любит и Изюмскую, испрашивая от нея “великия и богатая милости”. Не позор, а умиление!

Храните своего Владыку, аки зеницу ока, чтобы он, будучи прославленным, не вообразил, что он не белорус по рождению, а украинец, как это он у нас всегда заявлял. Помните, что от избытка чувств и украинец пишет в Изюм, что “все-таки рано или поздно, а буду желанным Митрополитом Украины и выгоню вон всех архиереев монахов”.

Ужасно боевой Митрополит! Завидуем Вам!

Только вот в чем беда. Из Украины и последнего женатого Епископа удалили на покой и говорят и впредь женатых допускать не будут, но, как говорится, “много может молитва праведного споспешествуема”, и молитва благоговейнейшего мужа Митрополита Иосифа Кречетовича будет услышана, и ему будет сделано исключение, а именно: он пройдет не через дверь, а будет пролазити инуде. Ему это не впервые. В архиереи он пролез инуде, будучи избранным только двумя лицами: протоиереем и мирянином.

Какой великий канонист Митрополит Белорусский Иосиф Кречетович! Говорят, что он из жидов, потому и дошлый такой. Потому говорят, в архиве Синода Украинского и потеряно дело о посвящении ныне прославляемого Владыки.

Настоящее наше отношение просим не считать выдумкой досужих умов. К сему прилагаем собственноручные подписи.

Протопресвитер, от женатого епископа поставленный, вопреки постановления о сем духовенства и мирян Изюмской Епархии личной волей б. Архиепископа Изюмского Иосифа, друг и почитатель его *Иван Иванович Резниченко*.

Первостепенной важности болтун *Михаил Ананасьевич Клоченко*.

Изгнанный по шее из Синода и из Управления, и из Николаевской церкви г. Изюма, где был бесконтроль-

ным старостой, растратчик и хулитель, ругательный резник *Сергей Павлович Бондаренко*.

Являясь Президиумом от неподдающегося учету количества почитателей искренно Вам сочувствующие.

Все множество вирш и акафистов о Митрополите Иосифе можно выписывать по адресу: г. Изюм, И.Ф.Деревянко, М.А.Клоченко и протопресвитер И.Резниченко.

Вирши положены на ноты».

«Вирши», сочиненные в Изюме, с энтузиазмом распевали и в Белоруссии.

Глас 10-й, подобен «Ах вы сени»...

*Длинный волос,
Зычный голос
И сердце ехидное,
Что же боле
Нужно ноне
Для Владыки видного?
Рассуждал наш Кречетович (2 раза хор)
В семейном совете.
Ах, чего только ты стоишь,
Еся, в этом свете.*

*В архиереи
Через двери
Пройти – дело трудное.
Через ограду
Прыгнуть надо –
Свершить дело чудное.
Добавлял наш Кречетович (2 раза хор)
В семейном совете.
Ах, чего только ты стоишь,
Еся, в этом свете.*

Ах, возьми меня,
Допусти меня,
Батя, дикаришка*,
В архиерейский чин,
Я жидовский сын,
Немалая шишка.
Умолял наш Кречетович (2 раза хор)
В семейном совете.
Ах, чего только ты стоишь,
Еся, в этом свете.

Дикаришка – хват,
С мирянином брат,
Так постановили:
Посвятить его,
Так как лучшего
Еще не нажили.
Прибавлял наш Кречетович (2 раза хор)
В семейном совете.
Ах, чего только ты стоишь,
Еся, в этом свете.

И как сказано,
Так и сложено,
Но не так только все случается.
Те владыченьки,
Что святить должны,
Ночкой темной вдруг все скрылися.
Говорил наш Кречетович (2 раза хор)
В семейном совете.
Ах, чего только ты стоишь,
Еся, в этом свете.

* Протоиерей Дикарев, «уполномоченный».

А потом других
Извели двоих
И святили нам Кречетовича.
Так-то, брат, пройти
В архиереи без пути
Не решится никто, кроме сволочи.
Грозно молвил Кречетович (2 раза хор)
В семейном совете.
Ах, чего только ты стоишь,
Еся, в этом свете.

Проворен я был –
Бумагу стащил
О таком своем посвящении,
Чтобы вдруг Синод
Не давал им ход –
Будет мне тогда запрещение.
Ободрял наш Кречетович (2 раза хор)
В семейном совете.
Ах, чего только ты стоишь,
Еся, в этом свете.

Длинный волос,
Зычный голос
И сердце ехидное,
Что же боле
Нужно ноне
Для Владыки видного?
Рассуждал наш Кречетович (2 раза хор)
В семейном совете.
Ах, чего только ты стоишь,
Еся, в этом свете.

Вирши № 2

Глас 11, подобен «Ах, матушки» ...

*Как из града Могилева
Поступила к нам мысль нова
от владыченьки. (2 раза)
Отчего-то – неизвестно,
Стало жить мне здесь тесно,
почитатели. (2 раза)
Гонят меня без пардона,
На них нетути закона,
поносители. (2 раза)
Что твое нам архиерейство,
Хочешь ты от нас лакейства,
ох, хулители. (2 раза)
Унеси ты, мое горе
К нам в Изюм прошуся доне,
почитатели. (2 раза)
Брошу белый свой клобук,
Не хочу таких я мук,
поносители. (2 раза)
Буду я в Изюме жить,
Буду бахчи сторожить,
почитатели. (2 раза)
Соберите на дорогу
И пришлите на подмогу,
почитатели. (2 раза)
Я уеду в град Изюм
И возьмуся там за ум,
почитатели. (2 раза)*

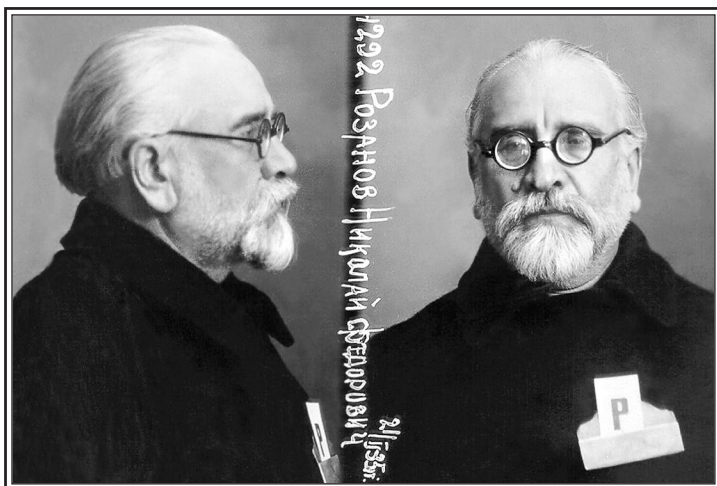
Когда противостояние дошло до высшей точки, синод стал подыскивать ему другое место. Предложили Владимирскую кафедру. Там на епархиальном съезде он в течение шести часов говорил об истинности обновленче-

ства и необходимости тихоновцам примириться с ними. Но оставаться во Владимире не захотел, да и в Белоруссию, где его авторитет был подорван, возвращаться не стал. В это время освободилась Крымская кафедра, так как ушел митрополит Анатолий Соколов.

11 июля 1928 года Кречетович прибыл в Симферополь, где на перроне его встретили обновленческие активисты. На одном из первых епархиальных собраний Кречетович предложил проэкзаменовать всех священнослужителей без образования не только по богословским дисциплинам, но и на предмет идеологического соответствия.

Практически сразу у него образовался конфликт с архиепископом Севастопольским Николаем Розановым, талантливым интриганом. Розанов по прибытии Кречетовича провел епархиальное собрание, от имени которого в Московский синод была отослана телеграмма о том, что только он, Розанов, – единственный духовный авторитет в Крыму, способный вывести обновленческое движение из тупика. И что он – «украшение Севастопольской епархии, ее жемчужина, способная своим словом наставлять пасомых на путь Божией правды». Это был очевидный перебор, и некоторые участники собрания стали писать возмущенные письма Кречетовичу: «В своем докладе-пасквиле Розанов доходит до изумительного неприличия в отношении митрополита Иосифа... Он вносит смуту и раздор в народ и производит весьма неприятное впечатление своей деятельностью».

В начале сентября 1928 года Кречетович провел очередной, 4-й, митрополитанский съезд в Симферополе, где одним из острых вопросов была сомнительная деятельность архиепископа Николая Розанова. Но и положение Кречетовича, как выяснилось, было также под вопросом, на что указывали его оппоненты. Оставалось

Обновленческий архиепископ Николай Розанов.
Тюремное фото. 1935 г.

неясным, то ли его назначил синод на Крымскую кафедру, то ли он в командировке. На этом же съезде после перечисления всех достоинств митрополита Иосифа (помимо прочего, он имел грамоту от Вселенского Патриарха Василия III) он был избран главой Крымской митрополии. В своей речи он призвал митрополита Сергия (Страгородского) к объединению и подчеркнул, что Страгородский пытается догнать обновленцев в признании Советской власти, т. е. сделать то, что они сделали еще в 1922 году. По решению съезда утверждалось три епархии – Симферопольская, Севастопольская и Керченско-Феодосийская под общим управлением КМЦУ. Крымская митрополия объявлялась автономной с митрополитом, который избирался пожизненно и мог оставить свой пост только по суду или собственному желанию. В свою очередь, Николай Розанов не скрывал своих претензий на это место.

Синод отказался признать автономию, но утвердил Крымскую митрополию в составе трех епархий и предложил предать церковному суду архиепископа Розанова за обвинения членов КМЦУ во вредительстве. Но после публичных извинений Розанова обе стороны согласились на компромисс. Синод обвинил Крымскую митрополию в сепаратизме, что Кречетович воспринял крайне болезненно и в знак протеста на пленум синода в Москву ехать отказался. Вместо него был командирован мирянин А.М.Соломенко.

В своих многочисленных беседах в различных храмах Крыма Кречетович особое внимание уделял критике тихоновской церкви.

Осенью 1928 года у Кречетовича возникли напряженные отношения с двадцаткой Александро-Невского собора Симферополя. Разброд и шатания во многих обновленческих общинах Крыма также подрывали его авторитет. В связи с этим для проверки его деятельности из синода была прислана комиссия с двумя архиереями во главе, но особых изъянов не нашла.

В 1927 году над головой митрополита собрались грозные тучи. Началась кампания по закрытию Александро-Невского собора. Советские газеты требовали на этом месте построить клуб. В связи с этим 20 марта 1929 года синод перенес кафедру в Феодосию. 28 июля 1929 года состоялось общее собрание кафедрального собора, где против Кречетовича были выдвинуты обвинения: 1) ущерб 1000 руб.: «он недостаточно говорил верующим о пожертвованиях», 2) политическая неблагонадежность: «говорил проповеди, враждебные советской власти и ее представителям». Тогда же от имени двадцатки в синод поступила жалоба на митрополита Кречетовича: его обвиняли в узурпации власти и политической неблагонадежности. Синод предложил Кречетовичу занять Вятскую кафедру, но тот отказался.

7 сентября 1929 года на собрании КМЦУ присутствовавшие официально подтвердили выдвинутые двадцаткой обвинения против Кречетовича, и все священнослужители во главе с обновленческим архиепископом Вениамином Молчановым подписали этот протокол.

17 сентября 1929 года обновленческий митрополит Иосиф Павлович Кречетович был арестован.

В тот же день на собрании КМЦУ делегаты официально подтвердили выдвинутые двадцаткой обвинения против Кречетовича. В протоколе собрания говорилось:

«Мы, пастыри и делегаты пленума К.М.Ц.У., прибывши на очередной Пленум 17 сент. 1929 г. и узнав об аресте Митрополита Иосифа, и ознакомившись с протоколом 20-ки Александро-Невского кафедрального собора г. Симферополя от 28 июля 1929 г., с прискорбием отмечаем, что Митрополит Иосиф (Кречетович) нарушил не только один из основных принципов обновленчества, но и слова Святого Апостола Павла (посл. к Рим., гл. 13): “Всякая душа да будет покорна Высшим властям”.

Поэтому делегаты Пленума с глубоким возмущением постановляют:

Пленум К.М.Ц.У. считать несостоявшимся и осудить враждебную Властям деятельность митрополита Иосифа.

Одновременно просит сыновне обратить внимание Св. Синода на примирительное его отношение к деятельности митрополита Иосифа, которая ему (Св. Синоду) была небезызвестна. Вместе с тем также просит сыновне обратить внимание Св. Синода на более внимательный подбор руководителей обновленческого движения в целях внедрения соборноправности и лояльности к Властям.

В связи с этим прискорбным событием делегаты Пленума поручают протоиереям: о. Василию Бреневу и

о. Иоанну Федорову выразить их (делегатов) сожаления представителям Власти и заверить, что делегаты Пленума остаются по-прежнему лояльны к Соввласти <...>».

И все священнослужители во главе с Севастопольским и Ялтинским архиепископом Вениамином Молчановым подписали этот протокол.

17 августа на допрос из Феодосии был вызван епископ Дионисий (Прозоровский) Он сказал, что лично Кречетовича не знал, но «в начале революции при временном правительстве в Оренбургской газете было напечатано официальное сообщение, что в архиве жандармского управления найдено письмо саратовского губернатора на имя оренбургского военного губернатора, в каковом письме протоиерей Иосиф Кречетович рекомендуется полезным и надежным осведомителем охранного отделения – особенно об интеллигенции и учителях. Протоиерей Иосиф Кречетович был назначен ректором духовной семинарии в Оренбург из Саратова. О принадлежности его к Союзу Русского народа слышал, но не помню от кого».

Ближайшие сподвижники дают на Кречетовича убийственные показания.

Вызванные на допрос члены двадцатки не стали защищать и выгораживать своего митрополита. Напротив, угождая следователю, помогали сформулировать новые преступления Кречетовича против власти.

«Как выясняется за последнее время, – заявил один из активистов Александро-Невского собора Н.М.Тайнов, – Митрополит Иосиф Кречетович за свое пребывание в Крымской Епархии вообще мало приобрел популярности как между служителями рел. культов, так и мирянами. По отношению к первым он слишком настойчив, чрезмерно требователен, что указывает на то, что в нем осталась старая закалка попа, который, как известно, любит поставить на своем. Отношения его с Московским

Епископ Дионисий (Прозоровский)

Синодом, как видно, натянутые, особенно с Митрополитом Александром Введенским. По отношению к верующим мирянам положение обстоит так: в первое время по приезде своем в Симферополь своими проповедями и беседами привлек слушателей, а когда верующие стали более разбираться с его обширными проповедями и беседами и еще более недружественным и немиролюбивым отношением с двадцаткой каф. Собора, – часть верующих отошла от него, и, таким образом, за последнее время наблюдается картина, которая крайне неблагоприятно отзывается на материальном положении Собора. Обширные проповеди и беседы Митрополита Иосифа Кречетовича, главным образом основанные на Евангелии, Библии, церковных канонах и житиях святых и пр., показывают, что он порицал безбожие, насколько мне известно (я не всегда бываю в Соборе и потому проповедей и бесед его всех не слушал), говорил так: Христианство прочно построено и никогда не погибнет вера Христа. И безбожие не может быть прочным, так как не имеет никаких оснований прочному укреплению. Молодые поколения христиан под влиянием безбожников отходят и увлекаются клубом и другими увеселениями. Больно смотреть на эту картину, но мы должны бороться с этим злом. Всякий верующий должен посещать храм, соблюдать посты и пр.».

Другой член двадцатки, Д.Т.Боброва, дала схожие показания.

«В отношении проповедей Митрополита Иосифа Кречетовича могу показать следующее: в одной из проповедей в Петропавловской церкви он сказал: “Что современные коммуны в Бога не веруют и хлеба не дают, вот настало время кому дают 1 фунт, кому полфунта, а кому ничего, а вот раньше было в I-е века Христианства коммуны, они в Бога веровали и у них хлеб был в достатке”. В другой проповеди он сказал: “Ленин для нас вредный

и жуткий человек, он оскорбил религию, почитайте его книгу о религии и вы убедитесь". При этом он просил обязательно найти эту книгу.

В день 8 марта (межд. женский день) он сказал: "В этот день большевики учат, чтобы женщина не подчинялась мужчине, этому мы не должны следовать, ибо церковь учит, чтобы женщина была покорна своему мужу, даже если он будет пьяницей и т. п.". По поводу кинокартины "Отец Сергей" он сказал: "Наша духовная жизнь тяжела. Сыны дьявола извращают святых, ставят картины, неправильно описывающие жизни святых". В 11-ю годовщину октябр. революции Иосиф служил молебен скорбящей Божьей Матери, а затем произнес проповедь о статьях Вл. Соловьева и книге Ленина о религии, при этом сказал: "Большевики хотят построить свое царство на земле, а мы не должны строить на земле, а искать царство на небе, ибо теперешнее царство на земле недолговечно".

В одной из проповедей он сказал: "Если хоть один коммунист бросит партию и пойдет к нам в церковь, то об этом ангелы на небесах будут радоваться".

В настоящее время, в связи с арестом Митрополита Иосифа, по городу ходит какой-то сын священника и собирает подписи об его освобождении, причем ему помогает собирать подписи б. помощник Шпендиаров по национальности армянин. Шпендиаров возмущается, почему такого достойного человека арестовали.

Показания записаны верно, мне зачитаны».

Ветеран обновленческого движения Николай Павлович Попов дал обширную характеристику своему митрополиту.

«Кречетович Иосиф Павлович, в должности Митрополита Крымских Православных церквей, в период с Августа 1928 г. по Сентябрь 1929 г. большинство культовых отправлений совершал в Кафедральном Александро-Невском Соборе г. Симферополя. В момент совер-

шения культовых отправлений Кречетович постоянно произносил проповеди, поучения и беседы, которые не всегда были проникнуты духом христианства, а были направлены против отдельных мероприятий, отдельных представителей государственных организаций, а иногда и против Советской власти в целом.

Трудно в памяти восстановить числа, дни и месяцы тех выпадов, какие позволил себе Кречетович по отношению Соввласти, позволю себе только перечислить те факты, какие я сам слышал и наблюдал.

I. Осенью 1928 г. Советская пресса готовилась к торжественному празднованию 100-летнего юбилея Л.Н.Толстого, правительство ассигновало на это торжество некоторую денежную сумму. Кречетович в трех своих беседах критиковал действия Советского правительства, говоря следующее: "Граф Л.Н.Толстой, враг православной церкви, антихристиански настроенный, почти безбожник, удостоился особого внимания и чести Советской власти. На такое-то число назначено торжественно отпраздновать 100-летний юбилей со дня его рождения; видите, братья и сестры! Антихриста, врага церкви и почти безбожника, Советская власть собирается чествовать и даже ассигновало на это торжество 150 т. руб., когда эти деньги можно было с успехом израсходовать на что-нибудь более полезное".

II. Кречетович по возвращении своем из Москвы в Июне месяце проектировал устроить особое торжество по случаю 100-летнего юбилея Кафедрального Александро-Невского Собора, по этому случаю он разослал соответствующий циркуляр по Крымской Митрополии. Накануне юбилея он производил денежный сбор на покрытие расходов по приему предполагаемых гостей. Духовенство съехалось, но участия в совершении церковного торжества не принимало. Этим обстоятельством Кречетович был сильно раздосадован и все свое

неудовольствие излил на следующий день в проповеди во время службы.

Темой его проповеди было положение: превосходство идеализма над материализмом. Пред аудиторией в тысячу с лишним человек, большинство из которых люди простые, необразованные, Кречетович раскрывал теории материализма и идеализма; для весьма многих эта философия была непонятна. Когда Кречетович перешел к своим доказательствам превосходства идеализма над материализмом, то он сказал следующее: “Взгляните на ту жизнь, которую проповедают нам наши материалисты-безбожники, они называют ее жизнью новой, свободной, это ложь; то, что они называют жизнью, это не жизнь, нет у них жизни ни для себя, ни для нас, ни для кого бы то ни было. Та жизнь, к которой вас зовут, это не жизнь, а грубый обман”.

III. В одну из воскресных служб Кречетович говорил проповедь, по поводу 38-ми миллионов голодающих в Китае. “Прочел сегодня я в газете, что в Китае голодает 38 миллионов, и ужаснулся; голодает громадное государство в той стране, где тысячелетняя культура. Что дала эта культура китайскому народу, ничего, кроме голодной смерти. Зачем, спрашивается, нужна людям культура, когда она приводит их к голодной смерти. К чему всякое стремление к культуре, к завоеваниям, к разным усовершенствованиям, когда они несут смерть. Посудите сами, братия и сестры, зачем нам всякие достижения, завоевания на этом культурном фронте, который приводит нас к голоду, пусть прежде нас накормят, а потом принимаются за проведение своей культуры”.

IV. За неделю до своего ареста, в день церковного праздника Усекновения Главы Иоанна Предтечи, за дневной службой в своей проповеди Кречетович говорил следующее: “Царь Ирод постоянно восторгался красноречием Иоанна Крестителя и, несмотря на свое

преклонение и восторги перед ораторскими способностями его, все же отдал приказ о смертной казни Иоанна. Восторги и восхищения не помешали окаянному Ироду снять голову Иоанну". Сравнивая себя с Иоанном, Кречетович продолжал: "А разве теперь нет Иродов? Вот в наш собор ровно полгода ходил секретарь местного союза безбожников Тихомиров, ходил, слушал наши изъяснения слова Божия, а потом взял все наши проповеди написал в газете «Красный Крым» в искаженном виде. Меня, святителя, Митрополита, назвал «Мракобесом», все проповеди мои напечатал в извращенном виде, оболгал меня, оклеветал, да и не мог он иначе поступить.

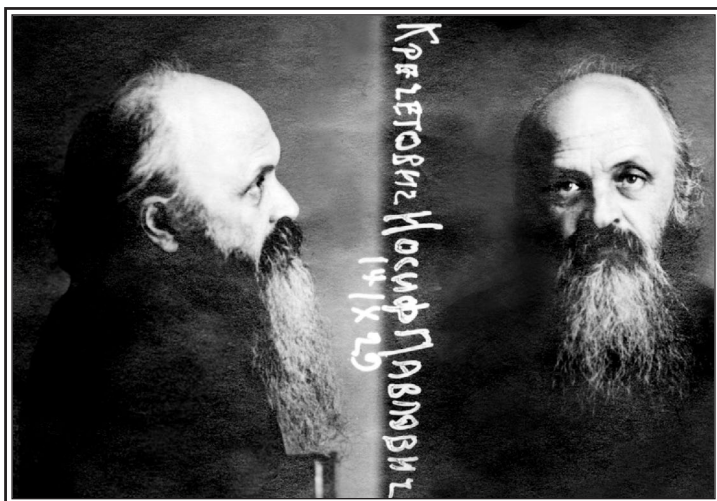
Безбожник, человек без совести, без чести, пропитанный клеветой и неправдой, дьявольский настроенный, иначе и поступить не может, Тихомиров не кто иной, как современный окаянный Ирод. Этих Иродов окаянных много и среди вас, Ироду-Тихомирову я не удивляюсь, он из стана безбожников, но есть Ироды окаянные и среди верующих – это члены двадчатки, которые написали в Свящ. Синод, что я говорю проповеди против Советского Правительства, это наглая ложь, меня хотят погубить. Православные, у вас я прошу защиты, никогда я не говорил лишнего, кроме слова Божия, и вот противники этого слова, враги Церкви ищут моей гибели".

Трудно вспомнить все те мелкие и многочисленные выпады Кречетовича, направленные к подрыву авторитета Соввласти в верующих массах. Не лишним считаю упомянуть характерную особенность, бабы и кликуши, близко стоявшие к Кречетовичу, враждебно настроены к Соввласти. Под именем "безбожника" они представляют себе сотрудников Советских государственных учреждений, ненависть к безбожникам переносится на учреждения, на распоряжения их, да и на всю Соввласть. До приезда Кречетовича в Крым, до его проповедей в

Кафедральном Соборе среди верующих такого настроения не наблюдалось. Благодаря “мудрому духовному руководительству Кречетовича” бабы, кликуши и прихвостни пропитаны нездоровым духом по отношению к Соввласти. У Кречетовича “проповедническая деятельность” была двулика, легальная – во всеуслышание, и нелегальная – на ушко своим приближенным “фаворитам и фавориткам”. Знакомая и часто повторяемая сцена: после окончания служения вся “свора расположенных” кольцом окружает своего любимца, а он шепчет им: “Сегодня меня опять вызывали в административный отдел, 5 часов меня там держали, и вот о чем мы там говорили с безбожниками”, и начинается долгое разглагольствование. Первое время по приезде своем в Крым Кречетович о своих вызовах в адмотдел и о разговорах там публично объявлял, говоря, что я-де не привык что-либо скрывать от народа, потом же стал тихонько об этом говорить.

Н.П.Попов».

Староста собора Г.П.Ерошкин сообщает следователю: «Я являюсь председателем двадцатки Симферопольского кафедрального собора. В отношении антисоветских проповедей, произносившихся в разное время Митрополитом Иосифом Кречетовичем в кафедральном соборе, могу показать следующее: действительно Митрополит Иосиф неоднократно выступал с проповедями противоправительственного толкования, но он нами неоднократно предупреждался, чтобы он прекратил эти свои выступления, но он отвечал: “Это не ваше дело”. Мы, видя, что такие его выступления обостряют отношения верующих с властью, решили жаловаться в Синод и написали, что Митрополит произносит противоправительственные речи, называя власть еретической, и просили Синод принять меры к его переводу, но до сих пор перевод не состоялся. Больше добавить ничего не могу».

Митрополит Иосиф Кречетович.
Тюремное фото. 1929 г.

Бывший староста собора А.Ф.Кесарийский также указал на противозаконные действия митрополита, например, что он критиковал решение правительства отпраздновать юбилей «главного безбожника писателя графа Льва Толстого» и добавил, что правительство на столетний юбилей со дня его рождения ассигновало «150.000 р., и таким образом у аудитории могло получиться впечатление в бесхозяйственном расходовании народных сумм». «Говоря в одной из проповедей о вере в Бога, Кречетович сказал верующим, что в “настоящее время строится новая жизнь и что, так как им, верующим, это не по пути, то им надобно держаться своей линии, твердо веря в Бога”. А корреспондента Тихомирова, написавшего о нем критическую статью и назвавшего его мракобесом, сравнил с царем Иродом <...>».

«Обращает на себя внимание антисемитизм Кречетовича.

1) Во время заседания Митрополитанского Управления, бывшем в присутствии бывшего Архиепископа Севастопольского Николая Розанова, он рассказывал о якобы имевшем место ритуальном убийстве отрока Гавриила "от евреев убиенного" и что будто бы он видел мощи этого мальчика.

2) Объясняя верующим о судьбе еврейского народа, совершенно некстати начал говорить, что указанный народ несет наказание за требование казни Христа, причем были указаны слова народа к Пилату: "Кровь Его на нас и на детях наших".

3) Я, как бывший староста Собора, несколько раз предупреждал Кречетовича о том, что не следует говорить с кафедры ничего нелегального, но он мне ответил, что он всегда говорит правду и что замолчать он не может. При этом добавляю, что в начале мая властями были запрещены Кречетовичу беседы, произносимые им по окончании богослужений, но он, невзирая на это, продолжал вести их с тою только разницей, что он не заканчивал богослужений, а говорил к верующим под видом проповедей все то, что ему было нужно, делая отступления от тем и натравливая одну группу верующих против другой, и своими речами заставлял слушателей выносить впечатления, невыгодные по отношению к Соввласти.

4) Кроме сказанного, добавляю, что осенью и зимой прошлого года у Кречетовича на квартире были собрания его приверженцев, где пели разные церковные песнопения.

Гражданин А.Ф.Кесарийский.
28/IX/29 г.».

Протодьякон Н.П.Шангутский дал следующие показания.

«Я служу вместе с митрополитом Иосифом Кречетовичем в Симферополе, в кафедральном соборе мне приходилось слушать проповеди и беседы его, в которых он

очень часто выражался так: братья и сестры, наступило время Антихриста. Власть наша безбожная непримиримая, некультурная, она нам диктует свой закон, безбожники учат незаконному деянию, и Гражданская Власть отравляет их своими законами. Братия и сестры, вы знаете, что раньше мужички обрабатывали поля свои сохой, и был хлеб, а при Советской Власти появились тракторы (с улыбкой на лице), и все голодные. Братия сестры, теперь все ученые летят на Марс, Луну, а потом полетим на Солнце и потом сгорим. Граф Толстой безбожник и истинный сын самого сатаны. Лермонтов пропойца, М.Горький босяк. Однажды М. Иосиф был в Джанкое, ему доложил перед служением священник местной церкви Парф. Ковалев, что его просили гражданские власти, чтобы он зарегистрировался, он не счел нужным этого исполнить, а священнику о. Ковалеву сделал выговор, почему он не приготовил после вечернего богослужения подводу, чтобы его довели в дом местного священника на ночлег.

Часто собирал он у себя в доме собрания духовенства без разрешения Советской Власти. Прот. И. Попов, Швец и Шановский не стали на его собрания ходить из-за боязни ареста.

Кроме того, Иосиф Кречетович вел среди прихожан, главным образом женщин, антисоветскую пропаганду, пустые разговоры с отдельными группами лиц и отдельными лицами.

Больше по делу показать не могу».

На допросах 23 сентября и 1 октября Кречетович виновным себя не признал. «Членом союза русского народа я не состоял. На монархическом съезде в 1907 г., июле м-це, я участвовал, но не как член союза, а как представитель Саратовского Епархиального братства Св. Креста. В январе м-це 1906 г. Еп. Гермоген в Саратове собрал около 100 чел. духовенства и предложил

всем вступить в Союз Русского народа, я запротестовал против этого предложения, сказав, что нам надо укрепить епархиальное братство Св. Креста. Кроме того, духовенству не следует вступать в Союз еще и потому, что церковь посещают и члены других политических партий вплоть до Социал-демократической, которые на нас смотрят, как на членов других политпартий, и мы потеряем доверие. На монархических собраниях – как это указано в моей печатной биографии – я не выступал. Почему в той же биографии указано, что я совместно с епископом Гермогеном вел борьбу против иноземной революции, я не знаю, никакой такой борьбы с революцией я не вел. О том, что я был ближайшим сотрудником Гермогена, – этого я не отрицаю, но только не в борьбе против революции.

По поводу моих современных выступлений могу показать, что ни одно мое выступление не было направлено против соввласти. Выступал я против безбожников.

Показания записаны верно, мне прочитаны.

Митрополит Иосиф Павлович Кречетович».

12 октября 1929 года в анкете арестованного в графе «Примечания заключенного» Кречетович сделал приписку: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, что и могу подтвердить документальными данными, считая обвинение плодом ложного доноса. Имею печатные труды, напечатанные с разрешения советской власти, о необходимости лояльного отношения к советской власти».

В результате Кречетович был осужден на три года и отправлен этапом в Москву в Бутырскую тюрьму, а оттуда в Ярославский политизолятор.

15 июня 1932 года дело было пересмотрено, и Особое совещание при коллегии ОГПУ решило Кречетовича «по болезни досрочно от наказания освободить, разрешив свободное проживание по СССР».

**Могила обновленческого митрополита Иосифа Кречетовича
на кладбище у церкви Всех святых, Симферополь**

Обновленческий митрополит Иосиф Кречетович вернулся в Симферополь, где скончался в полном одиночестве 22 июля 1933 года в доме №6 по улице Кондукторской. Его похоронили на городском кладбище возле Всехсвятской церкви.

Доклад прочитан в сокращенном виде на XXIV Ежегодной Богословской конференции ПСТГУ в 2015 г.

ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ МИТРОПОЛИТ АЛЕКСИЙ БАЖЕНОВ

*(По материалам следственного дела УФСБ РФ
по Крымской области и г. Севастополю,
архивный № 013617)*

В свое время обновленцы были единомысленны с Советской властью, открыто ее поддерживали и уверенно шли по «пути, указанному Октябрем». О своем сочувствии новой власти и ее карательным органам обновленческое духовенство свидетельствовало не только устными заявлениями, но и реальными делами. Но, выполнив свою миссию, они сами стали ненужным религиозным пережитком, от которого было целесообразно избавиться с помощью все того же карающего меча революции.

8 февраля 1938 года НКВД Крыма провел арест всех священнослужителей и активных мирян симферопольского Петро-Павловского собора, который уже не один год находился в руках обновленцев. В тот день было арестовано 15 человек во главе с настоятелем митрополитом Алексием (в миру Дмитрий Владимирович Баженов), после чего храм по причине отсутствия всех священнослужителей был закрыт.

Баженов родился в Симферополе в 1872 году, 21 мая, в семье священника. По окончании Таврической духовной семинарии в 1894 году служил учителем в церковноприходской школе и был псаломщиком в Покровской

церкви в Керчи. В 1896 году назначен надзирателем Таврической духовной семинарии. В 1898 году поступил в Московскую Духовную Академию, в 1900 году пострижен в монашество с именем Алексий, а в 1902-м, 26 мая, был рукоположен в сан иеромонаха. В 1901 году Баженов перешел в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. По воспоминаниям протопресвитера Георгия Шавельского, «принадлежал к числу самых слабых по успехам студентов, потому что науками, делом он не занимался». В списке по успеваемости был 60-м из 67 выпускников. Академию окончил со званием кандидата богословия и получил назначение на должность преподавателя истории, литургики и гомилетики Псковской духовной семинарии. С 1904 года Баженов – помощник смотрителя Рязанского духовного училища, а в декабре того же года получил назначение на должность инспектора Благовещенской духовной семинарии, но от назначения отказался. С 1906 года служил смотрителем Бахмутского духовного училища. С 22 июля 1911 года состоял ректором Черниговской духовной семинарии в сане архимандрита. А 6 ноября 1913 года был назначен епископом Николаевским, третьим викарием Одесской епархии. 8 декабря состоялась его епископская хиротония. О сложном характере Баженова, сохранившемся в течение всей жизни, можно судить по неприятному эпизоду, случившемуся во время одной из первых служб после хиротонии. В воскресенье Баженов служил в севастопольском соборе. Ему сослужило несколько священников, в их числе и его отец-священник. Новопоставленному епископу не понравилось, как его отец подошел к престолу, чтобы из рук сына принять Святые Тайны, и тот грубо крикнул на старца: «Столько лет служишь ты священником и не смог научиться, как надо подходить к святым Тайнам!» У старца-отца навернулись слезы, но он ни единым словом не возразил бестактному сыну.

Иеромонах Алексий (Баженов)

23 января 1914 года Баженов – второй викарий Херсонской епархии, а 30 июля того же года – первый викарий Херсонской епархии. С 1914 по 1920 год – настоятель Успенского монастыря в Одессе. В 1917 году – временно управляющий Херсонской епархией. Участвовал в работе Поместного собора 1917–1918 годов как епископ Николаевский. 24 декабря 1918 года назначен епископом Елисаветградским, первым викарием Херсонской епархии. С 16 февраля 1921 года Баженов – епископ Тираспольский и временно управляющий Одесской епархией. 28 апреля 1921 года Святейший Патриарх Тихон отстранил Баженова от управления епархией, а в 1922 году он был уволен с должности викария. В том же году Баженов был судим, но отделался испугом. 11 сентября 1922 года постановлением Одесского губернского Ревтрибунала приговорен к двум годам принудительных работ условно. В 1922 году перешел в обновленческий раскол, где его сразу же возвели в сан архиепископа и 13 октября назначили уже обновленческим архиереем Одесской епархии. Кафедра располагалась в Преображенском соборе. В феврале 1923 года избран архиепископом Одесским и Херсонским, председателем обновленческого Одесского епархиального управления. Со всей решимостью прирожденного карьериста Баженов революционизировался, вошел в созвучие с эпохой великих перемен и стал частью печальной истории обновленческого движения.

В 1923 году Баженов возглавил Казанскую епархию. В Казань прибыл 4 апреля, в канун Великого четверга, и сразу отправился в Иоанно-Предтеченский монастырь, где занял покои митрополита Кирилла (Смирнова), а оттуда отправился в Богородицкий монастырь. Епископ Иоасаф (Удалов) совершал литургию и кадил Баженову как архиерею, но когда во время запричастного стиха Алексей сообщил епископу Иоасафу, что он – архи-

епископ Казанский и должен совершать чин омовения ног, то владыка Иоасаф решительно запротестовал, считая его назначение неканоничным, и совершил чин омовения ног самостоятельно. Между тем многие священнослужители подходили к Алексию под благословение. И уже через несколько дней верными митрополиту Кириллу (Смирнову) и епископу Иоасафу (Удалову) остались только две церкви – Петро-Павловский собор и Покровская церковь, но в уездах больше половины священнослужителей отказались признать Алексея Баженова. На стороне владыки Иоасафа остались епископ Афанасий (Малинин) и Андроник (Богословский), Седмиезерный и Раифский монастыри, а в Казани Федоровский женский монастырь. Православные казанцы вскоре разобрались в ситуации, и обновленческие храмы во время служб были пустыми.

В том же году, 14 июля, по доносу Баженова были арестованы трое иноков Иоанно-Предтеченского монастыря. Ожидали ареста епископа Иоасафа (Удалова), однако после освобождения Патриарха Тихона почти все духовенство, соблазненное обновленцами, покаялось, и владыка Иоасаф освящал малым чином престолы, где служили обновленцы. Под контролем обновленцев оставалась только Пятницкая церковь.

На так называемом II Всероссийском Поместном Священном соборе Баженов поставил свою подпись под постановлением лжесобора о лишении сана и монашества Святейшего Патриарха Тихона. С 8 августа 1923 года он – член Всероссийского обновленческого синода. В 1924 году, 16 апреля, стал митрополитом.

В июле 1924 года был участником Всероссийского предсоборного совещания. С 24 ноября того же года – член президиума Всероссийского обновленческого синода. В это же время он пытался поставить вопрос перед Святейшим Патриархом Тихоном о своем «по-

каянии» при условии, если он останется митрополитом. В октябре 1925 года – участник III Всероссийского поместного собора (второго обновленческого), на котором избран членом Всероссийского обновленческого синода. С 1931 года – управляющий Казанской митрополией и председатель Казанского областного митрополитанского церковного управления, награжден правом преднесения креста за богослужением.

В ноябре 1933 года Баженов был назначен управляющим Крымской епархией и поселился в Симферополе по ул. Чатырдагской, 19, служил в Петро-Павловском соборе. Александро-Невский кафедральный собор был захвачен обновленцами еще в 1922 году и закрыт из-за склок и скандалов в общине. Вначале церковная двадцатка обвинила своего митрополита Иосифа Кречетовича в денежных махинациях, а потом и вообще обратилась в НКВД с жалобой на его антигосударственную деятельность, на основании чего он и был арестован. В результате двадцатка отказалась от дальнейшего использования здания собора, который вскоре был взорван. Находившиеся в храме останки святителя Гурия (Карпова), епископа Михаила (Грибановского) и других были перенесены на кладбище около Всехсвятской церкви.

Вскоре вокруг Баженова собрались обновленческие священнослужители и миряне, все те, кто был неспособен отличить ложь от истины в те непростые годы. К этому времени в Крыму было закрыто более 150 церквей, из них 39 обновленческих. В 1933 году прошла еще одна кампания по закрытию церквей. Поводы использовались самые разные. Например, жалоба больных: «Мы, 268 невротных и туберкулезных больных, с возмущением заявляем, что расположенная среди территории санатория Вознесенская церковь безобразно нарушает покой больных своими религиозными обрядами. Так, напри-

**Епископ Алексей (Баженов),
викарий Николаевский. 1913 г.**

мер, при начале службы в церкви раскрывают все окна и двери, вследствие чего звуки всех религиозных обрядов, как то: чтение и хоровое пение, разносятся по всей территории санатория и долетают до ушей больных, лежащих на своих койках, что не только нарушает покой больных, но иногда и заманивает больных в церковь». Или же другой повод – находка скрытых церковных ценностей в православном Троицком соборе греческой общины Симферополя. Под жертвенником работниками

НКВД по наводке стукачей были найдены священные сосуды и другие серебряные изделия, спрятанные во время изъятия в 1922 году, на основании чего был арестован священномученик Порфирий (Гулевич), епископ Симферопольский, и другие священнослужители.

К работе крымского «Союза воинствующих безбожников» было привлечено более 40 тысяч человек, стараниями которых и провели массированную антипасхальную кампанию. А с 1929 года местные власти потребовали дорогостоящих капитальных ремонтов во всех храмах Крыма, чем достигалось две цели – доходы поступали в казну, а духовенство и приходы ставились в сложное, порой, безвыходное положение.

Примерно в это же время из Крыма было выселено около 40 православных священнослужителей, среди которых был архимандрит Дионисий (Чудновец), в свое время – духовник митрополита Вениамина (Федченкова). А об обновленческом духовенстве не без результата хлопотал перед НКВД епископ Вениамин Молчанов, так что некоторым из них разрешали вернуться, например, священнику Н.Федотову.

В 1935 году священник Н.Попов, дьякон Е.Пивоваров и другие из окружения митрополита Алексия Баженова отреклись от сана. К 1936 году число церквей на полуострове сократилось до 37, большинство из которых были обновленческие. В Старокрымском районе действовало три храма, по два храма – в Евпатории, Карасубазаре и Бахчисарайском районе, по одному храму в Биюк-Онларском, Кировском, Красноперекопском, Ленинском, Судакском и Феодосийском районах. По четыре храма оставалось открытыми в Симферополе, Севастополе и Ялте и так далее.

Ближайшим помощником и сподвижником митрополита Баженова был протоиерей Павел Петрович Мишин. Он родился в 1886 году в Новороссийске в семье

Павел Петрович Мишин

священника. В 1915 году окончил Киевскую Духовную Академию. В браке с Марией Николаевной имел сына Антония. В 1920 году в Новороссийске принял священный сан. 19 декабря 1930 года перебрался в Ялту, а в 1936 году перешел в симферопольский Петро-Павловский собор.

Другим ближайшим помощником Баженова был протоиерей Николай Петрович Шангутский. Он родился в Казани в 1880 году в семье дьякона, служил в Астрахани. С 1928 года – в Симферополе. С прибытием Баженова в Крым он стал выполнять его поручения, так как пользовался особым доверием.

В этом же соборе служили и другие священники-обновленцы. Протоиерей Павел Васильевич Пересыпкин.

Он родился в 1870 году в селе Михайловке Змиевского района Харьковской губернии в семье священнослужителя. По окончании Духовной Академии с 1893 года жил в Симферополе, потом переехал в Севастополь, где был благочинным. Во время изъятия церковных ценностей был повышенно активен. В 1929 году вернулся в Симферополь и обосновался по адресу Глухой переулок, 12.

Протоиерей Василий Петрович Аменитский. Родился в 1867 году в селе Спас-Есенович Тверской губернии в семье дьякона. В 1925 году прибыл в Симферополь, где поселился на улице Малофонтанной, 60, с 1927 года – протоиерей. Единственный сын умер во Франции в 1931 году от аппендицита.

Священник Михайлов Сергей Александрович родился в 1871 году в Кривом Роге в семье священника. Сан принял в Ставрополе в 1922 году, в 1927 году был репрессирован НКВД, остался без места. Посещал Петро-Павловский собор и греческую церковь. Служил сторожем в Преображенской церкви, куда его устроил сын. В 1937 году всего 22 дня прослужил священником в Судак. Однако НКВД запретил ему находиться в пограничном городе, и он вернулся в Симферополь.

Священник Зеленский Сергей Филиппович родился, как указано в анкете арестованного, «в 1892 году в Днепропетровской области в селе Водино Каменского района». С 1920 года уже одинокий священник, инвалид II группы. В Симферополь приехал в 1935 году из Белграда, где жил милостыней. В Симферополе прислуживал во Всехсвятской церкви на новом кладбище и там же работал сторожем. Появлялся с просьбой о милостыне и на паперти Петро-Павловского собора.

Иеромонах Варсонофий (в миру Венедикт Дорофеевич Тетиевский) родился в 1887 году в селе Чичирковке Киевской губернии в крестьянской семье. Был в

Инкерманском монастыре, с 1916 года в Четырехсвятской церкви при архиерейском доме. В 1922 году вместе со священномучеником Никодимом (Кротковым) и другими священнослужителями привлекался по делу об изъятии церковных ценностей. В 1930-м сослан на пять лет на Урал, отбыл 3,5 года. В Петро-Павловский собор заходил, но имел ли отношение к обновленцам – неизвестно.

Иеромонах Платон (Васильченко) проживал на одной квартире с иеромонахом Варсонофием (Тетиевским), с которым познакомился, по его утверждению, случайно. Родился в 1873 году в Глуховском районе Черниговской губернии. В 1910 году поступил в Инкерманский монастырь. В 1930 году выслан ОГПУ на три года.

Еще один фигурант этого дела Григорий Артемьевич Бекетов родился в 1883 году в Симферополе, жил на улице Карла Маркса, 33, с сыном Львом и дочерью Ниной. До революции имел красильную мастерскую. А в 1932 году был осужден за сокрытие золота и других ценностей на три года ИТЛ.

Оперативник Казаков регулярно получал информацию от некоего сексота по кличке «Латыш». Сохранилась агентурная записка от 22 июня 1931 года, в которой читаем: «Бекетов Григорий Артемьевич, 45 лет, русский, из бывших дворян. Имеет по Гоголевской улице, № 11, химическую красильню и прачечную. Ярый монархист, антисемит. С 1923 по 1928 год был секретарем, казначеем и председателем церковного совета кафедрального собора. Всеми силами помогал и помогает духовенству. Каждый праздник у него собирается все духовенство. В 1925 году, по его собственным словам, он у себя в доме устраивал молебны о даровании победы русским воинам, находящимся за границей. У него в Симферополе есть еще два брата, такого же духа. Это он говорил сам. В 1926 году он, Бекетов, и Булато-

ва, проживающая по Советской улице в собственном доме напротив “Баяна”, устроили по городу денежный сбор на духовенство, на церковь и послали человека в Москву с ходатайством об открытии собора. Когда им это удалось, они устроили на свечном заводе банкет в честь открытия собора и по сие время Бекетов остался таким же активистом».

Иван Филиппович Мирошниченко родился в 1873 году в селе Белокуракино Харьковской губернии. С 1907 по 1910 год был проводником богомольцев в Иерусалиме. В Симферополь приехал в 1927 году. На квартире у него проживали монах Макарий, монах Тимофей (Поздняков) и священник Сергей Зеленский, совершенно неграмотный.

Михаил Матвеевич Шведов родился в 1878 году в Изборске. По окончании Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1903 году прибыл в Симферополь и преподавал в Таврической духовной семинарии до 1908 года, а до 1917 года был епархиальным наблюдателем церковных школ в Крыму. Одновременно с 1904 по 1917 год М.М.Шведов был членом цензурно-проповеднического комитета при Таврическом архиерее и редактировал «Таврические епархиальные ведомости». Член Александро-Невского и Херсонесского благотворительных братств. Когда протоиерей Алексей Назаревский отказался принять в кафедральный собор знамя «Союза Русского Народа», епископ Алексей (Молчанов) по настоянию М.М.Шведова забрал его в свою церковь. С 1917 по 1928 год преподавал русскую литературу в школе, а позже до 1930 года был научным сотрудником Крым-центрархива, из которого Шведов был изгнан, когда в администрации узнали его прошлое.

Николай Степанович Лапин родился в 1872 году в Вятской губернии, из крестьян. В Крым приехал из Казани в

1905 году. До 1922 года был иконописцем. Хорошо был знаком с православным духовенством: священномучеником Порфирием (Гулевичем), епископом Симферопольским, священномучеником Николаем Казанским и другими. Предлагал в различных храмах Крыма обновить или написать новые иконы.

Степан Прокофьевич Ращенко родился в 1873 году в селе Зуя в Крыму, кустарь. В 1900–1905 годах служил в окружном суде Симферополя переписчиком, был околоточным надзирателем в Евпатории, а с 1911 по 1914 год – пристав в Карасубазаре.

8 февраля 1938 года все вышеперечисленные обновленческие священнослужители и миряне были арестованы. По всей видимости, власть в их услугах более не нуждалась. Осознать это им помогли все те же доблестные органы, на которые, почувствовав неладное, жаловался митрополит Алексей Баженов своим близким, сетуя на то, что в НКВД ему порекомендовали по своей инициативе больше не приходить, а являться строго по приглашению.

Ко всем арестованным лейтенант Модин применил статью 58.10 и 11 УК РСФСР, сформулировав обвинение следующим образом: «Следствием установлено, что практическая деятельность контрреволюционной группы церковников выражалась: в концентрации вокруг церкви враждебного антисоветского элемента, бывших служащих полиции, бродячих попов, монахов, кулаков и другого контрреволюционного элемента, которых использовали в своих контрреволюционных целях. В проведении активной контрреволюционной агитации и пропаганды среди населения, а главным образом, среди верующей массы – против мероприятий партии и правительства» и т. д.

Одним из первых был допрошен митрополит Алексей Баженов.

Во время обыска у него, кроме двух крестов, нескольких штампов и печатей, ничего не нашли, т. к. он к этому времени жил весьма скромно.

Следователь В.Тельминов допросил митрополита 10 февраля 1938 года и выяснил, что его родной брат (в прошлом священник) Сергей Владимирович Баженов работает артистом в Одесском театре, другой брат, Борис Владимирович – служащий в Ленинградском госбанке, а сестра Татьяна Соколова – вдова и проживает в Бердянске. Председателем церковной двадцатки является Иван Андреевич Буримский, а старостой – Евдокия Артемовна Белова.

На допросе Алексей Баженов не стал запираться и без сопротивления, видимо, по привычке, пошел навстречу чекистам. Он заявил:

– Вокруг Петро-Павловского собора группировались реакционные лица, бывшие полицейские, жандармские люди, реакционно настроенные, бродячие попы, монахи, кулаки и другой антисоветский элемент, в особенности нищенствующий элемент, прибывший из Украины, в большинстве своем состоящий из кулаков.

И далее, как бы со слов самого следователя, Баженов говорит о наличии при соборе известной ему «враждебно настроенной против Советской власти» некоей группы церковников, мирян и монахов. Всех уже арестованных называет по имени, порой с краткой характеристикой, и в конце называет себя. Следователь спросил:

– Кто возглавлял руководство этой контрреволюционной группой церковников обновленческой ориентации?

– Руководство этой контрреволюционной группой возглавлял я, Баженов Дмитрий Владимирович, как митрополит, и Мишин Павел Петрович – протоиерей собора, один из активных организаторов. <...> Эта группа ставила целью объединить антисоветский враждебный элемент и реакционно настроенных не только в Симфе-

рополе, но и в других городах Крыма вокруг действующих церквей. Группа использовала все мероприятия ВКП(б) и Советского правительства и растолковывала массам в антисоветском духе, а также истолковывала Новую Конституцию и выборы в Верховный Совет СССР в интересах церкви. Для опорочивания Советской власти группой выдвигались наиболее деклассированные элементы из священнослужителей, монахов и церковников, таких как Зеленский, Мирошниченко и другие, которых выставляли на паперть церкви для проведения антисоветской клеветнической агитации.

– Дайте показания о вашей антисоветской агитации среди прихожан.

– Да, действительно, я признаю себя виновным, что среди прихожан неоднократно высказывался: «Советская власть накладывает на церковь непосильные налоги, религию притесняют, верующих и священнослужителей преследуют, за такое притеснение церкви история не простит большевиков и осудит их действия, воздаст должное, а нам нужно еще крепче объединяться вокруг церкви».

Также я высказывал протоиерею Мишину: «Вся наша церковная жизнь зависит от НКВД, что в НКВД захотят, то и делают, а мы, пастыри церкви, остаемся в стороне, нам даже в последнее время запретили обращаться в НКВД по церковным делам». Кроме этого, я высказывал, что советская печать клеветает на православную церковь и священнослужителей. На днях читал одну статью про одного профессора, якобы бывшего епископа, но этого профессора я знаю, он никогда не был епископом, но правда, он верующий, очень религиозный человек. И вот видите, всех верующих приписывают к нам. Возможно, я указал не все, но больше припомнить не могу.

– Что вам известно об антисоветской деятельности священника Пересыпкина Павла Васильевича?

– Да, мне известны некоторые моменты; беседа неоднократно с Пересыпкин П.В., который в моем присутствии, а также и других высказывал недовольство Советской властью по отношению к религии и церкви. Он говорил: «Советская власть притесняет нас, при Советской власти жить нам очень трудно и тяжело, но нам нужно с этим мириться, ничего не поделаешь, возможно, все изменится, но мне одно интересно, говорил он, до каких пор Советская власть церковь будет облагать непосильными налогами. Вообще нас совсем зажали, вздохнуть свободно не дают». Далее зашел разговор о политике фашизма, где Пересыпкин одобрительно отзывался о фашистских порядках. Он говорил: «При победе фашизма нам жилось бы несравненно лучше, фашизм глубоко заложил свои корни и, несомненно, победа фашизма должна быть в недалеком будущем». Мы, конечно, против его слов не возражали, насколько я помню, при этих разговорах присутствовал Мишин Павел, протоиерей Петро-Павловского собора.

– Дайте показания об антисоветских разговорах протоиерея Мишина Павла Петровича.

– Мишин П.П. также неоднократно проявлял недовольство политикой Советской власти: «Советская власть непомерно душит церковь налогами, платим непосильные налоги, а где взять деньги, неужели власть не видит, что церковь уже довели до невозможности». Тут же он сказал: «Как на это притеснение религии смотрит цивилизованный Запад? Что смотрит Германия и Италия, как истинные поборники за религию? Скорей бы война, тогда уже один конец».

– Что вам известно об Аменитском?

– Аменитский Василий Петрович в разговорах со мной и другими священнослужителями высказывался в реакционном антисоветском духе: «Тяжелые испытания теперь, при Советской власти, для православных христиан

и церкви, невыносимые налоги, преследования и притеснения от власти мы испытываем всегда. Была бы уже какая-нибудь перемена, а то жить невозможно». За Аменитским были и другие разговоры реакционного характера, но все припомнить не могу. Я хочу еще рассказать о чисто клеветнической агитации со стороны Зеленского Сергея Филипповича и Мирошниченко Ивана Филипповича – это деклассированные, бродячие люди, один из них бывший поп, другой монах-паломник. Они оба на паперти открыто агитируют против Советской власти и занимаются вымоганием денег у прихожан, говоря: «Вот до чего довела нас Советская власть!» <...> Зеленский говорил: «Я священник, доведен до нищеты, помогите мне, бедному человеку, обиженному Советской властью». А Мирошниченко: «Я бывший монах-паломник, ходил по святым местам, а теперь разорен и обижен Советской властью». Они оба с Зеленским последние годы занимаются исключительно попрошайничеством на паперти церкви.

На этом допрос был закончен, Баженов ознакомился с протоколом и написал своей рукой: «Мною прочитано и записано верно».

Далее ему сообщили, что следствие по его делу закончено, а на предложение что-либо дополнить митрополит ответил отказом.

13 февраля тот же следователь Тельминов допросил протоиерея Павла Мишина. Он, как и его архиерей, сразу же пошел на сотрудничество со следствием, перечислил всех своих коллег и всем дал персональные характеристики:

– Баженов Д.В. – реакционно настроенный человек, во время проповеди при богослужении проводит анти-советскую агитацию и верующих призывал молиться за осужденных и высланных Советской властью. Во время

выборов в Верховный Совет говорил: «Я участия в выборах принимать не буду». Я спросил его, почему, на что он ответил: «Я протестую против проводимой Советской властью резкой антирелигиозной пропаганды за последнее время и поэтому участвовать не буду».

Аменитский Василий Павлович антисоветски настроен, реакционный элемент. <...> Разговаривая с Шангутским Николаем Петровичем в Петро-Павловском соборе 7 января 1938 г., говорил: «Фактически выборов в Верховный Совет не было, а нас просто заставили всех голосовать за готовых кандидатов, никакой демократии не было».

Капустин К.В., активный церковник, враждебно настроен против Советской власти, он говорил: «Советская власть незаконно преследует религию, закрывает церкви, преследует священников и верующих, а нам против таких преследований необходимо объединяться и вести борьбу».

– Кто посещал вашу церковь?

– Церковь посещали многие, в том числе и антисоветские, реакционно-враждебно настроенные против Советской власти, как то: бродяги попы, монахи, кулаки, бывшие собственники, владельцы, торговцы, монархисты, городовые, полицейские и другие антисоветские элементы. <...>. Ныне арестованная группа церковников действительно посещала и собиралась в Петро-Павловском соборе. Эта группа лиц является контрреволюционной группой, настроенной против Советской власти. Они готовы в любой удобный момент причинить любое зло Советской власти. Они враги советского народа. <...>. Я имел непосредственную связь с митрополитом Баженовым и протодьяконом Шангутским. <...> Баженов говорил, что Советская власть поставила церковь в такие рамки, что она находится в полной зависимости от НКВД, что распорядителем по существу является церковный стол в

лице Гринфельда. Он говорил, что если прежде нам, обновленцам, уделялось некоторое внимание со стороны государственных органов, то теперь и этого нет. Кроме того, он, Баженов, всякий раз в присутствии прихожан во время богослужения добавлял от себя: «Да помянет Бог всех тех, которые находятся в изгнании, т. е. в эмиграции, тех, которые находятся в советских тюрьмах», т. е.: «да поможет Бог всем врагам Советской власти». <...>.

Капустин Константин говорил открыто прихожанам о том, что Советская власть ведет гонения на религию, притесняет священнослужителей. Об этом он всегда жаловался на власть прихожанам. Он, Капустин, постоянно выдавал себя за святого, становился босыми ногами на архиерейское место и громко вслух со слезами произносил молебны. Этими громкими молитвами с рыданиями он часто производил большое психологическое воздействие на прихожан, и они очень умилялись. Я лично считаю, что все это делалось с тайной целью со стороны Капустина – чтобы произвести впечатление на прихожан. Это он исполнял артистически! И я не верил его искренности, я лично был против этих его артистических выступлений. Он также являлся ревностным участником хора и рисовал иконы. Таким образом, Капустин использовался в соборе как сторож, участник хора, оказывал ошеломляющее влияние на массу прихожан в соборе своим богослужением и агитировал против Советской власти.

17 февраля 1938 года Мишин подтвердил свои показания о наличии группы и только добавил, что «о ней узнал в последние дни».

Перечислил всех поименно и заявил, что они ставили своей целью: «1) контрреволюционную пропаганду в среде верующих, прикрываясь религией и церковью; 2) клеветать на советское правительство и руководите-

лей партии; 3) эта группа преследовала цель во что бы то ни стало сохранить Церковь – сохранить веру, учитывая рост безбожия или, как они выражались, – атеизма».

Следователь задал вопрос:

– В чем выражалось ваше участие в контрреволюционной группе церковников?

– Я произносил проповеди и агитировал верующих за христианскую веру, организовывал сбор средств для поддержания церкви, уплаты налогов. Я выражал недовольство преследованием со стороны церковного стола, большими обложениями священнослужителей.

Свое покаяние перед следователем П.Мишин закончил так:

– Я признаю себя виновным в контрреволюционной агитации и в том, что я был идейным руководителем и вдохновителем контрреволюционной группы церковников.

В тот же день Мишину объявили об окончании следствия.

12 февраля был допрошен священник Павел Васильевич Пересыпкин. Он назвал поименно так называемую контрреволюционную группу, но виновным признать себя отказался. Однако через два дня послушно давал «нужные» показания о том, что говорили его близкие о церковных делах. Баженов, например, заявлял: «При фашизме нам жилось бы несравненно лучше, фашизм не преследует церковь». Пытаясь себя оправдать, Пересыпкин заявил:

– Разговоры были в узком кругу, и я не придавал им особого значения, прошу следствие учесть мою старость и меня жестоко не наказывать. Виновным я себя признаю, действительно мне было известно о контрреволюционной группе при Петро-Павловском соборе, но я об этом не общал, а также я знал, что Баженов – реакционный антисоветский человек, всегда роптавший на Советскую власть.

Священник Сергей Александрович Михайлов, допрошенный 11 февраля, виновным себя не признал. Следователь пытался узнать:

– Кто был старый нищий, который часто посещал вашу квартиру по ул. Артиллерийской, 60, с котомкой за плечами, откуда он?

– Это просто нищий, который приходил за милостыней. Фамилии его я не знаю.

– Почему этот нищий приходил за милостыней к вам? Ведь вы тоже нищий бродячий поп! Почему же он не заходил за милостыней к другим, а именно с вами просиживал долгие часы в хибарке?

– Заходил ко мне потому, что я ему давал подаяние. А почему не заходил к другим жителям, я его не спрашивал.

Ничего особенного от священника Михайлова следователь так и не добился, кроме одного признания: «Священный сан я принял из протеста к мероприятиям Советской власти, но виновным себя не признаю».

Михаил Матвеевич Шведов также не признал себя виновным. Он мужественно заявил: «Да, я являюсь монархистом и стоял на защите царской власти и самодержавия <...>. Признаю, что я по убеждению монархист, но никакой контрреволюционной деятельности на свержение власти не вел».

Николай Степанович Лапин отверг все обвинения, но был, как тогда писали, «изобличен показаниями свидетелей» – Кривицкой Евгенией Станиславовной и неграмотным рабочим, жившим по соседству, Клецелем Манусом Мордуховичем:

– Лапин был одним из организаторов черносотенного погромного союза «Истинно русского народа» в Симферополе <...>. Как руководитель он проводил

активную работу по вербовке новых членов. Он был ярым антисемит – ненавидел и презирал евреев, в том числе и меня. Живя в одном дворе, вечно ругал евреев отборной бранью. Запрещал своим детям посещать квартиру евреев, говоря: «Вам нечего ходить к паршивым жидам».

Ложных обвинений не признал и Степан Прокофьевич Ращенко, который под каждым лаконичным ответом ставил свою подпись. Следователю помогла свидетельница Мирра Попова. Характеризуя обвиняемого, она сказала, что он «очень религиозен, говорит, что Советская власть притесняет верующих. Сейчас полное беззаконие и произвол, моего зятя Белобокова арестовали лишь за то, что он, будучи совершенно невинным, не хотел быть секретным агентом ГПУ. Ращенко говорил, что не нужно бояться открыто проповедовать, а нужно высказывать в народе все открыто, и что религия все перевернет и победит Советскую власть».

Григорий Артемьевич Бекетов на допросе от 10 февраля категорически отрицал, что был членом Союза русского народа и, невзирая на неотвратимые требования следователя признать себя членом контрреволюционной группы, виновным себя не признал. Но следователю и здесь оказала посильную помощь «свидетельница», некогда работавшая у Г.А.Бекетова:

– Я занимала у него деньги, и он заставлял меня отработывать, платил очень мало. Имеет два дома. По вечерам у него собирались какие-то подозрительные люди, часто выпивают и ведут какие-то разговоры шепотом, о чем говорят, понять нельзя.

Священник Сергей Филиппович Зеленский оказался податливым. Он заявил:

– Деятельность контрреволюционной группы церковников <...> сводилась к следующему: сеяли недоверие в народе к политике и мероприятиям партии и советской власти. Распространяли клеветнические слухи о том, что Советская власть преследует невинных церковников и лиц, осужденных за контрреволюционную деятельность, превозносили как мучеников за веру <...>. Баженов высказывал клевету на Сталина: «Он безбожник, ведет борьбу с церквями», и обзывал Сталина ругательскими плохими словами. «Пишут в Конституции – церковь, мол, свободная, а устраивают адское гонение на верующих, облагают церковь непосильным налогом».

Иеромонах Варсонофий занял странную позицию. Он заявил следователю:

– Я действительно до 1930 года вел активную контрреволюционную пропаганду, носил монашеское облачение и был сослан только лишь за длинную одежду! <...>. Свою контрреволюционную деятельность категорически отрицаю. Я порвал всякую связь с прошлым монашеством и с момента моего возвращения с высылки я никакой контрреволюционной работы не проводил. Собор посещал для любопытства. Я не имел никакого общения с церковниками и о их контрреволюционной деятельности я ничего сказать не могу <...>.

Иеромонах Платон (Васильченко), проживавший в квартире вместе с иеромонахом Варсонофием, отрицал свою принадлежность к контрреволюционной группе. На вопрос, какие церкви посещает, заявил: «Никакие». Виновным себя в контрреволюционной агитации не признал. Свидетельница Лукерья Иванова показала:

– Подозрительные личности, весьма религиозные, вся квартира в иконах. На квартире проводили религиозные молебствия, к ним ходили какие-то подозритель-

ные лица и закрывали ставни. Под видом общих обедов, куда они приглашали посторонних лиц, проводили религиозные антисоветские беседы. В общем, они устроили в квартире благотворительную «коммуну», куда им таскали продукты посторонние женщины.

Иван Филиппович Мирошниченко под давлением следователя признал, что был с бездомными монахами и священнослужителями и временами сам нищенствовал и просил милостыню на паперти Петро-Павловского собора. На квартире у него проживали бедствующие монахи Макарий и Тимофей, а также проходящий по делу священник Сергей Зеленский. Ностальгическими воспоминаниями для И.Мирошниченко неизменно оставались времена с 1907 по 1910 год, когда он был проводником паломников в Иерусалиме. Как ни странно, и эта подробность была вписана следователем как часть обвинения.

Подследственный Константин Васильевич Капустин, как выяснилось, отказался подписываться на заем:

– На пушки и убийства денег давать не буду.

Следователь спросил:

– Вам объясняли о том, что заем обороны означает сохранение мира на всем земном шаре и что укрепление границ нашей страны обеспечивает мирную жизнь для народов Советской страны?

– Да, мне это объясняли, но я не уверен, что на нас могут напасть.

– Следователь требует от вас показания о вашем участии в контрреволюционной группе при Петро-Павловском соборе.

– Я политикой не интересуюсь и не знаю.

– В некоторых странах существует диктатура фашизма. Каково ваше отношение к этим странам, т. е. к диктатуре власти фашистов?

– Я отношусь ко всякой власти с уважением.

Далее следователь Васильев выяснил, что Капустин в Петро-Павловском соборе читал, пел и исполнял другие поручения. Близко общался с митрополитом Баженовым, который был его духовным отцом, а также протоиереем Мишиным и другими. После соответствующих воздействий следователь получил признание.

Там, где случались накладки или подследственные вопреки всему упорствовали и не желали «одуматься», у следствия были свои «дежурные» свидетели. Их вызывали, и они послушно, отдавая отчет о важности происходящего и их участия в нем, давали показания.

Следователем Тельминовым по этому делу были приглашены священники Евгений Ксенофонтович Кульчицкий и Николай Федорович Швец. Они в унисон подтвердили официальную версию о том, что при соборе есть контрреволюционная группа, члены которой под предлогом ремонта собирают средства и распределяют их между собой.

На паперти бродячие попы в рваной нищенской одежде ведут контрреволюционную агитацию. Они заявляют всем прихожанам: «Пожертвуйте несчастному бывшему священнику, ставшему нищим и голодным», и рассказывают всем, как их дважды ставили к стенке и пугали расстрелом.

Священник Николай Швец сообщил:

– Священнослужители Пустовойтов Василий, Соколовский Владимир и Шангутский Николай после службы ведут с прихожанами частные разговоры, где те излагают свои чувства о притеснениях и гонениях на церковь и веру <...>. Во время разбора Конституции Баженов возмущался ст. 124-й, говоря, что статья притесняет религию еще больше, чем старая Конституция и что свободы по существу не существует и в новой Конституции.

Митрополит Алексей Баженов

Ему высказывали сочувствие Мишин, Шангутский, Пустовойтов, Соколовский <...>. Эти священники являются законспирированными врагами Советской власти и ожидают момента, чтобы проявить свое вражеское нутро, а пока они проявляют себя в церкви и воздействуют на прихожан психологически с духовной стороны. В прошлом Баженов архиерей-митрополит имел десять тысяч десятин земли, угодья, дома и т. д.

Мне известны случаи проявления со стороны Баженова пренебрежительного отношения к людям рабочим и своим подчиненным, к тем, кто не реакционно настроен к Советской власти. Как, например, 31 января с/г ему принесли повестку в НКВД, и рассыльному он отказался

открыть дверь и принять повестку. Постоянно он высказывает ненависть к русским, заявляя, что русский народ – это самый некультурный народ, самый грубый и отсталый. Восхваляет иностранцев, говоря, что там, за границей, культура, народ способный и цивилизованный <...>, выражал негодование, почему все приписывают Сталину <...>. Баженов должен финотделу 4000 рублей налога, которые отказывается платить <...>.

Митрополит Алексей Баженов проживал на квартире малограмотного Ильи Даниловича Джюванова по ул. Чатырдагской, 19. Его тоже вызвали и допросили, он сказал:

– Баженова посещали попы Петро-Павловского собора <...>, приезжали крестьяне по вопросу религиозного порядка, и он с ними подолгу о чем-то беседовал. Они просили священников, но он говорил: «Теперь Советская власть притесняет церковь, ведет активную борьбу с религией, а поэтому вы пока со священниками не спешите. Вот утвердят новую Конституцию, так тогда будет свободнее проводить богослужения <...>». Баженов мракобес, враждебно настроен против Советской власти, свое недовольство проявляет в скрытой форме.

В результате все 15 человек во главе с обновленческим митрополитом Алексеем Баженовым как «участники контрреволюционной группы за систематическое ведение антисоветской агитации, клеветнические измышления о скорой войне и гибели Советской власти» 15 февраля 1938 года были осуждены тройкой НКВД по ст. 58.10 и 11 УК РСФСР и приговорены к расстрелу.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ЛЮБОВЬ РОЖДАЕТСЯ В СВОБОДЕ

Священная цепь Предания

Богословие мученичества.....	8
Великий старец великой эпохи	
<i>Воспоминания об архимандрите Кирилле (Павлове)...</i>	23

Человек в Церкви

Все вопросы разрешаются в сердце	30
О следовании за Христом	34
Христос – в центре бури и скорби	36
О Божественной несправедливости	39
Молясь, превратиться в маленьких детей	42
Кто мой ближний?	45
Война небесная и земная	48
Духовная мобилизация	51
Современные гадаринцы	54
Был ли ты человеком?	57
Преодоление хаоса	60
Читать, перечитывать, понимать, проживать	63
О долге и прощении	66
О долге и жертве	69
Статус человека определяет Бог	72

Церковь святых

«Се, Раба Господня!»

На Благовещение Пресвятой Богородицы 77

«Веселися, пустыня нерождающая!»

На Рождество Предтечи Господня Иоанна 79

Радостный свет милости

Святитель Николай Мирликийский 81

Гибель империй. Взгляд из вечности

Святитель Августин Иппонийский 84

Оправданный Богом

Святитель Нектарий Эгинский 86

Амбиции или ангельское чувство?

Великомученица Екатерина 91

Подтверждение выбора

Равноапостольный князь Владимир 94

Окна русского мира

Благоверный князь Александр Невский 97

Ухватиться за небо

Блаженная Ксения Петербургская 100

«Радость моя, стяжи дух мирен»

Преподобный Серафим Саровский 103

Подлинные герои русской истории

Преподобный Сергей, преподобномученицы

Елисавета и Варвара..... 105

Неотмирная радость

Священномученик Аркадий (Остальский) 110

Покаяние слез и покаяние крови

Новомученики Церкви Русской 112

Для чего Бог стал Человеком?

О православном материализме и Божественном смирении <i>На Рождество Христово</i>	115
Ветхое и новое <i>На Сретение Господне</i>	119
Крест Христов и наше крестоношение <i>В Неделю Крестопоклонную</i>	121
«Воскресение Христово видевше» <i>На Святую Пасху</i>	125
«Да будете сынами Света» <i>На Преображение Господне</i>	127

Диалоги: вопросы современности

Спасение – это живые творческие отношения с Христом	129
Разговор в другом измерении	142
Современный образ женщины	156

ЧАСТЬ II. ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ

Статьи и выступления

Значение мученичества в истории России XX века ...	166
Пути превращения	176
Апостол Андрей Первозванный	183

Преподобномученик Парфений, игумен Кизилташского монастыря	189
Епископ Житомирский Максим (Руберовский)	199
Опыт святости XX века в образовательном процессе	211
Свято-Николаевское братство священномученика Аркадия (Остальского) в Житомире.....	217
Наследие князя Владимира	235

Страницы истории Крымской епархии

Хроника событий двадцатого века (1917–1961)	240
Обновленческий митрополит Иосиф Кречетович	341
Обновленческий митрополит Алексей Баженов	377

Знак информационной
продукции **16+**

Научно-популярное издание

Епископ Нестор (Доненко)

ЛЮБОВЬ РОЖДАЕТСЯ В СВОБОДЕ

Расшифровка аудиозаписей
монахиня Евстолия (Егорова)
Сбор аудиозаписей *Н.П.Турова*
Редакторы *Р.А.Замтарадзе, А.В.Блинова*
Макет и компьютерная верстка *А.В.Пинчук*
Дизайнер *О.Л.Балаклеец, Ю.А.Яковенко*
Художественный редактор *Н.В.Дымникова*

«Н.Оріанда»™
ИП Дымникова Н.В. 91 № 000002810 от 25.11.2014 г.

Подписано к печати с оригинал-макета 14.10.2019.
Формат 70х100 ¹/₁₆. Гарнитура «Myriad Pro». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 32,8. Тираж 2000 экз. Заказ № 86.

«Н.Оріанда»™ 295051, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, а/я 13
Тел.: 8 (3652) 60-49-19, 8 (978) 726-76-68
E-mail: n-orianda@mail.ru; <http://n-orianda.ru>

Полиграфическое исполнение: ООО «Константа»
Россия, Белгородская область, Белгородский район, поселок Северный,
ул. Березовая, д. 1/12, тел.: (4722) 300 720.